ЧЕЛОВЕК
СООБЩЕСТВО
УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

№1 · 2004

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

1-2004

Издается с марта 1999 г.
Периодичность – 4 номера в год

Свидетельство о регистрации
№Р2829 от 16 марта 1999 г.
выдано Министерством
Российской Федерации по делам
печати, телерадиовещания и
средств массовых коммуникаций

Учредитель:
Кубанский государственный
университет

Адрес редакции:
350040 г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149, к. 404-н.
Тел. (8612) 69–95–63, 69–95–64

Адрес издателя:
350040 г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149.
Кубанский государственный
университет

Дизайн обложки: С.Г.Ажгихин,
М.Н.Марченко
Оригинал-макет: Д.А.Хрипков

Отпечатано в типографии
«Агропромполиграфист»,
350062 г.Краснодар, ул.Ковалева, 5.

Подписано в печать 05.07.04.
Уч.-изд.л. 14,75. Усл. печ.л. 13,8.
Тираж 600 экз. Заказ №134.

Главный редактор:
Е. В. Морозова, д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет:
Т. А. Алексеева, д-р филос. наук, проф. (МГИМО (У)); **Л. А. Арутюнян**, д-р филос. наук, проф. (Ереванский ГУ); **В. А. Бабешко**, д-р физ.-мат. наук, проф., академик РАН (Кубанский ГУ); **А. А. Бодалев**, д-р психол. наук, проф., академик РАО; **А. А. Гаврилов**, д-р экон. наук, проф. (Кубанский ГУ); **С. Деллер**, PhD, проф. (университет Висконсин – Мэдисон, США); **В. В. Знаков**, д-р психол. наук, проф. (Институт психологии РАН); **Я. Л. Коломинский**, д-р психол. наук, проф. (Белорусская академия образования); **Л. Е. Лаптева**, д-р юр. наук, проф. (Институт государства и права РАН); **Е. В. Морозова**, д-р филос. наук, проф. (Кубанский ГУ); **Х. Пилкингтон**, PhD, проф. (Бирмингемский университет, Великобритания); **А. Л. Стризое**, д-р филос. наук, проф. (Волгоградский ГУ); **П. М. Хакуз**, д-р филос. наук, проф. (Кубанский ГТУ); **А. Ю. Чирг**, проф. (Адыгейский республиканский государственный институт гуманитарных исследований); **В. К. Шаповалов**, д-р пед. наук, проф. (Северо-Кавказский ГТУ); **В. Ю. Шпак**, д-р филос. наук, проф. (Ростовский ГУ); **Е. Р. Ярская-Смирнова**, д-р социол. наук, проф. (Саратовский ГТУ).

Редакционная коллегия:
О. А. Оберемко, зам. гл. редактора, канд. социол. наук, доц.; **Г. С. Курбатова**, отв. секретарь; **Т. Т. Авдеева**, д-р экон. наук., проф.; **В. П. Бедерханова**, д-р психол. наук, проф.; **А. М. Ждановский**, канд. ист. наук., доц.; **А. А. Лузаков**, канд. психол. наук, доц.; **З. И. Рябикина**, д-р психол. наук, проф.; **В. М. Юрченко**, д-р филос. наук, проф.

1-2004

Содержание

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НОМЕРА 4

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ

Климов И.А. Социальная мобилизация: к истории понятия 6
Кожевников С.Б. Дилетантизм в искусстве и повседневности 24
Шмерлина И.А. Наука о сложных системах и ее социологические коннотации 36

МЕСТНЫЕ СООБЩЕСТВА

Прайсинг Дж. История программы «Extension» в университете штата Висконсин 50

ЧЕЛОВЕК В МИРЕ

Бодалёв А.А. История разработки проблемы познания людьми друг друга в СССР–России 57
Фоменко Г.Ю. Парадоксальность как конституирующее качество профессионального бытия психолога 69

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Пилкингтон Х.А., Старкова Е. «Продвинутые» и «нормальные» стратегии глокальной жизни 84
Ракачёва Я.В. Против кого дружим? Этнический дискурс в кубанской прессе 104

КАФЕДРА

Коваленко В.Н. Типичные ошибки в грантовых заявках 119

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Павленко В.Г. Зарубежный опыт коммерциализации интеллектуальной собственности 134

SUMMARY 142

Представление номера

Поздравляем наших читателей с нашим пятилетием и выходом в новом формате. Приветствуем наших первых подписчиков и искренне надеемся не обмануть их ожиданий.

Открывает номер новая рубрика «Социальная теория».

Автор первой статьи номера попытался, говоря его словами, преодолеть «концептуальную нищету темы мобилизации». **И.А. Климов** трактует социальную мобилизацию как феномен, в котором взаимодействуют деятельностные характеристики социальных субъектов и структурные детерминанты действия. Предпринятый им анализ показывает, что теория социальной мобилизации порождена не постмодернистским дискурсом, а классической социологической традицией.

С.Б. Кожевников в русле свободы от предрассудков — предварительных оценочных суждений — раскрывает роль дилетантизма в истории культуры, помещая дилетантизм и профессионализм на разные полюса индивидуального бюджета времени.

И.А. Шмерлина обнаруживает, что в социальных науках и радикальный конструктивизм (в духе так называемого лингвистического поворота в социологии), и радикальный социобиологизм, метафорически уподобляющий общество организму, приводят к солипсизму и гипостазированию самореферентности. Парадоксально, но при современном состоянии социальной теории напоминание автора о необходимости отличать реальность (в том числе социальную) от ее описания отнюдь не выглядит банальным.

Дж. Прайсинг знакомит с историей программы Extension, которая появилась в период активной индустриализации США для содействия развития сельских территорий. Ее приоритетами стали научный подход и вовлечение населения в жизнь местных сообществ. Автор предлагает периодизацию истории программы, рассматривает особенности ее реализации в штате Висконсин.

В работе **А.А. Бодалева** представлена история разработки проблемы познания людьми друг друга в СССР и России, выявлены тенденции, характеризующие развитие этого направления в отечественной психологической науке за четыре последних десятилетия.

Парадоксальности как конституирующему качеству профессионального бытия психолога посвящена статья **Г.Ю. Фоменко**; парадоксальность обнаруживается и в предметном поле психолога, и в ситуации психодиагностического обследования, и в сотрудничестве психолога с представителями других специальностей.

Описание «продвинутой» и «нормальной» жизненных стратегий провинциальной российской молодежи представляет собой сокращенный вариант пятой главы книги (*Pilkington H. et al.* Looking West? Cultural Globalization and Russian Youth Cultures. University Park: The Pennsylvania State University Press, 2002), ставшей итогом многолетнего исследования молодежной культуры российских городов. Книга написана коллективом авторов из Центра российских и восточноевропейских исследований Бирмингемского университета (профессор **Хилари Пилкингтон** и Мойя Флинн) и НИЦ «Регион» Ульяновского госуниверситета (Е.Омельченко, Ульяна Блюдина и Елена Старкова).

В статье **Я.В. Ракачевой** на основе данных контент-анализа ведущих кубанских газет за 2001–2003 гг. представлены модели репрезентации межэтнических отношений и топика этничности.

В статье **В.Н. Коваленко** рассматриваются основные ошибки, допускаемые авторами заявок на гранты, и предлагаются некоторые способы их исправления. Систематизированы предложения доноров для организаций, обращающихся к ним за финансированием проектов, даются рекомендации по работе с грантовыми программами.

Зарубежному опыту коммерциализации интеллектуальной собственности посвящена статья **В.Г. Павленко**. Тема актуальна в связи с программой развития центров трансфера технологий на базе вузов, академических и отраслевых институтов.

Социальная мобилизация: к истории понятия

И.А. Климов*

Исследования социальной мобилизации в значительной мере направлены на выделение субъекта социального действия, вызывающего реструктурирование сообществ. Этот субъект не обязательно конституируется численным большинством (хотя численность является важным социальным ресурсом). Более важным представляется его способность осуществить социальную рефлексию, привести в движение мобилизационные механизмы и оказать стимулирующее влияние на развитие структурационных процессов.

Понятие «мобилизация» имеет коннотации «военная», «революционная», «этническая»; оно ассоциируется с трудовым энтузиазмом «великих строек социализма», протестно-мобилизационной риторикой митингов, шахтерскими акциями протеста начала 1990-х и «рельсовой войной» 1998 г. Мобилизационный дискурс характеризуется эклектичностью, и в нем все более заметны тенденции к идеологизации; мобилизационная проблематика растворена в политических дискуссиях, за которыми не просматривается теоретической систематизации. Историко-теоретическая традиция проблематизации социальной мобилизации не реконструирована, в силу чего в исследованиях практически не учитывается *кумулятивный эффект научного наследия*. Именно из-за концептуальной нищеты тема мобилизации все чаще фигурирует в публицистике и в политологических текстах в связи с острой п отребностью в социальной интеграции, вполне возможно превращение этого понятия в идеологическое клише.

Многоуровневые политические и социокультурные трансформации российского общества не просто изменили принципы социальной интеграции, а нарушили действие интегративных механизмов, институционализированных в предыдущую эпоху. Реформами были созданы новые политические и структурно-институциональные возможности, но механизмы социальной интегра-

* Климов Иван Александрович – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН. Электронная почта: klimov@orc.ru

ции, основанные частью на новых, частью на адаптированных старых принципах, оказались неспособными противостоять развитию аномии. Современные социальные структуры российского общества неопределенны и нестабильны. Неясны правила их деятельности, сфера компетентности и ответственности, объем ресурсов (властных, материальных, социальных); их отличает недостаточная эффективность и слабая респонсивность — способность воспринимать социальные воздействия и адекватно на них реагировать.

Люди осознают такую ситуацию как тревожную, угрожающую их нормальному повседневному существованию. Личный опыт индивида не может служить ему надежным ресурсом в плохо структурированном социальном пространстве, в условиях плохо прогнозируемого будущего — как своего собственного, так и социально-слоевого. Очевидно, что синдром социальной тревожности, восприятие людьми своего социального и природного пространства как непригодного для жизни создает почву как для протестной мобилизации, так и «мобилизации во имя…», одинаково направленных на переопределение кризисной ситуации. Однако страхи и тревожность — это лишь симптомы, изучение которых только отчасти может приблизить нас к пониманию механизмов социальной мобилизации. Вместе с тем поле альтернатив этим не ограничивается. П. Лазарсфельд отмечал, что ухудшение условий жизни, происходящее на фоне (субъективно) непонятных и (объективно) неподконтрольных общественных изменений с намного большей вероятностью влечет за собой деморализацию, апатию и социальную атомизацию, нежели ту или иную форму политической инициативы и мобилизации. И действительно, *массовый отказ от проявления инициативы* в структурных формах, предлагаемых властью, является сильной и эффективной стратегией протеста. Одним из первых это отметил Р. Мертон, обозначив *ретретизм* в качестве одного из способов индивидуальной адаптации к структурной аномии.

В тех обществах, где слабо развита солидарность, процессы целеполагания рассогласованы, а наличные институты разного уровня демонстрируют низкую степень респонсивности, что препятствует рационализации общественных отношений и усиливает дезинтеграцию общества. Таким образом, в периоды социальных изменений общество объективно нуждается в ресурсе солидарности и в ресурсе инициативы — двух слагаемых социальной мобилизации, и задача власти, институтов гражданского общества состоит в том, чтобы стимулировать и целеориентировать развитие этих феноменов.

Социальную мобилизацию можно рассматривать как феномен, в котором взаимодействуют деятельностные характеристики социальных субъектов и структурные детерминанты действия. По крайне мере, такое ее описание представляется релевантным для классических социологических доктрин эпохи модерна, в которых упомянутая оппозиция была одной из ключевых. Постижение логики социальной мобилизации как контроверзы структуры и действия особенно важно в те моменты, когда социальная организация обще-

ства приходит в движение, изменяется пространство социальных координат и на смену одним социальным акторам приходят новые социальные субъекты.

Эпоха модерна — достаточно условное обозначение периода в развитии новоевропейской культуры, простирающегося приблизительно от начала Нового времени до середины XX столетия [18, с. 324][1]. Модернизм, если рассматривать его как комплексное движение в более чем столетней истории культуры, отталкивался прежде всего от реалистического (а в какой-то момент — от позитивистского) мировосприятия нового времени. Он стремился не просто к описанию реальности, а к ее *моделированию*, поскольку основывался на убеждении, что разум и аналитический подход способны вычленить базовые детерминирующие факторы развития и изменения мира. Предполагалось, что тем самым наука может привнести в мир разумное начало и стать основной рационального переустройства социального порядка.

Парадигма научности включала в себя два существенных элемента, тогда еще не казавшихся противоречивыми. Первый из них описывается бэконовской формулой «знание — сила» и представляет установку научного поиска; второй — формулой Сократа «знание есть добродетель»; рациональный активизм ориентировал науку на активное социальное участие. Таким образом, в *двуедином этосе* Просвещения тождественными оказывались понятия «ум», «могущество», «добро», а главной задачей социальной науки стало прозрение путей к социальному благоденствию и улучшению нравов. Именно в силу этих установок концептуальные построения социальных мыслителей эпохи модерна отличались масштабностью описательных моделей и четким *доктринальным* характером.

Модернизм породил серию попыток решить гоббсову проблему порядка, общим для которых было стремление к открытию основ *рационально организованного социального взаимодействия*. Такой подход базировался (в большей или меньшей степени) на аналогии с механистической картиной мира: если мир состоит из неделимых атомов, обладающих рядом свойств, то и в социальных науках взаимодействие между социальными атомами может быть исчислено на базе их характеристик. В силу этого *проект модерна* можно назвать проектом социальной инженерии, поскольку в его основе лежит деизм — религия разума, а не религия откровения. Единственным критерием истины является разум, а разумная упорядоченность человеческого бытия есть тот идеал, в котором объединятся гармоничность и естественность индивидуальных и общественных склонностей.

Стремление к созданию моделей исторического развития и изменений предопределило появление базовой проблемы социологической науки — контроверзы *структуры* и *действия*. Если первое понятие символизировало упорядоченность и определенность свойств природного и социаль-

[1] Специфика русской языковой традиции делает двусмысленным употребление слова «модерн», ассоциирующегося в первую очередь с направлением в искусстве конца XIX–XX вв.

ного мира, потенциально доступного для понимания, то за вторым скрывалась антитеза бесформенности, неупорядоченности и хаотичности движущегося материала мира. Для мира социального это был в первую очередь сам человек. Одной из стержневых тем для социальных теоретиков эпохи модерна стал, таким образом, поиск возможных *разрешений* этой контроверзы.

* * *

Одним из первых к термину «мобилизация» обратился Э. Юнгер в эссе «Тотальная мобилизация» (1930) и «Рабочий» (1932) [27]. Главным предметом его ранних работ была своего рода диагностика «эпохи людских масс и машин» периода Первой мировой войны и революционных движений в России, Италии и Германии. Юнгер полагал, что главным отличием эпохи является особое переживание войны, в котором соединены ощущения людской массы и принудительной безжалостности техники. Такое переживание – всеподчиняющее и «принудительное» вовлечение всех жизненных сил и средств людей и общества в целом в тотальную мобилизацию во имя страны и государства, становится принципом, *тотальным образом организующим жизнь* – от экономики и политики до психологического склада человека.

В операциональном виде понятие мобилизации появилось в западной социологии уже в рамках исследований социальных движений, развитию которых в немалой степени способствовал всплеск социальной активности и «бунтарский дух» 1960-х гг. Первоначально эти исследования носили отпечаток ранее возникшей традиции, ориентированной на проблематику массового общества, тоталитарных режимов, стихийного массового поведения и толп. Понятие мобилизации в ней ассоциировалось с процессами национального сплочения, с усилением роли институциональных механизмов управления активностью населения (Г. Тард, Г. Лебон, Т. Адорно, Х. Арендт).

На этой основе сформировалась парадигма «коллективного поведения», которая исследовала проблему с точки зрения *мобилизации действия*. Существенный недостаток этого направления заключается в том, что мобилизация как «подготовка к действиям» зачастую отождествляется с самими действиями. Так, согласно ранним работам Г. Блумера, способом существования любого коллективного объединения является *общая деятельность*. Отсюда следует, что *любая* активность индивидов, направленная на установление *общности* (причем совершенно неважно, на каких основаниях – рациональных, аффективных, ценностно-мировоззренческих) уже сама по себе есть «мобилизация действия» [28].

Другие представители этой парадигмы (Дж. Дэвис и Т. Гарр) в качестве причин таких мобилизационных феноменов, как социальный протест, коллективное насилие и революции, называли феномен «относительной депривации» — болезненный синдромом сознания, эпидемиологически распространяющийся среди населения и не контролируемый ценностями и нор-

мами институциональной культуры [31; 33]. Теория относительной депривации трактует *мобилизационные феномены* как результат суммирования индивидуальных предрасположенностей (степень депривированности) и тенденций в индивидуальном поведении (недовольство, протест) и достаточно спонтанное превращение их в ту или иную *форму коллективного насилия*.

Г. Блумер, принимая психологию индивидов только как один из факторов, влияющих на коллективное поведение, разрабатывал проблематику социальных движений в несколько ином направлении [29; 30]. Он полагал, что любые формы коллективности характеризуются свойствами, не выводимыми из свойств отдельных индивидов, и важную роль в этом играют *социальное взаимодействие и групповая структура*. Блумер объясняет феномен мобилизации, с одной стороны, процессами ценностно-мировоззренческой кристаллизации и развития групповой сплоченности, с другой — процессом коллективного конструирования *проблемной ситуации*. Коллективное поведение при таком подходе представляет собой процесс непрерывной мобилизации действия, принимающий разнообразные формы и имеющий своей целью добиться от общества признания некоторой ситуации, актуальной для определенного круга людей, в качестве проблемной и чреватой социальными конфликтами.

Другое направление в социологии общественных движений — *парадигма мобилизации ресурсов* — существенным образом изменило исследовательские акценты, положив в основу описания феномена «модель рационального выбора» [34]. Понятие мобилизации как целенаправленного и рационального предприятия было описано М. Олсоном. Он исходил из представления, что любая коллективная деятельность направлена на создание общей, всеми потребляемой ценности. Ради нее акторы предпринимают *рациональные действия*, ориентируясь на ясно обозначенные, фиксированные цели. Для этого они устанавливают централизованный контроль над доступными ресурсами, над получаемой «прибылью» и определяют наиболее эффективные (ресурсосберегающие) стратегии [38].

В рамках теории «мобилизации ресурсов» мобилизация определяется как «процесс, в ходе которого индивидуальные ресурсы членов группы передаются в распоряжение этой группы, накапливаются и направляются на достижение общих целей или для защиты групповых интересов» [37, p. 306]. Представители этого направления стремились в первую очередь операционализировать понятие «ресурсы», систематизировать все их разновидности, а затем описать механизмы, с помощью которых происходит их аккумуляция и использование участниками социальных движений. Исследователи, работавшие в ресурс-мобилизационной парадигме, главным образом обращались к проблемам организации, рекрутирования и членства, выбора эффективных стратегий действия, репертуара действий [35; 37].

Одним из первых исследователей, заявивших о необходимости концептуализации понятия мобилизации, стал А. Этциони [32]. Разрабатывая эту

концепцию во многом в системно-эволюционистской традиции, он ввел в научный оборот такие понятия, как «мобилизационный потенциал», «мобилизационные барьеры», «респонсивность», «контрмобилизация» и ряд других. Он увязал концепцию мобилизации с понятиями модернизации, интеграции и социальных изменений, показав далеко неоднозначные зависимости между этими явлениями и процессами.

Не менее заметным направлением стали исследования политического контекста, возможностей политического участия и репертуара действий, предпринимаемых социальными движениями и общественными организациями (Ч. Тилли, С. Тэрроу, Д. Макадам, Г. Китчелт). Основной тезис Тилли заключается в том, что социальные движения начинают развиваться, во-первых, в условиях институциональной ригидности властно-политической системы общества и, во-вторых, когда властные группы (в силу определенных обстоятельств) не могут осуществлять полноценный контроль над подлежащими такому контролю сферами общественной жизни. Разнообразные трансформации, происходящие как на социетальном, так и на локальном уровне, ставят перед людьми новые задачи, порождают у разных социальных групп новые интересы, которые все труднее удовлетворить, не изменяя институционального порядка общества. Социальные движения небезосновательно рассматривают политическое участие как одну из возможных стратегий реализации своих интересов, они прибегают к внеинституциональным формам коллективных действий с целью добиться результата в сфере институциональной. В силу этого, согласно Тилли, процесс рекрутирования, мобилизация консенсуса и развитие солидарности, проводимые акции и предпринимаемые внеинституциональные действия являются звеньями политической мобилизации, направленной на подрыв монополии власти, на организацию и институционализацию социального взаимодействия [42].

Дальнейшее развитие мобилизационной проблематики связано с появлением ряда социологических парадигм, в которых понятие мобилизации хотя и занимало важное место, но уже не относилось к терминам первого ряда. В парадигме «новых социальных движений» (А. Турен, А. Мелуччи) процессы мобилизации рассматривались в контексте идеи групповой идентичности и создания новых культурных кодов и моделей описания мира [36; 43]. В парадигме «социального конструктивизма» эта тема возникала для объяснения процессов конструирования и легитимации социальных проблем [41]. В активистской социологии делается акцент на способности мобилизационных флуктуаций изменять институциональную организацию обществ, создавая новые социальные практики и институциональные структуры (Э. Гидденс, П. Штомпка). Этносоциальные исследования традиционно оказывают заметное влияние на развитие концепции мобилизации [39].

В отечественной социологической литературе нет отчетливой традиции использования понятия мобилизации. Со времен Октябрьской революции и Гражданской войны в общественном дискурсе это слово по преимуществу

употреблялось в контексте проблем воинской мобилизации, трудовой повинности и «милитаризации хозяйства». Эта традиция берет начало в работах Л. Троцкого [25, с. 748; 26, с. 662]. В 1980–1990-х гг. появилось множество исследований, посвященных проблемам молодежных суб- и контркультур, и в это же время опубликовано несколько работ об Э. Юнгере (однако главные его эссе и военные дневники были изданы только в последнее время). Тем не менее термин фигурировал в них в качестве второстепенного, а само явление не описывалось систематически. Понятие мобилизации как социокультурного процесса, как способа функционирования традиционалистского общества использовано Н.И. Лапиным для изучения и описания нескольких «мобилизационных волн», под воздействием которых формировалось и развивалось советское общество, однако и в данном случае понятие использовалось скорее как метафора, имеющая определенную оценочную составляющую [16]. Впервые проблематика мобилизации была систематически изложена в работе Е.А. Здравомысловой [10]. Несмотря на то что рассмотрение этой темы ограничивалось рамками социологии общественных движений, была продемонстрирована концептуальная значимость термина для изучения процессов социальной организации.

Еще одна тематическая рамка, которая заставляет сегодня обращаться исследователей к проблеме, — это протестные движения и развитие профсоюзов. Большая часть работ описывает «феноменологию» мобилизационных процессов [3; 6; 11; 19; 23]. Заметный вклад в развитие этого направления и протесно-мобилизационного дискурса вообще внесли регулярные издания 1994–1996 гг. Российско-американского фонда профсоюзных исследований и обучения: «Наемный работник в современной России», и «Новое рабочее и профсоюзное движение». Заметно реже появляются исследования, разрабатывающие протестную проблематику как социологическую в контексте социоструктурных изменений [7; 8; 9; 21]. В ряду социологических исследований особо следует отметить работу В.А. Козлова «Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе» [12]. В ней по архивным данным реконструирована история насильственных столкновений населения и власти в период с 1953 до начала 1980-х гг. в контексте социальных и политических тенденций в развитии страны.

Вместе с тем представляется очевидным, что на сегодняшний день систематической разработки концепции социальной мобилизации и тем, соотносящихся с ней, не ведется. Наиболее вероятными направлениями, в которых возможно обращение к этой проблематике, являются, на наш взгляд, следующие: политический дискурс власти, парадигма развития гражданского общества в России, политические партии, профсоюзное и экологическое движение, протестная активность в защиту гражданских прав. Восполнить обозначенный пробел — наша задача: мы собираемся систематически рассмотреть точки зрения авторов, относящихся к классической социологической традиции эпохи модерна, что может способствовать достижению двух целей.

Во-первых, анализ классических концепций может в значительной степени обогатить понятийный аппарат и тем самым преодолеть однолинейность и частую метафоричность доминирующих описаний.

Во-вторых, мы докажем, что теория социальной мобилизации порождена не постмодернистским дискурсом, а классической социологической традицией.

Социально-философские концепции эпохи Просвещения

Ключевую для всей традиции модерна проблему сформулировал **Т. Гоббс**: каким образом сохраняется очевидная упорядоченность человеческого общежития, если человеку по его природе неотъемлемо присуща страсть к свободному и самотождественному действию, ориентированному на максимизацию индивидуальной выгоды? Единственной альтернативой хаосу «естественного состояния» и «войны всех против всех» может быть только Государство [4; 5]. Социальной мобилизации нет места в гоббсовой модели общественного устройства: любая революция находится за пределами *разумного*, так как оспаривает установленный социальный порядок, освященный «общественным договором» и охраняемый Государством. В идеально устроенном обществе подданные разумно и добровольно следуют нормам раз и навсегда заключенного соглашения. Нормы повиновения могут быть нарушены только в одном случае — когда возникает дилемма: самосохранение или подчинение воле Суверена. Но и тогда бунтовать могут лишь *индивиды*, и лишь *непосредственно* оказавшиеся перед необходимостью такого выбора.

Как и у Гоббса, в концепции **Ж.-Ж. Руссо** [20] общественный договор предстает в качестве акта мобилизации лояльности по отношению к «верховному Суверену». Но если у первого им является Государь, Правитель, то у второго — Общая воля, обладающая нормативной и регулирующей силой не в силу *необходимости*, а в силу *справедливости* ее установлений: предписания Общей воли именно *всеобщи*, а не детерминированы спецификой индивидуальных желаний. Руссо не допускает мысли о том, что Общая воля может быть неправой, поэтому в идеальном обществе социальная мобилизация невозможна как в силу развитой саморепрессии индивидов, в силу принципа взаимного погашения частных интересов, так и неизбежного подавления правительством любых форм ассоциаций индивидов из-за их неправомочности. Иная роль социальной мобилизации может быть отведена в государствах и обществах, устройство которых лишено справедливого и законного характера, держится не на праве, а на силе. Тогда бунт народа против узурпатора, чьи частные интересы препятствуют реализации Общей воли, направлен на восстановление фундаментальных принципов человеческого общежития — свободы и равенства. В этом случае социальная мобилизация может быть оценена как необходимое условие перехода к истинно *гражданскому* состоянию.

Социальные исследования **А. де Токвиля** и концепция революции, построенная на примере Франции XVIII в., представляют собой еще одну интерпре-

тацию «гоббсовой проблемы порядка» [24]. Он показывает, что старый режим, неспособный адаптироваться к динамичным структурным изменениям, сам спровоцировал именно *революционную* механику их реализации. Из рассуждений Токвиля следует, что революции вызываются ценностной мобилизацией, бунтовским пафосом разрушения *ненавистной* системы, а не просто *мешающей* модернизации общества. Революционное сознание оказывается «негативной матрицей» тех социальных отношений, которые были свойственны старому режиму, а позитивные идеалы (свобода, прогресс, равенство) существуют как *антитеза сложившемуся положению вещей*. Именно в силу этого на уровне идей и массовых действий Французская революция носила анархический характер тотального отрицания всех связей с прежней эпохой, но на институциональном уровне выступила как преемник социальных закономерностей. В этом отношении социальная мобилизация и революция представляются Токвилю очень опасными: идеи, во имя которых возможно массовое воодушевление, останутся фантомами, если не будут подкреплены соответствующими социальными институтами. Поэтому бунтари, уничтожив старый режим, восстанавливают его едва ли не в более зловещей форме.

О. Конт рассматривает другую проблему: как возможно совместить прогресс и социальный порядок, равновесие и поступательность, личную инициативу и социальное чувство. Социальная мобилизация в доктрине Конта может быть реконструирована в ключе, близком к воззрениям Руссо: в позитивно устроенном обществе она невозможна (любое социальное устройство детерминируется *принципом целостности*) и осуждаема, так как нарушает устойчивость взаимодействия и взаимозависимость частей «социального организма» [14; 15]. Бунтарство не способно создать конструктивной программы, так как руководствуется *критическими* по своей природе идеями, т.е. разрушительными. Позитивизм, позитивное знание не допускает возможности осуществления верховной власти народа, считает Конт. Прямое участие народа в управлении уместно только в период революции, но затем оно перерождается либо в анархию, либо в тиранию, действующую от имени «народной воли». Революционные потрясения показали бесполезность политических реформ без изменения духа. Для позитивной социальной эволюции необходимо совершенствование системы идей и системы морали, и обеспечить это может только «жречество философов», руководствующихся позитивным знанием.

Марксистское направление

Классовая теория **К. Маркса** строится на убеждении, что буржуазное общество может быть преобразовано в социалистическое только внеструктурным, внеинституциональным социальным субъектом — пролетариатом. Капитализм создал особый тип индивида — пролетария. До поры до времени они — лишь масса, «класс-в-себе». Социальная мобилизация есть процесс превращения пролетариата в «класс-для-себя»: *масса* становится *субъектом*,

осознающим не только собственные интересы, но и собственную историческую миссию, необходимость активного и непосредственного участия в ее исполнении. Это осознание происходит не под влиянием идеологии и культуры мира, который должен быть разрушен, а с помощью пролетарской партии — той части «массы», в которой процесс становления субъектности идет наиболее интенсивно. Главным индикатором полноты и самореферентности процесса социальной мобилизации, согласно доктрине Маркса, служит последовательность классовой борьбы и готовность пролетариата к революции — единственно прогрессивному и закономерному этапу социальной истории.

Мобилизационная тематика в анархистской доктрине **М. Бакунина** [1; 2] реконструирована как проблема исторической смены субъектов социальных изменений: эта роль неизбежно должна перейти от Государства к самым широким социальным слоям. Буржуазия и пролетариат — это лишь ситуативные, конкретно-исторические акторы; реальный же конфликт происходит между двумя принципами общежития: иерархическим и анархическим. Любой народ носит в своем сознании, в инстинктах и в памяти *идеал своей нормальной организации*. Государство, пока самосознание народа не было развито, служило базой сообщественности, но постепенно оно узурпировало функции управления. Восстановить базовые принципы человеческой свободы может только Революция, народом свершенная во имя «народного идеала». Бунтовская мобилизация доступна только пролетариату — субъекту, вырванному развитием производства из социальной бессознательности и рутины иерархических отношений с властью. Только он способен отказаться от самой идеи *управления* и *власти* и создать общество на принципах «*реализованной свободы*». Оно будет строиться на свободной самоорганизации равных индивидов, и уже не бунтовская, а непрерывная «самоорганизационная» социальная мобилизация будет и нормой, и базовым *механизмом* анархического общества.

Социальная мобилизация в рамках доктрины **Ж. Сореля** предстает как борьба двух воль, которая может существовать только в форме революционного насилия – яростного отрицания рецидивирующего настоящего [22]. Революция предстает как социальная катастрофа, масштабность которой определяется непримиримостью двух культур — демократии и социализма. Буржуазия из-за приверженности старой культуре утратила исторический динамизм, волю к социальному и экономическому творчеству. Реальным субъектом истории становится пролетариат с особой этикой, рожденной производственным трудом, с особым чувством социального, воспитанным рабочими синдикатами. Но его главное отличие — это *энтузиазм* и *желание будущего*. Эти чувства буржуазное общество удовлетворить не в состоянии. Слагаемыми мобилизационного энтузиазма являются *отчаяние* и *социальный миф*. Любые теории и идеологии представляют собой род тирании, так как преследуют одну цель — склонить народ к пассивному послушанию. Социальный миф заставляет желать идеала, рождает энтузиазм и устремляет в будущее, мобилизует самые широкие массы

людей на социальное и (что является первостепенным для Сореля) производственное творчество.

Согласно концепции **Д. Лукача** [17], движение истории осуществляется онтологически целостной активностью людей, в которой *изменения обстоятельств* совпадают с *изменением действующего субъекта*. В буржуазном мире произошло нарушение этого единства, человек стал заложником своей «второй природы» — логически-рационального мышления и вещного детерминизма. Пролетарский мир конституируется категорией «труд», а не «товар». Этот мир образует практико-интеллектуально-эстетическую целостность, не разделенную на *субъект* и *объект*. Сам пролетариат, по Лукачу, является «самотождественным субъект-объектом». С этой точки зрения социальная мобилизация предстает как процесс *постоянного инициирования* самотождественным субъект-объектом взаимоотношений нового качества и новой природы, основывающихся все время на иных «универсальных категориях». Такой процесс непрерывного революционирования основ социального мира, будучи залогом динамизма общественного развития, по идее Лукача, позволит избежать самодовлеющего воспроизводства одной конкретно-исторической формы, когда теряется диалектическая взаимосвязь становления и ставшего и первое замещается вторым.

Структурно-функциональная парадигма и ее предтечи

В. Парето [40] в своих рассуждениях отталкивается от идеи Г. Спенсера о *динамическом равновесии* как одной из ключевых характеристик любых социальных процессов, взятых в их системной целостности. Парето полагает, что эволюция социальных порядков является внутренне детерминированным процессом: общество неизбежно приходит в движение, когда ресурсы гомеостаза исчерпаны. По мнению Парето, активность индивидов по большей части стимулируется отнюдь не велением разума, а представляет собой род «нелогических действий», детерминированных инстинктивно-интуитивными импульсами. При всем разнообразии внешних форм, действия людей определяются двумя базовыми побуждениями: страстью к инновациям и склонностью к сохранению. Социальная мобилизация провоцируется избыточной концентрацией субъектов — носителей «осадков» инновативного типа в одном сегменте общества, занимающих к тому же подчиненную позицию в структуре власти. Когда общественная система уже не может поддерживать структурную сбалансированность, она приходит в движение, при этом процессы социальной мобилизации выступают необходимым условием и механизмом самосохранения общества как системы. В результате происходит смена властных элит и на какое-то время снова устанавливается паритет разнородных социальных сил.

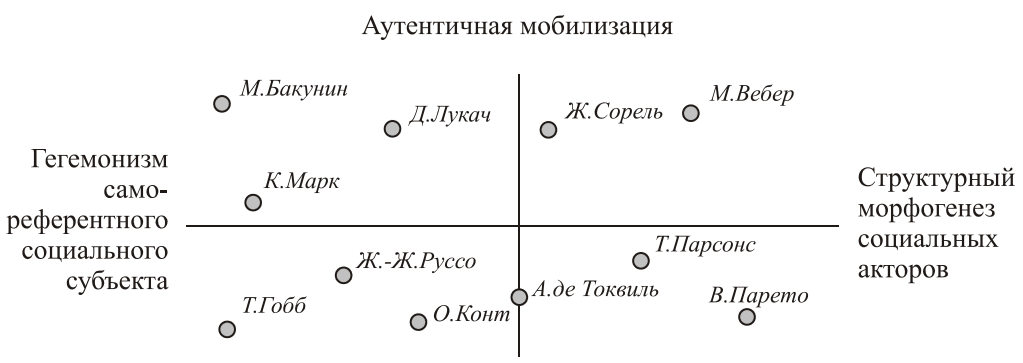
Социальная мобилизация в рамках теории **М. Вебера** может быть реконструирована в контексте понятия «социальное действие». Индивид наделяет свои действия субъективной целеориентированностью, и, поскольку действу-

ет в системе взаимных ожиданий, он выстраивает свое поведение сообразно предписаниям «установленного порядка». Последний придает общественным связям регулярность и предсказуемость. Готовность индивидов принимать нормативные предписания и изменять в соответствии с ними свое поведение определяется как системой мотивации, так и типом господства, которым подкрепляется *легитимность* социальных установлений. Социальная мобилизация может развиваться в формах, либо санкционированных установленным порядком, либо противоречащих ему. В первом случае речь идет о «мобилизации лояльности», когда харизматический лидер использует ресурсы своей харизмы, а в системе рационального господства обнаруживаются дополнительные инструментальные возможности для целерационального действия. Во втором случае социальная мобилизация возникает на фоне кризиса легитимности и представляет собой консолидированный отказ от лояльности к существующей системе господства и ориентацию на принципиальное переопределение нормативных предписаний.

Структурно-функциональная версия теории действия **Т. Парсонса** является попыткой концептуального синтеза наиболее работоспособных положений ряда доктрин и теорий, изучавших закономерности взаимоотношений между объективными и субъективными факторами действия. Процесс развития адаптивных возможностей социальных систем рассматривался им как обусловленный принудительными обстоятельствами, независимыми от интенций субъекта действия, но постоянно корректируемый механизмами субъективной мотивации индивида при принятии им решений и в его реальных поступках. Социальная мобилизация в контексте парсонсианской теории предстает как индикатор явного преобладания девиантных тенденций и значительной разбалансировки системы: со своей задачей не справляются ни интегративные механизмы, ни механизмы подавления девиаций. Социальные агенты, ориентирующиеся на «девиантные» паттерны, перестают вписываться в структуру ролевых ожиданий, построенную на «нормальных» ценностных образцах, а социализация и социальный контроль теряют эффективность. Рассогласование системы взаимных ожиданий и принципов социального взаимодействия приводит к специфическим реакциям агентов на такую дисфункцию системы — от пассивного конформизма и отчуждения до появления «инновационно-активистских» установок агентов и даже мятежа.

Обзор классических теорий и доктрин позволяет зафиксировать следующую особенность: «мобилизация» всегда оказывается соотнесенной с бесструктурностью, неконсолидированной и хаотичной изменчивостью низовых слоев социальной иерархии, что особенно наглядно проявилось в социальных доктринах эпохи модерна. Разновидности идеи мобилизации, реконструируемые в модернистских доктринах в соответствии с аксиоматикой и эпистемологией каждой из них, могут быть типологизированы по двум основаниям. Это поможет сделать более наглядными различия в тех типизациях, которые конструировали социальные мыслители.

Идея социальной мобилизации в доктринах эпохи модерна



В основу типологии положены, во-первых, разные точки зрения на природу и свойства социальных субъектов и, во-вторых, различия в представлениях о свойствах процесса социальной мобилизации.

Первое основание описывается оппозицией: *гегемонизм самореферентного социального субъекта* vs *структурный морфогенез*. Второе основание конституируется противопоставлением *аутентичной* и *эпифеноменальной* мобилизации.

Левый полюс предлагаемой типологии (по первому основанию) представлен теориями и доктринами, опирающимися на идею самореферентности социального субъекта. Последний представлен в них в качестве единственного инициатора социальных изменений, противостоящего целостности и инерционности социальной структуры. Этот социальный субъект является одновременно как субъектом формообразования, так и автором и носителем аутентичных форм знания. Он исключителен по своему положению в системе взаимодействий; его *самореферентность* обусловлена тем, что само бытие типизируемого социального субъекта *несовместимо* с сохранением породившего его порядка. В силу этого субъект закономерно и неизбежно становится гегемоном социальной эволюции, *агентом мобилизации*, а сам этот процесс принимает форму общественного конфликта и является необходимым инструментом переопределения существующих социальных установлений.

Правый полюс типологии представлен теориями, в которых постулируется идея, что ни один социальный субъект не может быть отделен от структурных преобразований всей социальной системы. Человеческие сообщества развиваются системно; возникающие в ходе эволюции структурные образования имеют логику развития, мало зависящую от субъективных интенций конкретных акторов. Процессы структурного морфогенеза с неизбежностью оформляют социальных агентов сообразно своим имманентным характеристикам и с фа-

тальной закономерностью выводят «на фронтир истории» любой захваченный этим процессом «человеческий материал».

Поскольку общество интерпретируется как целостная система социальных взаимодействий, ни один из элементов которой не может быть изменен в самореферентном режиме, постольку и процессы социальной мобилизации не могут возникнуть вне логики трансформаций *всей* социальной структуры, не способной изменяться лишь в одном отдельно взятом сегменте. Ни одной социальной группе не может принадлежать прерогатива социального гегемонизма, потому что агент не мобилизуется сам по себе, его мобилизуют процессы, комплексно происходящие в социальной структуре.

Второе основание типологии конструируется проблемой: действительно ли субъект социальной мобилизации является единственным автором и вдохновителем мобилизационных процессов? Верхний сегмент типологии конституируется идеей *аутентичной мобилизации*. Она характеризуется принципиальной самостоятельностью субъекта мобилизации в выборе целей и стратегий их удовлетворения. Этот вариант предполагает, что социальный агент, руководствуясь исключительно собственным разумением, способен привести в движение все доступные ему ресурсы и исключительно к собственной выгоде — для достижения желаемой цели. Иными словами, он не оплачивает своими ресурсозатратами (в ущерб собственным интересам) достижение цели к выгоде других социальных агентов, структурных образований или иных сущностей.

К другому полюсу типологии относятся доктрины, согласно которым мобилизация предстает как сопутствующий побочный феномен более существенных, более масштабных и значимых процессов. В данном случае субъект мобилизации не является полноценным автором своих действий, он *вынужден* следовать либо чужой воле, либо внешней необходимости. Таким образом, за *эпифеноменальным* субъектом можно обнаружить другого — *реального* «субъекта»: социальную группу, не входящую в мобилизационную динамику, или «законы эволюции», природные закономерности, техногенные и социальные катастрофы и т.д. Во всех этих случаях мы имеем дело с концепциями, в основании которых лежит идея «*эпифеноменальной мобилизации*».

В доктринах Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо и О. Конта создается «миф о народе» как автономной силе, обладающей способностью к самотождественному действию и умением порождать социальный порядок. Самореферентность народных масс утверждается через их противопоставление власти. Власть трактуется как эпифеномен самореферентного социального субъекта, и отсюда возникает проблема ее легитимации, соответствия ее действий и интересов интересам народной массы. Власть описывается либо как гарант общественного состояния, либо как мертвая сила, нарушающая самореферентность народной массы, но в любом случае она придает определенность, структурность и устойчивость сообщественности индивидов.

Вместе с тем процессы социальной мобилизации, согласно эпистемической логике этих доктрин, оказываются лишь сопутствующим или побочным явлением более значимых процессов. Так, по О. Конту, настоящим субъектом мобилизации позитивного общества являются интеллектуалы-социократы, чье интеллектуальное развитие сверяется с прогрессом позитивного знания. Публицисты, промышленники и пролетарии, будучи вовлеченными в систему культовых и культурных действий, лишь выполняют их верховную волю. Для Ж.Ж. Руссо возможность социальной мобилизации подчинена установлениям Общей воли; индивиды должны быть готовыми отказаться от собственных специфических интересов в пользу предписаний Общей воли, обладающих безусловным приоритетом для всех граждан общества.

В концепциях К. Маркса, М. Бакунина и Г. Лукача в качестве самореферентного субъекта выступает пролетариат. Само существование и «мыслительные позиции» рабочего класса оказываются несовместимыми с породившей его буржуазно-капиталистической формацией. В этих условиях социальная мобилизация предстает как самодетерминированный процесс: пролетарский гегемонизм обусловлен превращением пролетариата из «класса-в-себе в «класс-для-себя» (согласно Марксу), или консолидирующим желанием «народно-анархического идеала» (по Бакунину), или особым эстетическим этосом (как его описывает Лукач).

Третий сегмент типологии предполагает существование концепций, в которых процессы структурного морфогенеза социальных агентов непротиворечиво сочетались бы с моделью аутентичной мобилизации. Это возможно, если в основании концепций лежит убеждение, что ни одно социальное действие невозможно, во-первых, без действующего субъекта и, во-вторых, без учета условий, которые выставляет перед ним ситуативный контекст. Проблема гегемонизма в доктринах этого типа элиминируется самой логикой объяснения процессов мобилизации. Так, М. Вебер, исходя из номиналистской теории действия, формулирует идею рационализации социальных порядков. В целерационально организованном обществе мобилизация осуществляется в форме модернизационного усовершенствования механизмов социального контроля в экономике, политике, культуре и в повседневности. Ни один субъект не имеет возможности представить свой собственный интерес в качестве всеобщего. Вместе с тем консолидирующий потенциал процессов социальной мобилизации все в большей степени, по мнению М. Вебера, определяется инструментальностью и целерациональностью.

Соседство М. Вебера с Ж. Сорелем парадоксально. Однако, развивая дискурс о пролетариате, Сорель преодолевает представления о нем как о самореферентном социальном субъекте, и приходит к идее «фабрики» как главного условия тотальной самоорганизации. Логика фабричного производства, с точки зрения Сореля, освобождает сознание пролетариата от необходимости социальных схем, идеологий и мифов, она по природе своей *инструментальна*. Рациональность пролетариата есть следствие погруженности его в инструмен-

тальную логику фабричного производства, и любые отклонения, любые нарушения этой аутентичности приводят к «выпадению» «человеческого ресурса» из логики структурных социально-экономических трансформаций.

Парадоксальность соседства Вебера и Сореля скрывается в методологической непоследовательности, с которой последний создает свою доктрину[2]. Наряду с Сорелем — синдикалистом, рационалистом, универсализирующим фабрику в качестве источника и условия самодетерминируемой мобилизации, существует и другой Сорель — автор теории «социального мифа». Сорель эстетизирует бунтарский порыв (как пишет З. Бауман)[3], полагая, что без миража, манящего в будущее, без опыта бунтарского воодушевления революционная мобилизация состояться не сможет. Такой подход делает его концепцию типологически близкой к концепции Д. Лукача. Вместе с тем мираж не может быть совершенно беспочвенным, он должен соответствовать стилю мышления и отражать главные чаяния мобилизующегося субъекта. Поскольку само существование пролетариата и формы его мышления определены (по Сорелю) «синдикатами», то и мобилизоваться он может только особым — «синдикалистским мифом». А это отнюдь не противоречит той социально-экономической структуре общества, предпосылки к возникновению которой изучались Сорелем в капиталистической эпохе.

К четвертому сегменту типологии относятся концепции, с точки зрения которых процессы социальной мобилизации могут быть реконструированы в качестве сопутствующего эффекта масштабных социальных трансформаций. Авторов этого рода концепций объединяет то, что морфогенез структурных характеристик при детерминации действия для них оказывается более существенным, нежели свойства социального актора сами по себе. Согласно структурно-функциональной теории Т. Парсонса и Р. Мертона появление девиаций и девиантов есть следствие дисфункции системы социальных образцов и системы социального контроля; одним из индикаторов этого как раз и является развитие мобилизационной динамики в той или иной социальной среде. Концепции А. де Токвиля и В. Парето показывают, что значительные социальные явления подготавливаются значительными причинами, и в силу этого можно говорить о закономерностях эволюции сообществ, мало зависящих от намерений индивидов. Общество неизбежно приходит в движение, когда ресурсы гомеостаза исчерпаны. Однако, что касается реального характера изменений и стилистики действий агента-инициатора, то они задаются системой идей, настроениями и специфическими особенностями контрагента. По мере того как в действиях правящих элит все более начинает проявляться склонность к сохранению, их соперниками все более овладевает страсть к инновациям; потеря жизненной

[2] Сорель осознавал этот недостаток своих работ, но отказывался от попыток что-либо изменить. Он связывал появление научной формы с феноменом пропаганды, ассоциирования с которой он всячески стремился избежать [13, с. XVIII].

[3] Письмо З. Баумана Г.С. Батыгину. 1997, июнь.

энергии одной социальной группой стимулирует развитие социальной предприимчивости у их оппонентов.

Библиографический список

1. *Бакунин М.А.* Бог и государство // Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987.
2. *Бакунин М.А.* Государственность и анархия // Философия, социология, политика. М.: Правда, 1989.
3. *Бизюков П.В.* Подземная шахтерская забастовка. М.: РАФ ПРОФИО, 1995.
4. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Соч. М.: Мысль, 1991. Т. 2.
5. *Гоббс Т.* Основы философии. О гражданине // Соч. М.: Мысль, 1989. Т. 1.
6. *Гордон Л., Груздева Е., Комаровский В.* Шахтеры-92. Социальное сознание и социальный облик рабочей элиты в послесоциалистической России. М.: ИМЭМО, 1993.
7. *Гордон Л.А.* Надежда или угроза? Рабочее движение и профсоюзы в переходной России. М.: РАФ ПРОФИО; ИМЭМО РАН, 1995.
8. Забастовки 1989–1993 гг. в России (социологический аспект) / Под ред. А.К. Зайцева. Калуга: Калужский ин-т социологии; КГПУЮ, 1996.
9. Забастовки: зарубежный и отечественный опыт / Под ред. Ю.Н. Миловидова, А.Н. Крестьянинова. М.: Академия труда и социальных отношений; Международный ин-т экономики и права, 1998.
10. *Здравомыслова Е.А.* Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб: Наука, 1993.
11. *Ильин В.И.* Власть и уголь. Шахтерское движение Воркуты. Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-т, 1999.
12. *Козлов В.А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999.
13. *Козловский Л.* Жорж Сорель и его социальная философия // Сорель Ж. Введение в изучение современного хозяйства. М.: В. Иванов, 1908.
14. *Конт О.* Дух позитивной философии // Западноевропейская социология XIX в.: Тексты. М.: Международный ун-т бизнеса и управления, 1996.
15. *Конт О.* Система позитивной политики // Западноевропейская социология XIX в.: Тексты. М.: Международный ун-т бизнеса и управления, 1996.
16. *Лапин Н.И.* Пути России: социокультурные трансформации. М.: Ин-т философии РАН, 2000.
17. *Лукач Г.* История и классовое сознание. М.: Левая карта, 2003.
18. *Малахов В.С.* Постмодернизм, постмодерн // Современная западная философия: Словарь. М.: ТОН-Остожье, 1998.
19. *Мещеркин А.К.* Старые и новые профсоюзы России: за кем может быть будущее? М.: РАФ ПРОФИО, 1995.
20. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре: Трактаты. М.: Канон-пресс; Кучково Поле, 1998.
21. Солидаризация в рабочей среде. Социальное и индивидуальное / Под ред. В.А. Ядова. М.: Ин-т социологии РАН, 1998.
22. *Сорель Ж.* Размышления о насилии / Пер. с фр. В.М. Фриче. М.: Польза, 1907.

23. Социально-экономический конфликт в шахтерском городе. М.: РАФ ПРОФИО, 1995.
24. *Токвиль А де.* Старый порядок и революция. М.: Московский философский фонд, 1997.
25. *Троцкий Л.Д.* Советская Республика и капиталистический мир. Ч. 1. Первоначальный период организации сил // Соч. М.; Л.: Гос. издат. РСФСР, 1926. Т. 16.
26. *Троцкий Л.Д.* Советская Республика и капиталистический мир. Ч. 2. Гражданская война // Соч. М.; Л.: Гос. издат. РСФСР, 1926. Т. 17.
27. *Юнгер Э.* Тотальная мобилизация // Рабочий. Господство и гештальт. СПб.: Наука, 2000.
28. *Blumer H.* Collective behavior // New Outline of the Principles of Sociology. N.Y.: Barnes and Nobel, 1951.
29. *Blumer H.* Social Movements // Studies in Social Movements: A Social-Psychological Perspective / Ed. by B. McLaughlin. N.Y.: Free Press, 1969.
30. *Blumer H.* Society as Symbolic Interaction // Amer. Soc. Rev. 1965. № 3.
31. *Davies J.* Toward a Theory of Revolution // Amer. Soc. Rev. 1962. № 27.
32. *Etzioni A.* Mobilization As a Macrosociological Conception // The British Journal of Sociology. 1968. Vol. 19. № 3.
33. *Gurr T.* Why Men Rebel. Princeton: Princeton Univ. Press, 1970.
34. *Jenkins C.* Resource Mobilization Theory and the Study of Social Movements // Annual Review of Sociology. 1983. Vol. 9. August.
35. *McCarthy J., Zald M.* Resource Mobilization and Social Movements: a Partial Theory // American Journal of Sociology. 1976. Vol. 82. № 6.
36. *Melucci A.* Social Movements and the Democratization of Everyday Life // Civil Society and the State. Social Movements in Complex Society. L.; N.Y.: Free Press, 1989.
37. *Obershall A.* Theory of Social Conflict // Annual Review of Sociology. 1978. Vol. 4. August.
38. *Olson M.* Logic of Collective Action. N.Y.: Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1965.
39. *Olzak S.* Contemporary Ethnic Mobilization // Annual Review of Sociology. 1983. Vol. 9. August.
40. *Pareto V.* The Rise and Fall of Elites. New Brunswick; L.: Transaction Publishers, 1983.
41. *Spector M, Kitsuse J.* Constructing Social Problems. California: Menlo Park. 1977.
42. *Tilly Ch.* From Mobilization to Revolution. Reading, Mass.: Addison-Wesley Pub. Co., 1978.
43. *Touraine A.* Social Movements and Social Change // The Challenge of Social Change. L.; Beverly Hills: Sage, 1985.

Дилетантизм в искусстве и повседневности

С.Б. Кожевников*

Всякая попытка изучения дилетантизма в качестве факта художественной культуры так или иначе связывалась со стремлением либо обосновать правомерность дилетантского творчества, либо подвергнуть его радикальной критике. В обыденной речи использование понятия «дилетантизм» относится преимущественно к оценочным контекстам, где оно, как правило, приобретает негативный оттенок, характеризуя недостаток или даже полное отсутствие профессионального мастерства. Вместе с тем апологетическое отношение к дилетантизму обнаруживает себя на почве леворадикальных и нонконформистских идеологий, тесно связанных с «контркультурной» эстетической оппозицией.

Известно, что в течение многих веков художественный профессионализм выступал знаком низкого социального статуса, поскольку был связан с удовлетворением потребностей заказчика. В античной и средневековой культуре систематический профессиональный труд слыл занятием недостойным и унизительным, ибо свидетельствовал о прямой зависимости одного человека от другого. Тот профессионализм имел весьма мало общего с современным. Он не был в особом почёте, так как традиционные общества связывали способность к обладанию чувством долга и индивидуальной ответственности лишь с наличием соответствующего досуга, посвящённого выработке рафинированных навыков бытия в культуре. Теперь же фактор экономической зависимости выглядит весьма косвенным, ибо он опосредуется наличием рыночных институтов и расширенного социального порядка. Современную апологию профессионализма после классических работ М. Вебера стали связывать с господством протестантской этики и обусловленной этой этикой идеей религиозного служения в повседневном труде.

* Кожевников Сергей Борисович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Кубанского госуниверситета. Электронная почта: kozhevnikov@kubannet.ru

Но ещё в XIX в. человек, имевший склонность к изящным искусствам, но родившийся аристократом, не смел и думать о стезе художника. В противном случае он рисковал быть подвергнутым насмешкам и повторить судьбу Нерона или Дионисия-старшего, над художественными амбициями которых втайне потешались Рим и Сиракузы. Человек, обладавший социальными привилегиями, вынужден был оставаться лишь ценителем и знатоком красоты, ограничиваясь потреблением в сфере искусства. Склонность к творчеству, чрезвычайно выраженная в этих кругах, реализовывалась преимущественно в создании особых знаковых атрибутов, свидетельствовавших о принадлежности к аристократической среде. Это могли быть особым образом выстроенный придворный церемониал, обилие риторических фигур в богато интонированной речи, куртуазное стихотворство или музицирование. Ритуал, музыка, литература, танец, растворённые в повседневности, становящиеся необходимой частью досуга, а не кропотливого труда, естественно входили в жизнь высших социальных слоёв. Речь идёт именно об эстетизированной повседневности, о присущем аристократии образе жизни, а не об эстетике праздника. И. Славов проницательно предложил именовать это явление протодилетантизмом на том основании, что в нём заключены исторические корни собственно дилетантизма – локального историко-типологического образования в художественной жизни Европы XVIII–XIX вв. [10].

Исключая отрицательный оценочный смысл, можно сказать следующее. Во-первых, творческая деятельность осуществляется дилетантом не под воздействием внешнего принуждения или стимула, а по собственному выбору, из склонности, «по охоте», т.е. она мотивирована внутренним побуждением, и, во-вторых, она относится к сфере досуга, ко времени, свободному от выполнения различных обязанностей, в том числе и профессиональных, создающих индивиду источник заработка. Дилетантизм и профессионализм оказываются, таким образом, на разных полюсах индивидуального бюджета времени.

Термины «дилетант», «дилетантизм» известны в Италии с XVI в., и вплоть до начала XIX в. в них не вкладывался пренебрежительный смысл [13]. Среди музыкантов-дилетантов того времени наряду с теми, кто не обладал достаточным уровнем композиторского и исполнительского мастерства, владел техникой игры на музыкальных инструментах на довольно примитивном уровне, встречались также и такие, которые имели солидный багаж специальных знаний, демонстрировали развитый художественный вкус и могли быть названы серьезными знатоками музыки. Встречались среди дилетантов и вполне профессионально зрелые музыканты, которые по разным причинам не использовали свое мастерство в целях заработка. Множество образованных дилетантов подвизалось в это время и на поприще живописи, театра, других видов искусства.

Понятие «дилетантизм» (от латинского «delectare» и итальянского «dilettante» — услаждать, забавлять) имеет этимологию, сходную с отечественным понятием любительства. Предпосылки дилетантизма впервые обнару-

жили себя как раз к тому времени, когда завершилось формирование ренессансной личностно-творческой идеологии, т.е. к концу XVI в. Любопытно, что происходило это именно в Италии — стране, ставшей центром Ренессанса и родиной музыкального дилетантизма. Профессия художника начала обретать новый статус, в корне отличный от плебейского статуса художественного ремесла. Прежний статус искусства, связанный с цеховой регламентацией творчества, уходил в прошлое. Быть художником стало престижно, перед ним заискивали, ему стремились подражать. Творческая мощь художника вырастала до размеров божественного произвола. Слыть человеком изящным, артистичным, наделённым творческими талантами, было в постренессансной Европе весьма почётно. Общество восхищалось гениями и образованными ценителями искусства. Не удивительно поэтому, что с закатом Ренессанса господствующее положение в художественной жизни Италии занял маньеризм.

В XVII–XVIII вв. в Германии дилетанты стремились объединяться в различные «академии», филармонические общества, музыкальные коллегии. В чешских, немецких и швейцарских городах того периода такого рода объединения были достаточно распространены. Были они в Праге, Лейпциге, Франкфурте-на-Майне и в других городах. Целью таких любительских объединений было совместное исполнение камерной и оркестровой музыки. Для участия в исполнениях музыканты-любители из бюргерской или студенческой среды приглашали профессиональных музыкантов, оказывавших помощь в организации концертов. Традиции музыкальных коллегий дожили вплоть до XX в. Уже в наше время по инициативе Х. Римана и В. Гурлитта в Лейпцигском, Фрейбургском и других немецких университетах появились новые музыкальные коллегии, которые создавались с целью любительского исполнения старинной музыки. Существуют ныне такие коллегии и в швейцарских городах, например, в Цюрихе и Базеле.

Во второй половине XVIII в. слово «дилетант» занимает в Германии прочное место в ряду других терминов тогдашнего музыкального лексикона. Так на итальянский манер стали здесь называть странствующих музыкантов и певцов, имевших навык игры на валторне, и вообще всякого рода бродячих виртуозов. В 1772 г. слово это оказалось в центре полемики И.В. Гете и немецкого теоретика искусства И.Г. Зульцера, начавшейся со вскользь выраженного последним в его трактате «Прекрасные искусства в своем происхождении, в своей истинной природе и лучшем применении» пренебрежения по отношению к «курьезным дилетантам, которые извлекают из прекрасных искусств лишь одну игру и развлечение» [14, S. 7]. Сочинение Зульцера было подвергнуто критике на страницах «Франкфуртских ученых сообщений» со стороны И.Г. Мерка, который заметил: «Если бы господин Зульцер сам был дилетантом, то его художественная система не страдала бы мрачным фанатизмом, а была бы ясной верой, в которой не нашлось бы места клевете» [14, S. 7–8]. Подключение к полемике Гете сделало спор еще более острым. Гете использовал употребленное Зульцером новое слово с целью резко высмеять менторские притязания самого Зульцера.

Хотя понятие «дилетантизм» сыграло здесь лишь роль катализатора, благодаря которому была спровоцирована серьезная теоретическая дискуссия относительно принципиальных подходов к искусству, тем не менее полемика вокруг трактата Зульцера высветила немногочисленные, но характерные оттенки явления, обозначенного еще непривычным для немецкого слуха словом: дилетант занимается искусством для развлечения, внешне имитирует деятельность профессионального художника, создавая определенный имидж утонченного человека и, что наиболее здесь позитивно, обладает большей способностью к истинному наслаждению искусством в силу своей открытости для него, нежели просвещенный систематизатор.

Позднее, в годы формирования идеологии Веймарского классицизма, Гете вновь, уже непосредственно, обращается к проблеме дилетантизма в художественном творчестве. К этому его побудили существенные сдвиги, происходившие в художественной культуре того времени, связанные с глубоким воздействием на художественную практику элементов уже сложившейся романтической художественной доктрины. Размышления Гете о дилетантизме в период веймарского расцвета следует рассматривать в контексте верности поэта и мыслителя своему классицистическому кредо. С точки зрения Веймарского классицизма, искавшего опору своим принципам в античном искусстве, любое смещение пропорций и нарушение композиционных законов изображения в пластических искусствах, равно как и чрезмерная свобода в выборе выразительных средств в новейшей литературе, разрушает целостность художественного образа и наносит невосполнимый ущерб художественной правде. Строгие каноны классицистически понимаемого реализма, изложенные Гете в альманахе «Пропилеи», находили свое выражение как в трактовке им принципов живописи, так и в его отношении к тенденциям современного ему литературного процесса в Германии, который Гете характеризует как «дилетантский».

Дилетантизм новой немецкой литературы «эпохи форсированных талантов» не возник на пустом месте, а был порожден, по мнению Гете, соответствующей философской подготовкой. Теоретическим толчком к появлению дилетантского крена в немецкой литературе стали эстетические трактаты братьев Шлегель. Именно они, полагал Гете, вызвали к жизни «тот удивительный феномен, когда каждый считал возможным... быть поэтом» [7, с. 396].

Взгляд Гете на проблему дилетантизма в художественном творчестве отражен в заметках «О дилетантизме», написанных в содружестве с Ф. Шиллером [6]. Здесь Гете классифицирует потребности, которые толкают дилетанта заниматься художественным творчеством: потребность в выражении приводит к созданию поэтических произведений, потребность в радости — к музыке и танцу, в подражании — к рисунку, живописи и скульптуре, в конструировании — к архитектуре и садовому искусству. Гете, будучи сторонником объективного в искусстве, все же признает, что дилетантизм безвреден в тех искусствах, где большое значение имеет субъективное, так как он создает возможности для углубления художественного образования, а воздействие его негативных сторон

менее ощутимо. Дилетантские занятия искусством даже создают определенную пользу для субъекта, ибо учат его познавать формы, образуют базу для их овладения и воспроизведения. Дилетантизм возбуждает в человеке творческую силу, и ее наличие роднит дилетанта с художником в противоположность простому неактивному зрителю, дилетантизм также учит, хотя еще смутно, но уже подмечать характерное в предметах и превращать явления в понятия. Одновременно дилетант учится разделять общие впечатления и, следовательно, получает навык их дифференциации. И в этом — польза дилетантизма для субъекта и преимущество дилетанта перед простым реципиентом.

Подчеркивая близость художника природе, Шиллер следовал кантовской трактовке гения, основная отличительная особенность которого, по Канту, состоит в способности давать искусству правила. Но эта способность принадлежит не столько ему самому, сколько природе, которая являет себя в его творчестве. Реализуя свой творческий потенциал, художник лишь артикулирует то, что заложено в него свыше. Следовательно, художественные способности Кант рассматривает исключительно как прирожденные, такие, которым нельзя научиться. Знания и художественно-рецептивный опыт не сообщают индивиду способности делания, а ведь художник не просто знает, как надо делать, но именно делает произведения искусства. Эта сделанность и отличает, кстати, их от объектов природы. Знания в искусстве не являются источником творческой силы. В этом состоит специфика искусства относительно науки, в которой знание тождественно могуществу. Гений обладает, по Канту, набором качеств, среди которых обладание оригинальностью названо первым, ибо повторения в искусстве, по мысли Канта, лишены смысла. Произведение искусства, созданное силой природы при посредстве производительного мастерства художника, должно восприниматься как естественное, как сама природа, хотя мы и не забываем о том, что оно — творение рук человека.

Говоря о подлинном искусстве, Кант стремится отделить его от ремесла. В основе первого лежит принцип свободы, свободного творческого выбора, предопределенного внутренним побуждением и чрезвычайно мало зависящего от социального стимулирования. Ремесло же Кант определяет как искусство для заработка. Искусство как таковое приятно само по себе, и целесообразность его может заключаться только в его игровой природе. Ремесло же, напротив, лишено такого рода приятности, оно обременительно и потому человек прибегает к нему лишь в случае необходимости. Таким образом, в отличие от искусства, которое свободно, ремесло принудительно, во всяком случае можно склонить к нему обещанием вознаграждения. Мотивация к творчеству оказывается важным фактором, позволяющим отличить художника от ремесленника. Но еще больше их разнит несоразмерность талантов: художник творит, ремесленник лишь воспроизводит.

Между тем ремесленные навыки не есть нечто, в принципе противоположное подлинному творчеству. «Во всех свободных искусствах, — писал Кант, — всё же требуется нечто принудительное, или как это называют, механизм, без чего

дух, который должен быть в искусстве свободным и только привносит жизнь в творения, вообще не имел бы тела и должен был бы полностью испариться» [9, с. 177]. Подчеркивая эту мысль, Кант стремится опровергнуть распространившееся мнение, что лучшее содействие свободному искусству заключается в избавлении его от всякого принуждения и в превращении его из труда в игру. Говоря о подражании гению, Кант показывает истоки художественной манерности, в которую выливается стремление к простому самовыражению. Дилетант, как и гений, свободен от правил. Но последнего, по Канту, отличает неподражаемость его духовного порыва. Отказ от правил, считает Кант, – неоспоримая привилегия гения, ибо робкая осмотрительность не согласуется с уровнем решаемых им художественных задач. Неоправданный же отказ от правил в искусстве, стремление отличаться от обычного путем напыщенности и аффектации приводит к пустой оригинальности, которая и выдает дилетанта. Кант сравнивает его с человеком, который слушает себя сам или стоит и двигается, как на сцене, стараясь привлечь к себе больше внимания [9, с. 192–193].

Размышляя о детерминации творчества, Кант обнаруживает разрыв между трудовой и эстетической деятельностью. Покинув сферу повседневного труда, искусство обретает функцию своеобразной отдушины, обеспечивающей человеку возможность бегства от утомительной, не приносящей удовлетворения работы. «Кант одним из первых философов зафиксировал разрыв между трудовой и эстетической деятельностью, обусловленный процессом разделения труда на капиталистическом предприятии, который вытеснял ремесленное производство, включающее в себя эстетическое отношение как необходимую сторону трудового процесса» [3, с. 10–11]. Это открытие Канта стало фундаментальной опорой критики буржуазной действительности в работах Шиллера, а затем немецких романтиков, осуществлявшейся с позиций утопического идеала совершенного, гармонично развитого человека.

Резко разграничив ремесло и искусство, Кант однозначно нашел источник художественного творчества в особой природной склонности индивида, напрямую не зависящей от социальных потребностей его эпохи. Тем самым там, где речь идет о подлинном творчестве, а не о художественном ремесле, Кант отводил социальным стимулам весьма незначительную роль. Любопытно в XX в. обнаружить эту мысль у идеолога чистого экономического либерализма: «Я сомневаюсь, существует ли хоть одно великое литературное произведение, которое не появилось бы на свет, если его создатель не был бы в состоянии приобрести исключительные авторские права на него» [12, с. 66].

В отечественной философской традиции наиболее детальный анализ проблемы дилетантизма в творчестве принадлежит А.И. Герцену. Показательно, что Герцен считал необходимым вести разговор о дилетантизме именно в России. Важнейшей характеристикой личности дилетанта является, по Герцену, отсутствие способности к систематическому труду. Планомерные занятия творчеством становятся для дилетанта чем-то необязательным, тем, к чему можно относиться без достаточного усердия. Герцен даже усматривал неспособность

к выдержанному систематическому труду в самом русском национальном характере. Но этот существенный недостаток является, по его мнению, оборотной стороной одного из самых значительных достоинств русского человека: чрезвычайной легкости принимать и усваивать себе плод чужого труда, делая это не только легко, но и ловко.

Внутренний мир дилетанта определяется безграничным романтическим субъективизмом. Дело, которым занимается дилетант, интересует его лишь как проекция самого себя: «Жажда насладиться, упиться себялюбием заставляет искать везде себя и себя как единичного, как этого» [5, с. 16]. Главным пристанищем дилетантов в науке оказываются философия и эстетика, ибо только они, в силу обширности своего предмета, создают иллюзию доступности своего специфического знания без специальной подготовки. Само отсутствие у этих наук опоры в позитивном опыте как бы косвенно дает основание для субъективистского истолкования их содержания. Дилетантам наука недоступна оттого, считает Герцен, что между ними и наукой стоит их личность.

Вторая статья озаглавлена Герценом характерно: «Дилетанты — романтики». Герцен считает, что именно запоздалая псевдоромантическая идеология владеет умами дилетантов, которые более всего держатся за иллюзии, ведь романтики, утверждает он, не имеют органа понимать реальное. Соотнесение дилетантизма с романтическим отношением к действительности мы находим и у И.А. Гончарова в романе «Обломов»: «(У Штольца. — С.К.) не было и того дилетантизма, который любит порыскать в области чудесного или подонкихотствовать в поле догадок и открытий за тысячу лет вперед» [8, с. 132]. Слово «дилетантизм» служит здесь синонимом мечтательности и характеризует человека, оторванного от реальности.

Чтобы пояснить специфику дилетантизма, Герцен рассказывает историю о том, как некий Жерновик учил английского короля играть на скрипке. Король играть не умел, но очень любил музыку. На вопрос короля о том, к какому разряду скрипачей его относит Жерновик, артист отвечал: «Ко второму... Я вообще делю род человеческий относительно скрипичной игры на три разряда: первый, самый большой, люди, не умеющие играть на скрипке; второй также довольно многочисленный, люди — не то чтоб умеющие играть, но любящие беспрестанно играть на скрипке; третий очень беден: к нему причисляются несколько человек, знающих музыку и иногда прекрасно играющих на скрипке. Ваше величество, конечно, уж перешли из первого разряда во второй» [5, с. 46]. Король, таким образом, причислен Жерновиком к дилетантам, т.е. к людям, любящим беспрестанно играть на скрипке, к тем, с которыми, говоря словами Герцена, как бы происходит помешательство от избытка любовной страсти к искусству.

Дилетанты, напоминает Герцен, известны с давних пор. И всегда они принимали наружный вид своей эпохи: «В XVIII веке они были веселы, шумели и назывались esprit fort; в XIX веке дилетант имеет грустную и неразгаданную

думу; он любит науку, но знает ее коварность; он немного мистик и читает Шведенборга, но также немного скептик и заглядывает в Байрона; он часто говорит с Гамлетом: «Нет, друг Горацио, есть много вещей, которых не понимают ученые», а про себя думает, что понимает все на свете» [5, с. 46]. Дилетант пренебрегает материальными занятиями, сфера его интересов — возвышенные абстракции и размышления, а потому он «кротко проводит жизнь свою в беседе с мудрецами всех веков».

В результате Герцен приходит к выводу, что проводящие время в бесплодных размышлениях формалисты и дилетанты должны обратиться лицом к реальности, переместиться из метафизики в физику, тогда как опыт отвлеченного мышления должен быть принят специалистами, потерявшими из поля зрения общее. Такой, по мнению Герцена, должна стать наука, в которой не будет ни теоретических мечтаний, ни фактических случайностей, а лишь себя и природу созерцающий разум. В целом в размышлениях Герцена бросается в глаза не столько неприятие конкретных проявлений дилетантизма, сколько стоящая за ним идеология, дающая ложное представление о специфике научного и художественного труда.

Позиция Герцена сопоставима с веберовским представлением о специфике научного творчества. М. Вебер рассматривал проблему дилетантизма в контексте становления автономной сферы интеллектуального труда («Наука как призвание и профессия»). В соответствии с этим значение дилетантизма оценивалось им с учетом места непрофессионального творчества в формировании комплекса новых научных знаний. М. Вебер, как и А.И. Герцен, считал, что идея подготавливается только на основе упорного труда, однако для дилетантов он делал известное исключение, руководствуясь тем соображением, что идея дилетанта, взятая в чистом виде, может иметь для развития науки такое же или даже большее значение, чем открытие специалиста. Происхождение принципиальной для судеб науки догадки не обязательно предваряется в этом случае длительным и трудоемким усвоением всего корпуса специальных знаний. Постановка важной научной проблемы может состояться, как отмечал М. Вебер, во время прогулки по улице или даже в момент раскуривания сигары на диване. Но существенное отличие дилетанта от профессионала, крайне ослабляющее его позиции в науке, состоит в отсутствии у дилетанта надежности рабочего метода. Так что открытие, сделанное дилетантом, может оказаться эфемерным, даже будучи четко артикулированным, в силу отсутствия у дилетанта опыта исследовательской работы, его неспособности оценить значение этого открытия и провести его в жизнь [4].

Детальный музыковедческий анализ дилетантизма провёл Б.В. Асафьев. Он не только вернул ему прежнее значение, но и дал определение, в свете которого предлагалось в корне пересмотреть оценку некоторых фактов художественной жизни общества. Его подход к проблеме дилетантизма сформировался в процессе исследовательской работы над интонационной природой русского романса [1]. По мнению Б.В. Асафьева, наличие уничижительного оттенка в

слове «дилетантизм» искажает адекватное представление о роли дилетантов в истории художественной культуры. Для Б.В. Асафьева дилетант — это любитель и знаток искусства, который вполне может обладать как глубокими специальными знаниями, так и развитым художественным вкусом, хотя он и редко достигает полного овладения техникой и формами выражения. Основным же критерием, по которому можно судить о том, является данный художник профессионалом или дилетантом, Б.В. Асафьев считал реальное отношение к искусству как к источнику заработка. Профессионал всецело посвящает себя искусству, а дилетант — это тот, для кого, во-первых, искусство не служит исключительно источником заработка и, во-вторых, не составляет главного дела всей жизни. Понятый таким образом дилетантизм получает гораздо более значительное место в истории культуры в том числе потому, что позволяет отнести к нему еще мало исследованные пограничные явления, бытующие на периферии художественного процесса.

Причину же того, почему понятия «дилетант» и «дилетантизм» обычно несколько пренебрежительно противопоставляются профессионализму в искусстве, Б.В. Асафьев видел, с одной стороны, в упадочническом характере, какой приняло любительство в буржуазном обществе, а с другой — в полном отрыве профессионального западного искусства от искусства самодеятельного. «На самом же деле, — подчеркивает он, — история музыки знает имена выдающихся музыкальных деятелей — дилетантов» [2, с. 39].

П.И. Чайковский называл дилетантами молодого М.И. Глинку (периода до «Ивана Сусанина») и Ц.А. Кюи, имея в виду обстоятельства как внешнего, так и внутреннего характера [11, с. 6–7]. Дилетантизм Ц.А. Кюи имел, по мнению П.И. Чайковского, дворянские корни. Ц.А. Кюи не мог стать профессионалом в музыке в силу своей сословной принадлежности, тогда как молодой М.И.Глинка был назван дилетантом по причине своего недостаточно серьезного, а значит, с точки зрения П.И. Чайковского, непрофессионального отношения к музыкальному творчеству и отсутствия соответствующего уровня мастерства. Для П.И.Чайковского слово «дилетантизм», с одной стороны, означало социальное положение художника, а с другой — характеризовало невысокую степень серьезности его намерений, недостаточный уровень профессионального мастерства.

Дилетантизм традиционно рассматривался в контексте противоположной, универсалистской тенденции в культуре. В русле этой тенденции констатировалось, что помимо своей профессиональной деятельности, даже осуществляемой с блеском и требующей значительных затрат интеллектуальных и физических сил, человек, обладая высокой степенью мастерства в конкретной области специализации, движим не только стимулом максимального заработка и наиболее полной социальной адаптации. Кроме этого для него важны мотивы, не связанные с ориентацией на получение конкретных практических результатов, как и те эмоции, которые никак не соприкасаются с профессиональной деятельностью. Для него необходимы также многообразные формы отдыха,

возможность удовлетворения своих внерабочих интересов и пристрастий. Эти потребности заметно возрастают на фоне тенденции к постоянному росту объема свободного времени.

Нетворческое отношение к миру, беспросветная рутина специализированного труда, осуществляемого в отрыве от фундаментальных потребностей человеческого сознания в самоактуализации и преследовании идеальных целей, воспринимались как предвестники грядущих социальных бедствий. Насущной задачей представлялось преодоление этой пропасти, для чего предполагалось использовать в качестве опоры все богатство духовной культуры, наработанное за века человечеством. В творческой активности каждого человека, независимо от рода его постоянных занятий, связанных как с умственным, так и с физическим трудом, усматривался тот путь, на котором он способен обрести сущностно человеческое, не стать «винтиком» в машине нового технократического общества.

Мотивационный импульс к самовыражению предопределяет эстетический характер дилетантизма. Дилетантское творчество проистекает из чистой заинтересованности индивида в процессуальной стороне творческого труда. Это порождает и специфическое отношение к фигуре дилетанта: нас занимают не только продуктивные возможности дилетантизма (они могут оказаться крайне незначительными), но и природа этих зачастую непродуктивных и нецелесообразных усилий с точки зрения получаемых результатов.

Дилетантизм возник в качестве акцентированной художественной манерности, как подражание гениальности и элемент высокосветского досуга. Будучи первоначально явлением сугубо светским, он постепенно распространился и в широких демократических слоях. Важнейшую роль в этом процессе сыграло расширение системы университетского образования, проникавшего во все слои общества. В результате творчество не только становилось достоянием высших социальных слоёв и интеллигенции, но и занимало прочное место в повседневной жизни мещанства, нашедшего адекватную для себя форму самовыражения в жанре городского романса. Если в прежние времена дилетантизм был лишь периферийным элементом повседневности, то в новых социокультурных обстоятельствах он становился креативной матрицей обыденного сознания.

С течением времени дилетантизм утрачивал черты аристократического любительства. С окончанием формирования национальных художественных школ главную роль в них стали играть не дилетанты-аристократы, а владевшие зрелым мастерством художника специализировавшиеся профессионалы. Дилетантизм тем временем становился элементом художественных идеологий нонконформистского типа. В этой связи возникает необходимость осмыслить причины того движения, в котором дилетантизм осуществился в форме идеологического обоснования депрофессионализации художественного творчества. Свобода и универсальность, составившие опору концептуального содержа-

ния этого понятия, стали знаками той эстетической реальности, во имя которой декларировался отказ от профессии художника.

В рамках контркультуры вновь ожил пафос неприятия институциональных норм, борьбы за освобождение человека средствами искусства, путём творчества всех и каждого. Неоромантическая контркультура однозначно стала на сторону ничем не скованной субъективности, индивида, декларирующего своё право творить так, как ему представляется возможным. Тем самым она заняла позицию фактической апологии дилетантизма.

В контркультурном сознании «миф художника» был поднят на новую высоту. Депрофессионализация скрывала мотив противопоставления свободного творчества нормативным предписаниям, бескорыстия — коррумпированности обуржуазившихся профессиональных дельцов от искусства. В леворадикальной критике официального искусства норма становится синонимом пошлости, а работа на заказ — свидетельством творческого бессилия. Фигура художника-дилетанта вырастает в символ грядущего искусства, которое будет движимо повседневным творчеством широких масс. При различиях в частностях эти идеи можно обнаружить в большинстве авангардистских концепций коммунального образа жизни.

Таким образом, дилетантизм — явление эстетическое по своей сути — имеет теснейшую связь с идеей выразительности, самовыражения, самоактуализации в экспрессивной стихии неутилитарной деятельности, направленной на получение максимума эстетического удовлетворения, реализации полноты жизненной стихии в утопической перспективе культуры. Выделив эстетический смысл дилетантизма, можно точнее обозначить его социокультурный характер: говоря коротко, в своём позитивном оценочном значении «дилетантизм» выражал представление о достоинстве непрофессиональной социально значимой деятельности в условиях низкого статуса художественного профессионализма (как и профессионализма в тех областях, где требуется наличие выраженного креативного элемента). Поэтому дилетантами в прежние времена именовали тех, кто посвящал творчеству своё свободное время и для кого художественный профессионализм был неприемлем по причине его плебейского происхождения.

Библиографический список

1. *Асафьев Б.В.* Композиторы первой половины XIX века // Избр. тр. М.: АН СССР, 1955. Т. 4.
2. *Асафьев Б.В.* Путеводитель по концертам. М.: Советский композитор, 1978.
3. *Афасижев М.Н.* Западные концепции художественного творчества. М.: Высшая школа, 1990.
4. *Вебер М.* Наука как призвание и профессия // Самосознание европейской культуры XX века. М.: Политиздат, 1991.
5. *Герцен А.И.* Дилетантизм в науке // Собр. соч.: В 30 т. Т. 3. 1842–1846. М.: АН СССР, 1954.

6. *Гете И.В.* О дилетантизме // Статьи и мысли об искусстве: Сб. статей. М.; Л.: Искусство, 1936.
7. *Гете И.В.* Об искусстве. М.: Искусство, 1975.
8. *Гончаров И.А.* Обломов. Л.: ЛГУ, 1981.
9. *Кант И.* Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994.
10. *Славов И.* Дилетантизмът. София: Наука и изкуство, 1984.
11. *Сохор Л.Н.* О специфике самодеятельного искусства // Проблемы музыкальной самодеятельности. Л.: Музыка, 1965.
12. *Хайек Ф.А.* Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма. М.: Новости, 1992.
13. *Штейнпресс Б.С., Ямпольский И.М.* Энциклопедический музыкальный словарь. М: Сов. энциклопедия, 1966.
14. *Bitser H.* Goethe über den Diletantismus. Bern: Hg. H. Lang, 1969.

Наука о сложных системах и ее социологические коннотации

И.А. Шмерлина*

Современный «вызов» социологии со стороны биологии идет по двум направлениям. Одно из них, чисто биологическое, связано с выявлением естественно-природных предпосылок человеческого поведения. Данное направление реализуется в рамках психогенетики и этологии человека и сфокусировано на анализе таких феноменов, как естественно-биологические основы восприятия и коммуникации, биологические импульсы морального поведения, генетические факторы брачного выбора, социальные формы природной жизни и пр. Интеграция данного направления в рамках самодостаточного социологического дискурса — задача, которая не имеет на сегодняшний день удовлетворительного решения.

Второй эшелон биологической «интервенции» предстает в виде системно-кибернетического вызова, и здесь ситуация складывается не столь однозначно. «Правила хорошего тона» в науке не позволяют открыто отвергать принципы системного анализа, а фигуры Т. Парсонса и Н. Лумана, творчество которых дает социологическое отображение двух этапов развития кибернетической мысли, — достаточно авторитетное основание для «вежливого нейтралитета» в отношении системной теории. Тем не менее, если позволительно говорить о «мейнстриме» в социологии, то он проходит в стороне от современной кибернетики. Как заметил Н. Луман, «социология пока... еще не в курсе проблем, обсуждаемых на современном этапе развития системной теории» [7, с. 45].

Вместе с тем в пограничных областях общественнонаучного дискурса началось активное обсуждение системно-кибернетичеких идей второго порядка. На роль интегрирующего теоретического подхода претендует синергетика, в круг дисциплинарного чтения которой входят работы И. Пригожина и М. Эйгена, Н. Винера и У. Эшби, Ф. Турчина, У. Матураны и Ф. Варелы, Н. Лумана, Г. фон Ферстера, Э. фон Глазерсфельда и целого ряда других авторов, с разных

* Шмерлина Ирина Александровна – кандидат социологических наук, доцент, научный сотрудник Института социологии РАН. Электронная почта: Shmerlina@yandex.ru

дисциплинарных позиций исследующих проблемы сложных систем. Делаются попытки осмыслить кибернетические подходы с точки зрения организационного менеджмента [3; 10; 11], и этот интерес научно-практического консультирования к метафизическим вопросам симптоматичен.

Современная кибернетика, формирующаяся как междисциплинарная биологическая рефлексия, действительно очень близко подошла к уровню социальной организации жизни. Это обстоятельство было эксплицировано в термине социокибернетика, в котором делается намеренный акцент на социологические коннотации кибернетики второго порядка. Летом 2003 г. состоялась IV Международная конференция по социокибернетике, а само появление этого термина относится, по-видимому, к концу 1970-х гг. [24].

Есть определенная проблема в периодизации идей и направлений развития системно-кибернетической мысли. Принято выделять кибернетику первого и второго порядка. Становление первой датируют 1940-ми гг., и в ней видят проявление инженерно-технического подхода к системному анализу. Появление второй относят к началу 1970-х гг., и ее связывают с биологическими исследованиями, прежде всего в области нейрофизиологии.

В действительности такого рода хронологическое размежевание основано скорее на условных вехах, нежели на реальном развитии идей. Биологически ориентированная системная теория появилась задолго до 1970-х гг., причем едва ли не раньше технически ориентированной кибернетики Н. Виннера (кибернетики первого порядка).

Ключевой новацией аутопойетической теории и всей плотно базирующей на ней кибернетики второго порядка является радикальное переопределение жизни. Согласно У. Матуране и Ф. Вареле, не репродукция, но аутопойезис является конституирующим признаком жизни [9, с. 51–52]. Однако попытки переосмыслить феномен живого и вывести его за «телесные» рамки» (т.е. за рамки белковых соединений, обладающих способностью к репродукции), делались в науке неоднократно, и концепция аутопойезиса хорошо согласуется с негэнтропийной трактовкой жизни, акцентирующей свое внимание на неравновесных процессах.

Концепция негэнтропийной сущности жизни развивается с середины 1930-х гг. и связана прежде всего с работами Э.С. Бауэра. Специфика живого, по Э. Бауэру, заключена в способности поддерживать состояние устойчивого неравновесия. «Мы получили, — пишет он, — ... всеобщий принцип устойчивого неравновесия живых систем... Это обозначение явно выражает смысл принципа и характерные с точки зрения термодинамики признаки живых систем» [1, с. 43]. Гипотеза о природе этого неравновесия (асимметричность структуры белковых молекул) оказалась неверной. Тем не менее сам подход к пониманию специфики жизни рассматривается в науке как чрезвычайно перспективный. Его переосмысление в терминах теории информации [13] отвечает современным кибернетическим интерпретациям биологических процессов.

Рождение биокибернетики связано с именем Л. фон Берталанфи. Трудно сказать, находятся ли работы Э. Бауэра и Л. фон Берталанфи в отношениях преемственности или диалога, однако известно, что примерно в то же время, в середине 1930-х гг., Л. фон Берталанфи выступил с общей теорией систем. «Организмы суть организованные явления, и мы, биологи, должны проанализировать их в этом аспекте, — писал он позднее. — Я пытался применить эту организмическую программу в различных исследованиях по метаболизму, росту и биофизике организма. Одним из результатов, полученных мною, оказалась так называемая теория открытых систем и состояний подвижного равновесия, которая, по существу, является расширением обычной физической химии, кинетики и термодинамики. Оказалось, однако, что я не смог остановиться на однажды избранном пути и был вынужден прийти к еще большей генерализации, которую я назвал общей теорией систем. ...я выдвинул ее впервые в 1937 году...» [2, с. 28].

Однако выступить с идеями, которые в 1937 г. показались ему слишком абстрактными и, в терминологии Гаусса, «крикливыми», фон Берталанфи осмелился лишь 10 лет спустя [14; 15]. Возможно, отчасти в силу хронологической удаленности теоретики современной системной теории рассматривают фон Берталанфи как представителя кибернетики первого порядка, что не совсем отвечает логике развития кибернетических подходов. Впрочем, здесь могут иметь место и более тонкие различения. Принципиальным является то, на чем делать акцент при рассмотрении биологически ориентированной кибернетики второго порядка — на ее биологической ориентации или на «втором порядке». Если акцент делать на биологической ориентации, т.е. на аутопойетическом модусе существования живых и жизнеподобных систем, то исключение Берталанфи из кибернетической традиции второго порядка необоснованно. Если же принять во внимание идею самореференции, рождающей «второй порядок»[1] в функционировании сложных систем, то такое размежевание окажется логичным. На это обращает внимание один из наиболее значительных идеологов социокибернетики Ф. Гейер: «Несмотря на то, что кибернетика первого порядка включала выдающихся биологов — таких как фон Берталанфи... один из основателей общей теории систем, импульсы для становления кибернетики второго порядка шли большей частью из биологии и нейрофизиологии, а на более поздних этапах также из эпистемологии» [17].

Учитывая дисциплинарно-терминологическую нюансировку, все же можно признать, что идеи устойчивого неравновесия (или динамического равновесия), организованности и саморегулирования сложных систем, телеологичности и эквифинальности их развития, сформулированные Э. Бауэром и Л. фон

[1] Определенную сложность здесь создает то обстоятельство, что понятия первого и второго порядка воспринимаются как хронологические маркеры, в то время как они отображают уровень наблюдения над системой: первый порядок — наблюдение над системой как таковой, второй порядок — наблюдение с учетом присутствия наблюдателя.

Берталанфи, получили дальнейшую разработку[2] в концепции У. Матурана уже в статусе новой междисциплинарной методологии. Произошло это в значительной степени благодаря сильно выраженному эпистемологическому аспекту теории аутопойезиса.

В 1970 г. в материалах, подготовленных для ежегодного собрания американского кибернетического общества, Хейнц фон Ферстер ввел термин «кибернетика второго порядка», или «кибернетика кибернетики». Он определил ее как «кибернетику наблюдающих систем», наблюдающих в том числе и самое себя, тогда как «кибернетику первого порядка» он назвал «кибернетикой наблюдаемых систем». «Если элиминировать свойства наблюдателя, — подчеркивал Х. фон Ферстер, — а именно способность наблюдать и описывать, ничего не остается: ни наблюдения, ни описания… Переводя это в сферу кибернетики: кибернетик, вступая в сферу своего собственного исследования, должен учитывать свою собственную активность, кибернетика становится кибернетикой кибернетики, или кибернетикой второго порядка» [16]. Комментируя концепцию Х. фон Ферстера, Н. Луман замечает: «Реальность раскрывается лишь на уровне наблюдения второго порядка, в наблюдении наблюдателя...» [7, с.53].

Таким образом, биология в своем домене открыла то, что в начале XX в. было осмыслено в квантовой физике. «…представление об объективной реальности элементарных частиц, — писал В. Гейзенберг, — ...странным образом исчезает, но исчезает оно не в тумане какого-то нового понимания реальности или еще не понятого представления о ней, а в прозрачной ясности математики, описывающей не поведение элементарных частиц, а наше знание об этом поведении» [4, с. 295].

В том же 1970 г. в «Докладах...» возглавляемой Х. фон Ферстером биологической компьютерной лаборатории Университета Иллинойса публикуется программная статья У. Матурана «Биология познания» [8]. В этой работе были изложены практически все ключевые идеи аутопойетической концепции, однако в ней не было самого термина «аутопойезис», появившегося позднее [22]. Характеризуя особенности живых систем, Матурана использовал термин самореферентной круговой организации[3]. Первое публичное упоминание термина «аутопойезис» появляется, по-видимому, в 1974 г. в совместной работе У. Матураны, Ф. Варелы и Р. Урибе [27].

---

[2] Мы не знаем, был ли У. Матурана знаком с работами этих авторов и можно ли в этом отношении говорить о непосредственной (текстуальной) преемственности, но идейная преемственность несомненна.

[3] «Живая организация представляет собой круговую организацию, обеспечивающую производство или сохранение компонентов, специфицирующих ее таким образом, что продуктом их функционирования оказывается сама та организация, которая их производит» [8, с. 130]. Данное определение принципиально не отличается от более поздних «прецедентных» формулировок. Аутопойетические системы суть «системы, определяемые в качестве единств как сети производства компонентов, которые (1) рекурсивно в ходе интеракций порождают производящую их сеть и (2) в пространстве своего существования конституируют границы этих сетей» [22, p. 21].

Концепция аутопойезиса, изначально ориентированная на когнитивные проблемы, имеет эксплицированные эпистемологические коннотации, которые были быстро радикализированы. Идея самореферентности [self-reference], или, в терминологии кибернетики второго порядка, самонаблюдающих систем, развернулась в эпистемологию «замкнутого на себя познания». Данная эпистемологическая перспектива получила свое программное оформление в концепции «радикального конструктивизма», претендующей на статус современной методологии научного познания.

Термин «радикальный конструктивизм» (РК) в 1974 г. предложил Эрнст фон Глазерсфельд, чтобы подчеркнуть, что, в эпистемологической перспективе любой конструктивизм должен быть завершен («радикализирован»[4]). Без радикализации всегда есть опасность рецидива той или иной разновидности иллюзорного реализма [28]. Однако, как замечает А. Риглер, сама идея РК принадлежит не Глазерсфельду. Конструктивистские идеи познания он усматривает в субъективно-идеалистическом учении Джорджа Беркли (esse est percipi) и в принципе verum ipsum factum, сформулированном Джамбаттиста Вико. По мнению А. Риглера, «удивительно длинная история РК… показывает, что он не просто дань моде», а представляет собой некий «междисциплинарный тигель критических идей, которые собраны под этим ярлыком» [23].

Действительно, определение РК, сформулированное автором данного термина Э. фон Глазерсфельдом, актуализирует целую философскую традицию «субъекто-центрического» истолкования природы познания: «Что такое радикальный конструктивизм? Это нетрадиционный подход к проблеме знания и познания. Он отталкивается от предположения, что знание, независимо от того, как его определять, содержится в головах людей и что предмет мысли может быть только сконструирован на базе того, что он или она знают исходя из его или ее собственного опыта. Единственный мир, в котором мы сознательно живем, конструируется из нашего опыта…» [18].

Эти представления подвержены опасности солипсизма. Теория РК признает солипсизм как позицию, имеющую гносеологическое звучание, и в этом смысле представляет собой современный вариант агностицизма. Как подчеркивает Э. фон Глазерсфельд, «конструктивизм есть теория познания [knowing], а не бытия [being]» [19]; «конструктивизм есть идея о том, что мы конструируем наш собственный мир и он не определяется внешней реальностью. В своей наиболее последовательной форме РК утверждает, что мы не можем выйти за пределы нашего опыта. Таким образом, бессмысленно утверждать, что наше сознание постепенно приближается к структуре внешней реальности. Сознание неизбежно эпистемологически солипсично, что не равнозначно онтологическому солипсизму»; «РК — агностичен» [23]. С учетом этих пояснений кибернетику второго порядка следует рассматривать как эпистемологически нагруженную

[4] Как отмечает А. Риглер, прилагательное «радикальный» (от лат. radix – корень) используется в смысле «глубоко последовательный» (а не «крайний») [23].

науку о сложных (живых и жизнеподобных) системах, выступающую в виде совокупности близких, во многом пересекающихся теорий и подходов[5].

Любопытно заметить, что корневые проблемы этой новой кибернетики примерно в то же время были рассмотрены К. Лоренцем в философско-биологическом сочинении «Оборотная сторона зеркала. Опыт естественной истории человеческого познания» [6]. Посвященная, как видно из подзаголовка, биологии познания, эта работа выходит в 1973 г. и открыто перекликается с теми проблемами, которые обсуждаются в это время в системной теории. При этом решения, предложенные К. Лоренцом, хорошо аргументированы и прозрачны, что выгодно отличает их от эпатирующих (и в то же время в определенном смысле архаичных) подходов радикального солипсизма.

Вслед за Д. Кэмпбеллом К. Лоренц называет свою гносеологическую позицию гипотетическим реализмом. Она состоит в признании того, что все наши (т.е. не только наши, но любого познающего субъекта, будь то Эйнштейн или амеба) представления о реальности есть не более чем предположения — гипотезы. Познание всегда и неизбежно будет гипотетическим, поскольку человек, как и любое иное познающее существо, никогда не сможет снять очки, через которые он смотрит в мир. Но — и здесь Лоренц радикально расходится с радикальным конструктивизмом — существуют достаточно сильные основания для того, чтобы полагаться на эти гипотезы как на более или менее достоверное знание о реальности-как-она-есть. «В том, что касается надежды понять конечные ценности этого мира, мы очень скромны, — пишет К. Лоренц. — Но мы несокрушимо убеждены в том, что все сообщаемое нашим аппаратом познания соответствует истинным данным внесубъективного мира. Такая гносеологическая позиция происходит от знания того, что и сам наш познавательный аппарат есть предмет реальной действительности, получивший свою нынешнюю форму в "столкновении со" столь же реальными предметами и в "приспособлении к" ним. ..."Очки", через которые мы смотрим на мир, — такие формы нашего мышления и созерцания, как причинность, вещественность, пространство и время, — суть функции нашей нейросенсорной организации, — возникшей для сохранения вида. То, что мы видим через эти очки, вовсе не является, как полагают трансцендентальные идеалисты, непредсказуемым искажением Сущего-в-себе, не связанным с действительностью даже случайной аналогией, даже "отношением изображения". Напротив, это подлинный образ действительности, который, впрочем, грубо утилитарным образом упрощен; у нас развились "органы" лишь для тех сторон Сущего-в-себе, какие важно было принимать в расчет для сохранения вида, т.е. в тех случаях, когда селекционное давление

[5] По замечанию Ф. Гейера, кибернетика представляет собой «зонтичный термин» для широкого круга дисциплин (общей теории систем, системной динамики, теории катастроф и пр.), а сущность кибернетики второго порядка более адекватно выражать термином «наука о сложных системах [the science of complexity]» [17].

было достаточно для создания этого специального аппарата познания» [6, с.249].

Между тем сочинение К. Лоренца не вошло в круг биокибернетической литературы, и здесь, очевидно, проявился феномен дисциплинарной легитимации научных идей.

Тот резонанс, который вызвали в научном сообществе 1970-х гг. биологические опыты У. Матураны, можно понять с учетом обстоятельств, которые в дискурсе советской эпохи принято было называть «социальным заказом». Классическая кибернетика (кибернетика первого порядка) имела дело прежде всего с механическими объектами и акцентировала моменты структуры и адаптации, стабильности, динамического равновесия и контроля. Она рассматривается как проявление инженерного подхода к анализу систем, т.е. такого подхода, практические задачи которого связаны с поддержкой функционирования системы или трансформации ее в строго заданном и контролируемом направлении. Именно подобный инженерный подход к анализу общества был реализован в теоретических построениях Т. Парсонса, традиционно критикуемых за акцентирование моментов стабильности системы[6].

Творчество Н. Лумана репрезентирует идеи кибернетики второго порядка. Известно, что Н. Луман стажировался у Т. Парсонса, и в этом смысле историко-социологическая традиция дает хрестоматийное отражение основных этапов развития кибернетической мысли. Сам Н. Луман следующим образом описывает сложившуюся к 1960-м гг. потребность парадигмального сдвига в системной теории: «Благодаря Талкотту Парсонсу, Карлу Дойчу, Дэвиду Истону и многим другим системная теория... была воспринята также и социальными науками. При этом оставалось невыясненным, чем, собственно, являются системы, обладающие способностью сохранять себя посредством отношений обмена с окружающей средой и преобразовывать вход в выход. В дальнейшем развитии этот пробел в теории сыграл роль стимула эволюции. Прежде всего он пробудил и поддержал интерес к концепциям самореференции, которые преобладают в настоящее время» [7, с. 45–46].

Поскольку кибернетический «скачок» на уровень второго порядка происходит в начале 1970-х гг., в научном интересе к феноменам дезорганизации и нестабильности, нелинейности и неравновесности, темпоральности и морфогенеза, рефлексивности и принципиальной непредсказуемости поведения объ-

[6] Вопрос об отображении кибернетических подходов в творчестве Т. Парсонса заслуживает отдельного рассмотрения. «Структура социального действия» (1937) создавалась вне прямого влияния кибернетики, публичное рождение которой принято связывать с 1948 г., когда вышла работа Н. Винера «Кибернетика, или управление и связь в животном и машине». Несомненно, однако, что работы более позднего периода создавались с учетом общих системных принципов кибернетики. Как бы то ни было, сама идея steering (англ. «управления рулем»), несомненно, была актуализирована в теоретическом дискурсе эпохи. В этом смысле теория Т. Парсонса есть весьма аутентичное воплощение идей кибернетики первого порядка в социологии, со всеми ее плюсами и минусами.

екта, т.е. ко всему спектру важнейших идей современной кибернетики, можно увидеть отражение социальных процессов второй половины 1960-х гг. Более тонкая историко-научная гипотеза связывает «моду» на понятие самости — ключевого понятия в кибернетике второго порядка — с нарастающими процессами индивидуации, которые также имели место в это время [20].

Таковы те социально-исторические и научные обстоятельства, которые объясняют удивительную скорость, с которой то, что происходит в нервно-оптической системе лягушки, было экстраполировано на всю область живых и «жизнеподобных» систем (using-meaning, по Н. Луману).

Безусловно, обоснованность подобных экстраполяций нуждается в усилении, однако их эвристичность несомненна. Фактически биологические опыты У. Матураны помогли увидеть новый класс объектов, атрибутивным маркером которых выступает понятие самости (self): самопроизводство (self-production — autopoiesis), самоорганизация (self-organization), самоотношение (self-reference), самонаправление (self-steering). Очень быстро наступило понимание, что социология имеет дело именно с такого рода объектами.

Созданная как философское обобщение биологических принципов жизни, концепция аутопойезиса не имеет развернутого социологического обоснования. Тем не менее она воспринята современной социологией и имеет для последней определенное эвристическое значение, которое можно резюмировать в нескольких тезисах.

1. Аутопойетическая концепция, дающая переопределение жизни, позволяет на новом уровне рефлексивности развернуть органическую метафору — исходную биологическую интуицию социологии.

2. Аутопойетическая концепция по-новому трактует адаптацию как селективное, активное формирование среды, которое задается функциональными требованиями аутопойетической системы; тем самым предлагается естественно-биологическое обоснование для социологического конструктивизма.

3. Наконец, понимание надорганических (социальных и культурных) систем как аутопойетических позволяет увидеть процесс их развития как самореферентное раскручивание маховика положительной обратной связи.

Самореференция — ключевое понятие биокибернетики второго порядка — задает нетрадиционную «организмическую» эпистемологию социального отражения. Специфика самореференции сложных систем состоит в рекурсивном действии механизма позитивной обратной связи. Накопление информации о собственном состоянии корректирует само это состояние, что отражается на новом витке самореференции и ведет к новой корректировке и т.д. Посредством специализированных и обыденных дискурсов общество себя рефлексирует и, как предполагается, существенно корректирует собственные параметры. Этот феномен давно осознан социологами и отражен как в традиции «интерпретативной» социологии, так и в популярной постмодернистской тематике «общества как дискурса».

Идея самореференции, акцентирующая специфически человеческие аспекты существования и коммуникации, появляется в социологии задолго до ее кибернетической экспликации. Представляется возможным прочесть сквозь призму этой идеи дюркгеймовский постулат об обществе как самодетерминирующейся реальности sui generis. Как известно, Э. Дюркгейм не смог дать внятного обоснования sui generis-гипотезе и придавал этому принципу «вещностный» смысл. Однако анализ дюркгеймовской гипотезы в плоскости ее объективного бытования в научном дискурсе (в плоскости попперовского «третьего мира»), независимо от тех субъективных смыслов, которые предполагались автором, позволяет увидеть в наивной и плохо оформленной идее sui generis отражение сильной интуиции относительно природы общественных процессов — интуиции, которая тесно корреспондирует с междисциплинарными выводами современных исследований.

Философские выводы биокибернетики делают возможным полагать самореференцию социальной системы источником и причиной — sui generis — ее собственного существования. Социальные системы действительно в известном смысле создают себя посредством собственных описаний.

Общество существует для себя в форме того, что оно в состоянии предположить о себе в виде самоинтерпретации. Это вовсе не означает, что вне самопознания общества не существует ничего иного, что бы являлось его объективной основой и детерминировало его состояние и эволюцию. Однако радикальность вывода заключается в том, что то́, что стоит за обществом — а за ним, безусловно, стоит объективная реальность отношений и процессов, которые мы мыслим как социальные, — обществом не является. Согласно логике аутопойетического функционирования и гипотезе sui generis, общество есть те формы, в которых оно мыслит себя. Так, за социальной стратификацией, несомненно, стоит целый пласт эволюционно-биологических процессов и системно-кибернетических механизмов самоорганизации. Однако социальная стратификация per se — в ее конкретной, исторически определенной форме — есть конструктивная самореференция этих процессов. Общество есть то, что оно мыслит о себе, и в этом отношении оно не имеет никаких иных источников бытования, кроме тех, которые оно мобилизует в самом себе. В современной терминологии это называется самореференцией, Дюркгейм называл это принципом sui generis.

Идеи самореферентной круговой организации имеет ключевое значение в понимании природы и проблем современного социологического описания. В то же время — это весьма опасная идея, работа с которой требует эпистемической осторожности. Специфика аутопойетически организованного системно-средового взаимодействия состоит в том, что аутопойетическая система познает не среду, а себя в среде. Это по существу правильная мысль, но она требует соблюдения эпистемического баланса. Излишнее акцентирование самости без понимания того, что все происходящее осуществляется в структурном сопряжении со средой, ведет к радикальному конструктивизму, плодотвор-

ность которого представляется сомнительной. Социологическая коннотация этого радикального конструктивизма — дискурсивный солипсизм, в рамках которого функция самовыражения приобретает онтологический статус.

Положение, согласно которому социология есть наука о социообразующем дискурсе, до известной степени оправдано. Однако идея самореференции не равносильна признанию того, что коллективный рефлексирующий субъект возникает из самого себя. Ограничиться этим обстоятельством означало бы впасть в коллективный солипсизм, что в определенной мере и происходит с наукой об обществе.

Реальная проблема, «ответственная» за возникновение этих эпистемических крайностей, заключается в специфичной природе языка. Язык обладает многими признаками аутопойетического объекта. При этом он одновременно выступает средством функционирования других аутопойетических систем и, как любое средство, небезразлично для объекта выражения; иными словами, язык оказывается средством, определяющим форму существования социальных и культурных систем. Акцентирование этих обстоятельств привело социогуманитарную мысль к лингвистическому детерминизму («дискурсивному редукционизму», в терминологии Н.Е. Копосова [5, с. 36]) — тотально лингвистической трактовке всех социальных и культурных процессов.

Радикализированная эпистемология второго порядка оказалась, таким образом, удивительно созвучна той лингвистической парадигме, которая начинает формироваться в домене социогуманитарного знания с конца XIX в. и имеет прочные позиции в современной интеллектуальной ситуации.

Одним из часто используемых примеров социолингвистического творчества является совершение таинства брака: «Я объявляю вас мужем и женой...». Это действительно красивый и вместе с тем весьма уязвимый пример. Заслуживает обсуждения та реальность, которая стоит за магией называния. Какова реальная сила словесной формулы? Можно ли полагать, что муж и жена являются исключительно результатом лингвистического конструирования? От положительного ответа на этот вопрос удерживает хотя бы то обстоятельство, что взаимоотношения полов обнаруживают удивительный изоморфизм в человеческом и животном (бессловесном?) мире.

Лингвистически ориентированная социология «увлеклась» идеей знакового аутопойезиса, «забыв», что любая аутопойетическая система находится в состоянии структурной сопряженности с окружающей средой.

Кибернетику второго порядка не случайно называют как био-, так и социокибернетикой. Она совершает поразительный «трюк» с биологической метафорой организма, возвращая ее социологии в том чистом формате sui generis, которого так настойчиво искал Э. Дюркгейм. Понимание общества как организма было попыткой объективного подхода к обществу, и это заставляло искать механизмы функционирования социального целого за пределами субъективных намерений. Поиском внутренних связей и организмических спосо-

бов «подгонки» частей социального комплекса занимались многие авторы, достаточно назвать Г. Спенсера и Э. Дюркгейма, организмическую школу в социологии, Н.Я. Данилевского и О. Шпенглера. В этом смысле кибернетика второго порядка предлагает парадоксальное решение. Радикально понятая организмичность позволяет избежать как угрозы натурализма, так и любых объективистских «фантомов» и возвращает все права конструирующему субъекту, отдавая должное его духовным и мыслительным потенциям. Однако гипостазирование момента самореференции приводит радикальный конструктивизм к «эпистемическому солипсизму», а акцентирование конструктивной силы самоописаний замыкает социологию на «лингвистический солипсизм».

Н.Е. Копосов полагает, что лингвистическая парадигма «достигла логических пределов своего развития», и различает симптомы ее радикального пересмотра [5, с. 43]. Подчеркнем, что сама биокибернетика, спровоцировавшая радикальные эпистемические выводы, содержит богатые ресурсы для восстановления нарушенного эпистемического баланса. Понятие структурной сопряженности, образ «контрапунктного» отношения организма к окружающему миру [6, с. 264] позволяют выстроить более тонкие модели системно-средового взаимодействия.

Живые, и организмоподобные системы до известных критических пределов остаются стабильными, несмотря на нефункциональность отдельных элементов и структур. Принципиально важно, по-видимому, чтобы нефункциональность не превратилась в дисфункциональность. Пока этого не происходит, система поддерживает свои элементы ради сохранения общего системного равновесия.

До тех пор, пока воспроизводство системы не встречает критического селективного давления со стороны иной системы, она воспроизводит себя и формирует собственную среду. Так, биологический организм как целое воспроизводит себя до тех пор, пока это позволяют системы клеточного уровня. Психика человека устойчива до тех пор, пока не произошли критические изменения в системах органики. Социум воспроизводится до тех пор, пока это допускают системы второго уровня (т.е. индивидуально-психические системы). Иначе говоря, пределы автономности и самовоспроизводства живых и организмоподобных систем заложены на иных системных уровнях, которые выступают как ресурсная среда.

В качестве такой ресурсной среды не обязательно рассматривать только системы более низкого уровня. Модель можно перевернуть и тем самым допустить схему обратного влияния — со стороны систем более высокого уровня. В самом деле, гибель организма неминуемо ведет к гибели клетки / генома (так происходит естественный отбор), органика человека до известных пределов контролируется психикой, а для выживания индивида критическое значение имеет социетальная среда. Здесь нет никакого противоречия, поскольку отнесение той или иной целостности к системе, или среде, относительно: при-

менительно другу к другу автономные системы, как подчеркивает Н. Луман, выступают именно как среда.

Системы не только создают друг для друга рамки воспроизводства. Изменения в одной системе провоцируют изменения в другой, и весь процесс может быть понят как взаимодействие по типу «наведенной эволюции». «Это различение мира/системы требуется, — пишет Луман, — в качестве "мотора" эволюции: структурные изменения в индивидуальных системах делают среду других систем более сложной; эти системы могут реагировать либо мобилизацией новых возможностей, либо адаптацией, либо индифферентно. Во всех этих случаях повышается селективность их состояний…» [21, p. 67].

* * *

Человек изначально замкнут в некие сети взаимоотношений и представлений. Ни своей волей, ни коллективным усилием он не в состоянии разомкнуть предстоящие перед ним структуры и формы. Но он в состоянии их описывать и тем самым создавать новую «объективную реальность», в свою очередь предстоящую перед ним и управляющую им. Драматизируя это обстоятельство, социогуманитарная мысль замкнулась в рамках дискурса. Проблема, однако, состоит не в том, что лингвистических «анклавов» («изолятов») не существует, а в том, что за его прочными границами существует мир самопорождающихся структур — мир, не известный социологии и не интересный ей. В этом смысле хорошо различимая тенденция «превращения» социологии в литературу через промежуточный этап «качественной социологии» выглядит неизбежной.

Разумеется, было бы неплодотворно возвращаться к наивным представлениям о языке как незамутненной референции мыслительной деятельности и внешней действительности. Язык представляет собой, по-видимому, аутопойетическую реальность четвертого порядка [12], и его конструктивная сила несомненна. В этом отношении биокибернетика второго порядка создает новое эпистемическое напряжение и стимулирует очередной виток в анализе механизмов функционирования общества, требующий учета роли дискурсивных практик в сложной органике структурно сопряженных автореференциальных систем.

Библиографический список

1. *Бауэр Э.* Теоретическая биология. М.: ВИЭМ, 1935.
2. *Берталанфи Л. фон.* Общая теория систем – критический обзор // Исследования по общей теории систем. М.: Прогресс, 1969. С. 23-82.
3. *Витакер Р.* Обзор основных понятий теории автопоэзиса // <http://www.synergetic.ru/sections/autopoiesis/index.php?article=articles/basic>
4. *Гейзенберг В.* Шаги за горизонт. М.: Прогресс, 1987.
5. *Копосов Н.Е.* Замкнутая вселенная символов: к истории лингвистической парадигмы // Социологический журнал. 1997. № 4.

6. *Лоренц К.* Оборотная сторона зеркала. Опыт естественной истории человеческого познания // Лоренц К. Оборотная сторона зеркала. М.: Республика, 1998.
7. *Луман Н.* Почему необходима «системная теория»? // Проблемы теоретической социологии / Под. ред. А.О. Бороноева. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1994.
8. *Матурана У.* Биология познания // Язык и интеллект / Сост. и вступ. ст. В.В. Петрова. М.: ИГ «Прогресс», 1995.
9. *Матурана У., Варела Ф.* Древо познания / Пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
10. *Тарасенко В.* Что такое организация? — подходы Никласа Лумана и аутопойезис // <http://www.synergetic.ru/sections/autopoiesis/index.php?article=articles/tar_org>
11. *Хиценко В.Е.* Несколько шагов к новой системной методологии // Социс. 2001. № 3.
12. *Шмерлина И.А. Матурана У., Варела Ф.* Древо познания / Пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001 // Социологический журнал. 2003. № 2.
13. *Шноль С.Э.* О возможной физической и биологической интерпретации принципа устойчивого неравновесия Э.С. Бауэра // Бауэр Э.С. Теоретическая биология. Будапешт, 1982.
14. *Bertalanffy L. von.* An Outline of General System Theory // British Journal for the Philosophy of Science. 1950. Vol. 1. P. 134-165.
15. *Bertalanffy L. von.* Vom Sinn und der Einheit der Wissenschaften // Der Student. Wein, 1947. № 7/8.
16. *Foerster H. von.* Ethics and Second-Order Cybernetics // Cybernetics & Human Knowing. A Journal of Second Order Cybernetics & Cyber-Semiotics. 1992. Vol. 1. <http://www.flec.kvl.dk/sbr/Cyber/cybernetics/cyber.htm>
17. *Geyer F.* The Challenge of Sociocybernetics: Paper prepared for Symposium VI: «Challenges to Sociological Knowledge», Session 04: «Challenges from Other Disciplines», 13th World Congress of Sociology, Bielefeld, July 18–24, 1994 // <http://www.kiarchive.ru/pub/misc/science/sociocybernetics/WG01/virt-org.txt/>
18. *Glasersfeld E. von.* Growing up Constructivist // Radical Constructivism - A way of Knowing and Learning' [online] // Radical Constructivism. Date of access: May, 20, 2002. <http://www.univie.ac.at/constructivism/def.html>
19. *Glasersfeld E. von.* The Radical Constructivist view of science // Foundations of Science (The official Journal of the Association for Foundations of Science, Language and Cognition), special issue on «The impact of radical constructivism on science» / Ed. by A. Riegler. Wien: Universität Wien, 2001. Vol. 6. № 1/3. http://www.univie.ac.at/constructivism/books/fos/pdf/glasersfeld.pdf
20. *Jantsch E.* The Self-Organizing Universe. Scientific and Human Implications of the Emerging Paradigm of Evolution. N.Y.: Oxford Pergamon Press, 1980.
21. *Luhmann N.* Meaning as Sociology's Basic Concept // Luhmann N. Essays on Self-Reference. N.Y.: Columbia University Press, 1990.
22. *Maturana H.* Autopoiesis // Autopoiesis: A Theory of Living Organization / Ed. By Milan Zeleny. N.Y.: North Holland, 1981.
23. *Riegler A.* Towards a Radical Constructivist Understanding of Science // Foundations of Science (The official Journal of the Association for Foundations of Science, Language and Cognition), special issue on «The impact of radical constructivism on science» / Ed. by A. Riegler. Wien: Universität Wien, 2001. Vol. 6. № 1/3 // <http://www.univie.ac.at/constructivism/books/fos/pdf/riegler.pdf>

24. Sociocybernetics: An Actor Oriented Social Systems Theory / Ed. by F. Geyer, J. van der Zouwen; Social Systems Section. Amsterdam, 1979.
25. *Varela F.* Autonomy and autopoiesis // Self-Organizing Systems: An Interdisciplinary Approach Ed. by G. Roth, H. Schwegler. Frankfurt; N.Y.: Campus Verlag, 1981. (см. <http://www.synergetic.ru/sections/autopoiesis/index.php?article=./articles/autonomy_autopoiesis>)
26. *Varela F.* Principles of Biological Autonomy. N.Y.: Elsevier, 1979.
27. *Varela F., Maturana H.R., Uribe R.* Autopoiesis: the Organization of Living Systems, its Characterization and a Model // Biosystems.1974. Vol. 5.
28. What is Radical Constructivism, and Who are Its Proponents? // <http://www.univie.ac.at/constructivism/about.html>

История программы «Extension» в университете штата Висконсин

Джон Прайсинг*

В 1908 г. президент США Теодор Рузвельт предложил Либерти Хайд Бейли, в то время директору сельскохозяйственного колледжа при Корнельском университете, возглавить комиссию по изучению проблем сельскохозяйственных районов Америки. В приказе о назначении Бейли на эту должность говорилось: «Мы, американцы, добились поистине больших успехов в развитии наших аграрных ресурсов, однако необходимо отметить, что социальные и экономические институты сельской местности не успевают за темпом развития государства в целом» [11, p. 42]. После этой инициативы последовала рекомендация создать по всей стране единую службу Extension.

Вплоть до 1970-х гг. формировалось единое понимание развития сельской территории в рамках программы Extension.

Данная работа демонстрирует двойственную природу эры стратегического планирования, т.е. улучшение местных сообществ путем реализации технического содействия с вовлечением местного населения в этот процесс.

Важной задачей стало объединение Америки с целью определения национальных приоритетов. Это также оказалось возможным благодаря программе Extension. Данная программа была направлена на создание более демократичного общества в сельских районах. Штаты Висконсин и Миннесота обладают богатым опытом использования этих подходов.

Индустриализация Америки носила двойственный характер. Если одним следствием этого явился хаос больших городов, с сопутствующими ему нищетой и страданиями, то другим — те положительные изменения, которые произошли в провинциальной Америке.

Аграрная Америка претерпевала значительные изменения во второй половине XIX в. В 1870 г. население США насчитывало 38,6 млн чел., причем 74%

* Джон Прайсинг (John Preissing) — профессор программы «Extension» университета штата Висконсин, США. Электронная почта: john.preissing@ces.uwex.edu

населения проживало в сельской местности. Через двадцать лет американцев было уже 63 млн. человек. Количество жителей сельских районов снизилось до 65%. А по данным переписи 1920 г. в Америке насчитывалось уже 98 млн. чел., и она стала уже скорее городской, нежели сельской. Вместе с высоким уровнем миграции населения с каждым годом увеличивался разрыв между уровнем жизни городского и сельского населения [10].

Для оценки проблем сельских территорий и для выработки мер по их разрешению президент Т. Рузвельт создал специальную комиссию из семи членов, в состав которой входили ученые-эксперты. Это была типичная для того времени попытка соединить научный инструментарий с процессом вовлечения населения в решение общих задач. В этом Рузвельт положился на опыт экспертов. Однако он осознавал необходимость и значимость вклада в общее дело всех представителей аграрного сообщества Америки. Население сельских территорий с готовностью откликнулось на призыв президента и Комиссии. В течение 6 месяцев Комиссия разослала 500 000 анкет, провела 30 открытых слушаний почти во всех штатах, получила отчеты от районных школ, проводивших акции, направленные на поддержку политики президента. Начав свое исследование в августе 1908 г., Комиссия завершила его уже в январе 1909 г. [5, p. 24].

Согласно материалам комиссии, в аграрной Америке школы и учреждения здравоохранения были значительно беднее городских, инфраструктура не отвечала требованиям и темпам современной жизни, был затруднен доступ к получению кредитов, не было благоприятных условий для развития бизнеса, а промышленная деятельность вела к истощению природных ресурсов [11, p.18–20].

В докладе Комиссии содержались 3 ключевые рекомендации:

1) продолжить научные исследования условий жизни сельского населения;

2) создать единую государственную образовательную службу «Extension»;

3) последовательно развивать сельские территории [11, p. 29–30].

Л.Х. Бейли и другие члены Комиссии признавали важность технического содействия, однако отмечали, что вовлечение местного населения является ключом к улучшению качества жизни сельской территории. Глубокое понимание развития местных сообществ вышло за рамки развития только сельского хозяйства.

Появились и другие исследователи, которые предлагали свои способы решения этих проблем. Одним из них был Симен Нэп [Seaman Knapp], сотрудник государственного департамента сельского хозяйства. Рузвельт предложил Л.Х. Бейли обратить внимание на методы С. Нэпа в решении сложных проблем сельского производства. С. Нэп предлагал использовать метод «расскажи всем о наших успехах»[1]. Он одобрял общественную организационную работу, а так-

[1] Видимо, речь идет о технологии, которая в современной терминологии звучит как «история успеха» (примеч. ред.).

же помогал фермерам объединяться в группы, чтобы добиться более эффективного результата своей деятельности [4].

В 1914 г. президент Вильсон подписал Акт Смита-Левера [9], согласно которому Государственная служба Extension окончательно была сформирована. Согласно данному акту около 75% средств Фонда выделялись на освоение метода, предложенного С. Нэпом, а также на проведение мероприятий в рамках программы Extension [5, p. 26].

Государственная служба Extension. Ранние годы

Основоположниками Идеи штата Висконсин стали президент университета штата Висконсин Чарльз Ван Хайз, председатель Бюро по проведению референдумов штата Чарльз МакКарти и губернатор Роберт Лафоллетт. В основу Идеи вошел девиз Университета штата Висконсин: «Границы территории университета — это граница всего штата» [1, p. 270].

В США деятельность службы Extension началась в 1914 г. принятием Акта Смита-Левера, который действует в штате Висконсин до сих пор. Годом позже в этом штате местные власти приняли Закон о начале действия программы по развитию сельской местности. Но уже в то время президент университета штата Висконсин Чарльз Ван Хайз говорил о способах использования возможностей университета в решении проблем местного населения. Это и программы обучения грамотности взрослых, и развитие искусства, и организация школ для обучения рабочим специальностям, а также организация общественного обсуждения различных вопросов. Помимо программ, разработанных службой для штата (по развитию сельского хозяйства, развитию экономики домохозяйств и т.д.), служба Extension штата Висконсин активно участвовала в программах федерального значения в годы Великой депрессии и Второй мировой войны. Но главная заслуга деятелей службы Extension заключается в том, что они впервые попытались понять сущность сообщества и разработать мероприятия по его улучшению.

Е.Л. Лютер, первый агент службы Extension, помогал местному населению не только решать проблемы сельского хозяйства, но и самого местного сообщества [12, p. 347–348].

Служба Extension тесно связана с государственной программой по выдаче грантов университетам, с единой для них миссией — обеспечить обучение и тренинги групп людей в области практических навыков по развитию местного сообщества. Участники программы полагают, что все результаты исследований и навыки, приобретенные сельским населением, участвовавшим в тренингах, накапливаются у них как бесценный опыт. Данная организация была создана также для облегчения сотрудничества между правительственными структурами федерального уровня и структурами штата и графств. Данная служба помогает также решать местные проблемы путем привлечения местного населения

в этот процесс. Для чего надо их привлекать? Ответ очевиден: для улучшения жизни сообщества.

Как уже отмечалось, Л.Х. Бейли признавал важность гражданского участия в Extension, поэтому уже на ранних этапах развития службы при решении ее агентами местных проблем ставка делалась на население. Например, в штате Висконсин население выступило инициатором улучшения местной инфраструктуры и создания программы образования взрослых.

Служба помогала проводить в жизнь государственную политику расового равноправия.

В 1915 г. колледжу *Prairie View A&M* штата Техас было разрешено вовлекать в программу афроамериканцев [8]. Как известно, колледжи, где обучались только афроамериканцы постоянно испытывали нехватку финансовых ресурсов. Определяющим фактором развития службы Extension в южных штатах явилось наличие в местных сообществах колледжей и университетов, которые выполняли образовательную и культурную функции. Это и стало одной из форм развития сообщества.

Развитие Extension в 1920–1950 гг.

Этот период характеризуется значительным расширением деятельности Extension. Годы Великой депрессии и Вторая мировая война показали, что Extension — единственный способ реализации государственных программ и других его инициатив. Extension участвовала в реализации продуктовой программы и переписи населения, проводимой в то время в сельской местности. Особенно важна была ее роль в реализации программы сохранения земельных ресурсов и электрификации аграрной Америки. Во многих случаях руководство этой деятельностью поручалось сотрудникам службы Extension.

Фактически Extension привлекла к работе все регионы страны. Модель партнерства в рамках Extension предусматривала участие федерального центра, правительства штата через местные университеты и власти графства.

В 1943 г. штат имел уже своего собственного агента, который организовывал людей и учил их защищать и использовать ресурсы сообщества, а также извлекать выгоду из изменений социальной сферы и содействовать развитию экономики. В то время специалисты штата начали нанимать местных социологов, журналистов, экономистов и простых граждан, желающих принять участие в развитии местного сообщества, используя при этом средства, выделяемые штатом.

В середине 1950-х гг. была начата пилотная программа по развитию сельского хозяйства округа. Автор статьи отмечает, что служба Extension в штате Висконсин стала успешно развиваться в результате не только государственных мероприятий, но и потому, что в штате были созданы все условия для этого, и инициатива больше исходила от самого населения. В тот период Северный Висконсин находился в сильном упадке. В программе долгосрочного плани-

рования развития Северного Висконсина службой Extension было отмечено, что с 1930-х гг. по 1959 г. сократилось население и количество фермерских хозяйств, закрылось большинство школ; пустели города и церкви [6, p. 1–19]. Необходимость залатать дыры в сельском хозяйстве, нужда решать повседневные задачи привели к пониманию роли местного сообщества, его ресурсов и важности его развития.

Однако к концу 1950-х гг. служба Extension начинает меняться кардинально, пересматривая свою миссию и претерпевая административные изменения. В прежней модели агенты Extension работали в сотрудничестве со специалистами штата, которые проводили практические исследования и старались учитывать полученные результаты при реализации программ. И в соответствии с этим возникла необходимость в административных изменениях: в оценке и пересмотре всей системы Extension. Было отмечено, что в работе на благо сообщества Extension выполняет задачу катализатора — помогает объединять людей «с разнообразными интересами, отношениями и деятельностью» для общих потребностей, целей и задач. Основным объектом деятельности службы являлось «развитие инициативы у каждого члена сообщества», направленной на самостоятельное решение проблем местного сообщества и повышение его благосостояния. Деятельность государства была направлена на образование граждан. Были пересмотрены основополагающие принципы деятельности службы Extension. Отмечалось, что представления только фактической информации о местном сообществе недостаточно.

Развитие Extension в 1960–1972 гг.

Как и вся страна в целом, программа Extension тоже ощущала на себе события шестидесятых. Массовые протестные движения того времени заставил пересмотреть многое в работе Extension. Менялись методы и принципы планирования развития местных сообществ и регионов. Разработка новых идей вылилась в принятие Акта о развитии сельской местности в 1972 г. Цель данного Акта заключалась в «стимулировании сбалансированного национального развития, обеспечивающего достойные возможности каждому гражданину США работать и пользоваться благами высокого уровня жизни, а также необходимыми знаниями для успешной реализации программ по развитию сельских районов» [7, p. 2]. С помощью этого Акта Государственный департамент по сельскому хозяйству пытался поддержать аграрные районы страны. Акт предписывал службе Extension создавать образовательные программы и распространять их на местах.

Однако при недостаточном субсидировании сложно следовать своей миссии. К примеру, сейчас только 7% средств Фонда Смита-Левера, созданного при Департаменте сельского хозяйства, направляется на развитие аграрных районов. Сегодня большинство тех задач, для решения которых создавались

специальные программы, перенесены в разряд повседневной работы агентов службы. Эти агенты работают на постоянной основе в местных сообществах.

К слову, в 1964 г., приняв Акт о гражданских правах, Конгресс отменил закон об организации Extension в «черных» штатах, так как вопрос разделения на цветных и белых стал неактуальным. Однако реально вихрь 1960-х нивелировал еще одну попытку афроамериканцев добиться для себя лучших условий.

В 1972 г. Положение от 1890 г. было восстановлено. Возращение к прежнему порядку лоббировалось университетами и другими его сторонниками. Было отмечено, что наличие на территории одного штата двух служб Extension (для черных и белых) ведет лишь к дублированию деятельности. В 1990 г., Майрон Джонсруд, директор государственного департамента сельского хозяйства США, постановил, что при необходимости совместной работы двух служб будет создаваться единый план сотрудничества [2, p. 3].

На сегодняшний день количество программ Extension по развитию местного сообщества и аграрных районов ограничено, но не везде. Многие штаты, например Висконсин, самостоятельно в рамках службы Extension разрабатывают свои программы по развитию ресурсов местных сообществ.

Почему история и развитие службы Extension в штате Висконсин так отличается от остальных? Существует много причин тому, что сегодня в штате Висконсин на постоянно действующей основе работает служба Extension. Одна из основных — ключевая роль аграрного сектора. Местная служба Extension основывается на принципе Л.Х. Бейли, а именно активно вовлекает население в развитие местного сообщества.

Увеличение программ по развитию ресурсов местного сообщества в штате Висконсин отражало потребности штата, что дало толчок развитию подобных программ в масштабах всей страны. К концу века уже каждый округ штата имел своего собственного агента по развитию.

Исследователи считали, что образование не должно быть жестко формализованной услугой. Некоторые прогрессивные деятели отмечали необходимость создания равной, доступной системы образования, чтобы она могла научить жителей сообщества выражать свои интересы, как это делают граждане республики. Эта полемика отразилась в последующем реформировании самой службы. По мере того как возрастала сила аграриев и вспомогательных отраслей сельского хозяйства уменьшались надежды на их более тесное включение в службу Extension. Сегодня персонал программы Extension уделяет большее внимание проблемам сельской местности и местному населению, хотя в некоторой степени функции службы расширились, действует несколько основных программ: «Развитие экономических ресурсов сообщества», «Развитие семей»; «Развитие лидерства»; «Природные ресурсы и управление экологией» и т.д.

В 1997 г. бюджет службы Extension составлял 1,5 млрд дол., из которых 24% — это государственные средства, 49% — средства штатов, 21% — окру-

гов и 6% из внебюджетных источников. В 1999 г. численность персонала службы достигло 15 000 чел. [3, p. 65].

Понять историю развития службы Extension — значит понять причины перемен в сегодняшней аграрной Америке. Как сказал президент Т. Рузвельт в 1908 г., «сельское хозяйство — это еще не вся жизнь села. Мы можем идти большими шагами к улучшению жизни села и местного населения, благодаря образовательным программам Extension. И они не должны сокращаться» [11, p. 42]. Позже президент В. Вильсон отметил: «Главная цель — обеспечение стабильности активного и «удовлетворенного» населения сельских округов» [5, p. 30]. Многое еще необходимо сделать в аграрной Америке, но только при активном участии «удовлетворенного» населения.

Библиографический список

1. *Apps J.* The People Came First: A History of Wisconsin Cooperative Extension. Madison, WI: ESP Foundation, 2002.
2. *Hughes L.R.* The future of the 1890's // Journal of Extension. 1990. Vol. 28. № 4. (См.: www.joe.org/1990winter/fut1.html)
3. *McDowell G.* Land Grant Universities and Extension in the 21st Century: Renegotiating or Abandoning the Social Contract. Ames, IA: Iowa State University Press, 2001.
4. Convergence: The Development of Agriculture and Extension Education in North Carolina / College of Agriculture and Life Sciences / www.cals.ncsu.edu/agexed/aee501/show10.
5. *Peters S.* Cooperative extension and the democratic promise of the land grant idea. Minneapolis, MN: Hubert H. Humphrey Institute of Public Affairs and Minnesota Extension Service, 1996.
6. Planning for a Long Range Extension Program in Northern Wisconsin / College of Agriculture. Madison, WI: University of Wisconsin Extension Service, 1959.
7. Rural Development Act // www.reeusda.gov/1700/legis/ruraldev
8. Second Morrill Act // www.reeusda.gov/1700/legis/morrill2
9. Smith-Lever Act // www.reeusda.gov/1700/legis/s-l.htm
10. United States Census Bureau. Urban and rural populations // http://www.census.gov/population/censusdata/table-4.pdf.
11. United States Commission on Country Life. Report of the Commission on Country Life. N.Y.: Sturgis and Walton, 1911.
12. *White G.W.* Cooperative Extension in Wisconsin: 1962–1982. Dubuque, IA: Kendall/Hunt, 1982.

Пер. с англ. В.В. Гассий

История разработки проблемы познания людьми друг друга в СССР – России

А.А. Бодалев*

В условиях бытия современной России, когда ей необходимо выводить на передовые рубежи промышленность и сельское хозяйство, качественно улучшать оборону, модернизировать образование и здравоохранение, развертывать бескомпромиссную борьбу с утвердившимися в нашем обществе наиболее обедненными в моральном и эстетическом отношении течениями масскультуры, преодолеть разгул преступности и, главное, помочь малоимущим, перед отечественной психологией очень определенно формулируются теоретически и практически важные задачи, а именно: открываемые ею закономерности и механизмы развития человека как нравственно здоровой личности и творчески деятельного субъекта должны активно способствовать гражданскому воспитанию наших соотечественников.

Продуктивное решение названной задачи обязательно предполагает многонаправленное и многоуровневое постижение как феноменологии, так и сущности того вида межличностного взаимодействия людей, каким является их общение. Обязательным компонентом его всегда и постоянно выступает гностический компонент, который есть не что иное, как познание людьми друг друга в процессе совместной жизни и совместной деятельности.

Очевидно, что межличностное познание, обслуживающее взаимодействие людей, обладая всеми свойствами на уровне общего, т.е. теми, которые присущи вообще их познанию действительности, имеет и свои особенные характеристики.

На уровне отражения человеком предметного мира его познанию, как известно, присущи предметность, константность, целостность, обобщенность, структурность. Эти же свойства дают о себе знать, когда один человек в актах познания отражает сущность другого человека. Но взаимодействие человека с человеком, в отличие от взаимодействия его с неодушевленным предметом

* Бодалев Алексей Александрович – академик РАО, профессор, доктор психологических наук.

или с живым существом, лишенным сознания и самосознания, имеет субъектно-субъектный характер. И это является с научной точки зрения существенно значимым основанием для выделения межличностного познания в относительно самостоятельную область исследования. Именно поэтому в мировой и отечественной науке разработка психологии познания людьми друг друга постепенно отпочковалась от других направлений изучения психики и охватила очень широкий круг вопросов, связанных с названной проблемой.

В психологической науке России первыми обратили внимание на важность освещения названной проблемы еще в начале XX в. В.М. Бехтерев, А.П. Нечаев и особенно И.А. Сикорский, опубликовавший в 1901 г. большой труд «Всеобщая психология с физиогномикой», в котором он изложил свое понимание путей психологического изучения межличностного познания.

Однако кардинальный шаг в определении стратегии и тактики исследования главных аспектов познания людьми друг друга в разных ситуациях их взаимодействия был совершен в начале 1960-х гг. благодаря Б.Г. Ананьеву, по инициативе которого в Санкт-Петербургском университете была создана руководимая А.А. Бодалевым научная группа для разработки указанной проблемы. Эта группа поставила перед собой задачу преодолеть глобальность подхода к изучению межличностного познания, типичного для западной психологии, когда бытующее в ней понятие «социальная перцепция» недифференцированно вбирает в себя все психологические процессы, актуализирующиеся в акте познания одним человеком другого человека. Было решено в перспективе исследовать проявления и роль ощущений, восприятия, памяти с ее представлениями, воображения, мышления, а также эмоциональный и волевой компонент психики субъекта в целостном отражении им другого человека.

Первые результаты, полученные сотрудниками этой группы (Б.А. Еремеев, В.Ц. Куницына, В.А. Лабунская, В.Н. Панферов, З.Ф. Семенова, В.В. Унгул, Н.Ф. Федотова), обобщенные в докторской диссертации и монографиях А.А. Бодалева [2; 3], высоко оцененные участниками Международного психологического конгресса, который проходил в Москве в 1968 г. [22], инициировали год от года увеличивающийся поток исследований все новых сторон сложнейшего процесса межличностного познания учеными, представлявшими различные научные центры в СССР.

Рассмотрение содержания работ, относящихся к психологии познания людьми друг друга и выполненных отечественными психологами в течение сорока последних лет, позволяет четко увидеть определенные тенденции, характеризующие развитие этого оригинального направления в отечественной психологической науке.

Первая из этих тенденций заключается в том, что постепенно все более расширяются знания о феноменологии, закономерностях и механизмах, которые, выражая смысл психологии познания людьми друг друга, оказываются объектом внимания исследователей. На первом этапе целенаправленной работы в

этой области психологи преимущественно изучали особенности восприятия человека человеком и формирование понятия о личности этого человека у тех людей, которые с ним взаимодействуют. Таким образом, были прослежены в сравнении особенности восприятия людьми человеческого лица и просто предмета (А.М. Зимичев, В.Н. Панферов), раскрыты изменения, происходящие в восприятии и понимании другого человека на протяжении дошкольного возраста (Р.А. Максимова, В.Н. Панферов, И.А. Шихина), у младших школьников и подростков (Г.Ф. Гусева, В.Н. Куницына [14], М.П. Тихонова, Г.Г. Финникова), в старшем школьном возрасте (А.А. Бодалев, С.В. Кондратьева [12], А.А. Русалинова) и возрасте от 18 до 25 лет (А.А. Бодалев, В.Н. Панферов и др.).

К этому же времени относятся первые успешные попытки раскрыть влияние приобретенной человеком профессии на восприятие им других лю дей и на формирующиеся понятия об их личности (А.С. Егоров, А.М. Зимичев, О.С. Зубрисская, В.М. Раздобудько, Н.Ф. Федотова).

Были выяснены психологические условия, облегчающие или, наоборот, замедляющие складывание у человека эталонов и стереотипов (возрастных и профессиональных), которые воздействуют на восприятие им внешнего облика других людей и на социально-психологическую интерпретацию этого облика (А.А. Бодалев, В.Н. Куницына, В.Н. Лозовцева, В.Н. Панферов, В.М. Сенченко и др.).

В 1975 г. в Краснодаре состоялась первая Всесоюзная конференция по проблемам психологии познания людьми друг друга [31]. Она подвела итоги работы в этой области и наметила направления ее дальнейшего научного освещения; систематическому психологическому изучению были подвергнуты, помимо восприятия и понимания, представления памяти и образы воображения, а также в широком объеме мышление, когда объектом у человека оказывались другие люди (Т.П. Гаврилова, В.Л. Дранков, Б.А. Еремеев, А.М. Зинин, Л.Н. Иванская, Ю.Н. Карандышев, Я.Л. Коломинский, Н.В. Крогиус, М.И. Лисина, Н.В. Ревенко, В.А. Ташлыков, С.П. Шульц и др.).

Реализуя положение В.Н. Мясищева, призывающее исследователей не только раскрывать специфику психического отражения людьми друг друга, но и прослеживать зависимости, связывающие особенности того отражения с их отношениями, а также с поведением (или, как говорил В.Н. Мясищев, с их обращением друг с другом), психологи в те годы выполнили ряд интересных исследований, раскрывающих характер этих зависимостей. Большой цикл работ освещал психологические механизмы выразительного поведения человека и его прочтения окружающими людьми (Е.Ф. Бажин, Я. Вальсинер, В.Н. Куницына, В.А. Лабунская, М.А. Мазманян, Х. Миккин, К.Д. Шафранская, П.М. Якобсон и др.). Причем в части исследований этого ряда упор был сделан на изучение особенностей прочтения вербального поведения человека по сравнению с невербальным, когда необходимо было оценивать его личность (С.С. Галагудзе,

Н.П. Ерастов, А.А. Леонтьев, В.Х. Манеров, Х. Миккин, А.К. Нилченко и др.). Были выполнены также научно-исследовательские работы, которые выясняли характер влияния на восприятие человеком других людей чувств, испытываемых им по отношению к этим людям (В.И. Зацепин, В.Н. Князев, Я.Л. Коломинский, В.Б. Ольшанский, Л.А. Петровская, Л.И. Мнацаканян, А.А. Рояк, А.Г. Рузская, А.А. Русалинова, Л.Б. Филонов, В.Ф. Шендрик и др.).

Наконец, в эти же годы были начаты весьма перспективные исследования, которые последовательно и в определенной системе прослеживали обусловленность различных характеристик познания человека человеком как более простыми, так и более сложными образованиями в его личностном складе — потребностями, интересами, ценностными ориентациями, общими и специальными способностями, чертами характера (А.А. Горбатков, М.Д. Дворяшина, Б.А. Еремеев, Н.В. Кузьмина, В.А. Лабунская, Н.И. Лысенко, В.С. Магун, Ю.Е. Рыжкин, Л.Г. Сагатовская, Н.И. Сарджевеладзе, В.Ф. Сафин, В.С. Собкин, В.В. Столин и др.).

В течение следующего временного отрезка, который завершила конференция, состоявшаяся в Краснодаре в 1979 г. [4], наиболее существенным дополнением к проблематике исследований психологии познания людьми друг друга, определившейся на предыдущих этапах, стало ее расширение. Оно происходило за счет работ, прояснявших характер особенностей восприятия людьми друг друга, формирующихся у них друг о друге представлений памяти, образов воображения, а также изменений, в них происходящих в зависимости от специфики деятельности, которая объединяет людей и «программирует» для каждого их них определенные роли (Г.М. Андреева, А.А. Бодалев, Р.Б. Гительмахер, Г.Д. Долинский, Л.Д. Ершова, С.В. Кондратьева, О.Г. Кукосян, К.Д. Панасенко, Е.Э. Смирнова, Ю.П. Степкин, В.В. Унгул, Ю.Л. Ханин, А.И. Щербаков и др.).

Столь же интенсивные исследования на протяжении рассматриваемого временного периода были нацелены и на выявление значения различных характеристик общности (коллектива, малой группы), членом которой является человек, для формирования у него мнения о людях, отношения к ним, поведения во время официальных и неофициальных встреч с ними (Г.М. Андреева, Г.М. Зотова, А.А. Кроник, Н.Н. Обозов, А.В. Петровский, Л.И. Уманский, А.У. Хараш, А.С. Чернышев и др.).

Логичным продолжением этого направления изучения психологии познания людьми друг друга были работы, в которых прослеживалось влияние положения человека в коллективе на оценивание им других людей (И.П. Крикунов, Р.Л. Кричевский, Е.С. Кузьмин, А.С. Морозов, И.С. Полонский, Н.Ф. Федотова и др.). При этом в одних работах названная зависимость ряда характеристик восприятия людей, представлений памяти о них, понимания их личности от положения познающего их человека в неофициальной структуре коллектива устанавливалась в условиях производства (В.Н. Куликов, М.А. Новиков, Ю.П. Платонов, А.А. Русалинова, М.В. Смирнов, Ю.П. Степкин, Н.Ю. Хрящева

и др.), в других — в условиях коллектива учебно-воспитательного учреждения (Е.М. Крутова, Н.И. Крылов, В.Е. Кузьмина, О.П. Метелкина, А.В. Мудрик, А.П. Оконешникова, Е.И. Тимащук, Н.Б. Шкопоров и др.), в третьих — в условиях семьи (И.В. Дубровина, А.И. Захаров, Т.М. Мишина, Т.М. Трапезникова, К.Т. Тулегенов и др.).

Большой резонанс и не только в психологических кругах получили работы, специально нацеленные на выявление и, главное, на сознательное формирование у человека (руководителя производственного коллектива, педагога, врача) характеристик, делающих его знатоком других людей (А.С. Золотнякова, В.А. Кан-Калик, Г.А. Ковалев, С.В. Кондратьева, Л.А. Петровская и др.).

С тенденцией непрерывного возрастания интереса ко все новым феноменам, закономерностям и механизмам познания людьми друг друга, теснейшим образом связана и другая, не менее четко просматриваемая тенденция. Она выражается в том, что с 1963 г. непрерывно наблюдается экспансия исследований по психологии познания людьми друг друга во все новые области психологической науки. В начале исследования по психологии познания людьми друг друга по решаемым в них задачам, по применяемому методическому инструментарию, а также по полученным результатам чаще всего были социально-психологическими. Позже все большее число работ по проблематике психологии познания человеком других людей от начала до конца выполнялось в общепсихологическом ключе и аспектах, которые типичны для психофизиологии, возрастной и педагогической психологии, психологии труда, спорта, юридической и медицинской психологии, психологии управления, дифференциальной психологии, психологии искусства.

С позиций общей психологии по нарастающей стало разворачиваться изучение роли образов и понятий о людях в регуляции поведения человека, который с этими людьми взаимодействует (В.В. Знаков, Г.А. Ковалев, А.М. Матюшкин, В.В. Столин, А.У. Хараш, Н.Б. Шкопоров и др.), рассматриваться как в целом, так и в частностях динамика всей познавательной деятельности человека, когда объектом ее оказывается другой человек, и все глубже прослеживаться отличия в познании человека человеком от познания им просто предмета, а также в связях друг с другом исследоваться факторы, которые это отличие обусловливают (Г.М. Андреева, А.А. Бодалев, Г.В. Дьяконов, М.В. Коваль, Я.Л. Коломинский и др.).

В дифференциальной психологии были предприняты плодотворные попытки проследить влияние типологических характеристик личности на некоторые параметры оценки других людей (А.И. Ильина, М.Г. Субханкулов и др.) и осуществлено выделение индивидуально-типических вариантов психического отражения мимики и пантомимики и их личностной интерпретации (А.С. Кондратьева, В.А. Лабунская [17], А.И. Мокеева, И.М. Подберезин, А.Г. Шмелев и др.).

В возрастной и педагогической психологии исследование специфики познания человеком других людей на разных возрастных этапах постепенно охватило все ступени жизни человека (Г.В. Дьяконов, М.И. Лисина, Е.В. Рощина, А.П. Сопиков, А.А. Чекалина, Н. Д. Ярославцева и др.).

Все больше стало проводиться работ, освещающих особенности межличностного познания в условиях учения в зависимости от квалификации педагога, характера преподаваемых им учебных дисциплин, присущих ему ценностных ориентаций (Е.С. Махлах, С.К. Морозов, С.В. Кондратьева, Л.Н. Кулешова, Г.М. Понарядова, З.Ф. Семенова и др.). Столь же целенаправленно в педагогической психологии начали изучаться познавательные процессы учащихся (школьников, студентов), когда объектом их оказывается педагог (Н.М. Богомолова, С.И. Воронкина, Ж. Лендъел, В.И. Максакова, О.Г. Кукосян [13] и др.).

В психофизиологии разработка проблем познания людьми друг друга шла преимущественно за счет изучения механизмов «познавательной» и «эмоциональной» эмпатии, создания и проверки методик определения степени субъективной значимости для человека лица, которое он познает, замера эмоциональных состояний людей в различных ситуациях взаимодействия, сопровождающегося межличностным восприятием (Т.П. Гаврилова, Ю.Ф. Змановский, Н.Н. Обозов, В.С. Овчинников, Н.Б. Шкопоров и др.).

В психологии труда было развернуто изучение особенностей познания друг друга лицами, занятыми операторской деятельностью, и прослежено влияние результатов этого познания на совместное решение ими разных классов задач (С.М. Михеева, Ю.М. Забродин, В.Н. Носуленко, В.Н. Панферов и др.). Одновременно был проведен большой цикл исследований, выясняющих сходство и различие в формировании образов друг друга и понятий о личности у людей, занимающих как одинаковое, так и различное положение. Данные феномены изучались на следующем материале: в должностной структуре на производственных предприятиях, в проектных институтах, на транспорте, рассматривалась роль этих образов и понятий в складывании стиля поведения людей по отношению друг к другу (И.П. Волков, Р.Б. Гительмахер, А.А. Горюшкин, Ю.Н. Емельянов, А.А. Ершов, Р.Л. Кричевский, А.С. Морозов, Р.С. Немов, М.А. Новиков, С.С. Паповян, А.А. Русалинова, Ю.П. Степкин и др.).

Были начаты также имеющие большое практическое значение исследования взаимосвязей «отражения, отношения и обращения» у лиц, взаимодействующих друг с другом в сфере обслуживания — в торговле, общественном питании (А.В. Донская, Э.Э. Линчевский).

В связи с необходимостью теоретического и экспериментально-методического решения проблем управления ряд разработок по различным проблемам психологии познания людьми друг друга был осуществлен и в этой новой области психологической науки (А.Л. Журавлев, А.И. Китов, Н.В. Ревенко, А.Л. Свенцицкий и др.).

Развернулись исследования закономерностей психического отражения спортсменами друг друга в условиях предсоревновательной и соревновательной деятельности. Изучено влияние результатов этого отражения на их поведение в данной деятельности, особое внимание было уделено выяснению специфики отражения друг друга спортсменами, различающимися по уровню мастерства, виду спорта, по неофициальному положению в команде (П.А. Жаров, О.С. Зубрисская, Р.Л. Кричевский, В.В. Унгул, Ю.Л. Ханин и др.).

В области медицинской психологии была выполнена серия исследований с целью установления особенностей восприятия и понимания разными категориями больных своих врачей, а также отношений, которые у них с этими врачами устанавливаются (В.А. Ташлыков, Н.Д. Творогова, И.В. Ханина и др.).

Начаты также работы, освещающие особенности профессионального познания врачом больных, связанные с его узкой специальностью, стажем работы и индивидуально-личностными чертами (К.Д. Панасенко).

Значительный круг исследований познания людьми друг друга осуществлен и с позиций юридической психологии. Работы этого направления были нацелены на выяснение особенностей познания других людей лицами с отклоняющимся от социальной нормы поведением, раскрытие содержания их оценочных эталонов и имеющихся у них классификаций типов личности (М.А. Алемаскин, В.В. Бойко, Б.С. Братусь, И.Ф. Мягков, В.В. Столин, А.Н. Сухов и др.). Особое внимание исследователи уделили разработке методики проникновения в существо личности правонарушителя путем специальной организации общения с ним (Л.Б. Филонов).

В психологии искусства проведено изучение особенностей восприятия и понимания портретного изображения человека различными возрастными и профессиональными группами людей (В.Т. Афиногенов, С.С. Дашкова, Т.Б. Королькова и др.). Исследовались также социально-перцептивные способности актеров, определялись пути их успешного формирования (А.Л. Гройсман, О.Я. Ермолаева, Л.Н. Иванская, А.Н. Капустина, М.О. Кнебель, В.С. Собкин и др.). Выяснялась специфика познавания других людей работниками искусства в сравнении с познаванием их представителями других областей труда – инженерами, учеными и др. (Л.Н. Иванская, В.Е. Семенов, С.П. Шульц и др.).

В последние 15 лет XX в. в связи с усиливающейся ролью телевидения в информационном воздействии на сознание и самосознание различных слоев населения страны, на изменение социальных предпочтений граждан, на формирование их основных ценностных ориентации целенаправленно стали выполняться исследования, раскрывающие характер психологических контактов. Изучались контакты между телекоммуникаторами, представляющими различные жанры, и телезрителями, дифференцируемыми по социальному положению, уровню образования, профессии, возрасту, полу и ряду других параметров (Н.Н. Богомолова, А.Н. Гусева, В.Г. Зазыкин, Е.Е. Караванова, Л.В. Матвеева, О.Т. Мельникова, Е.Е. Пронина, П.Е. Строганов и др.).

В это время ввиду возросшей актуальности проблемы взаимодействия людей, представляющих различные этнические общности, в ряде научных центров страны были начаты и продолжены до настоящего времени работы, освещающие феноменологию, закономерности и механизмы межличностного познания людей, относящихся к различным этническим группам и воспитанных на несходных национальных обычаях и традициях (Т.А. Акопян, Д. Дэлгэрма, З.Н. Лукьянова, М.В. Мольденгауер, А.П. Оконешникова, Т.Г. Стефаненко и др.).

Поскольку на рубеже двух веков в обстановке глубоких изменений, произошедших в нашей стране и затронувших все главные стороны ее жизни, на первый план наряду с другими вышли проблемы совершенствования управления, авторитета руководителей различного ранга, критериев эффективности их деятельности, психологами более целенаправленно и более активно и продуктивно стала решаться проблема социально-перцептивной компетентности госслужащих и апробироваться способы повышения ее уровня у различных групп работников, представляющих эту профессиональную общность (Н.В. Васина, И.Э. Вегерчук, В.А. Гордиенко, Т.А. Жаворонкова, В.Г. Зазыкин, Н.В. Накошная, Р.Л. Кричевский, И.В. Кулькова, Ю.В. Синягин, Е.А. Яблокова и др.).

Логически точно сопрягающимся с этим направлением изучения особенностей межличностного познания выступило теоретически хорошо обоснованное и методически строго проведенное прослеживание и объяснение факторов, которые, действуя во взаимосвязях друг с другом, обеспечивают создание определенного имиджа у государственного деятеля, политика, предпринимателя, ученого, представителя иных сфер деятельности (О.В. Баранова, В.Т. Ганжин, В.Г. Зазыкин, Н.Л. Карпова, А.Ф. Копьев, Л.Г. Лаптев, А.Ю. Панасюк, Е.А. Петрова, Л.Ч. Филонов, В.М. Шепель и др.).

Названное направление научно-практических разработок в области познания людьми друг друга, адресно откликаясь на демократические преобразования, идущие в России, оказалось в сильной степени востребованным действующими в стране общественно-политическими силами. Реально значимым ответом психологов на эту социальную потребность стали создание Международной академии имиджелогии (президент Е.А. Петрова) и проведение в ней Международного симпозиума. Участники симпозиума, с одной стороны, всесторонне и многоуров-нево рассмотрели и оценили весь массив данных, имеющих как теоретическое, так и прикладное значение, полученных специалистами в области имиджелогии в последние годы, и, с другой стороны, сформулировали проблемы, являющиеся первоочередными и потому требующие сосредоточения на них внимания исследователей.

Меняющееся общество диктует необходимость изменения сложившихся отношений в социальной сфере, в частности, актуальными и востребованными стали исследования гендерной проблематики. По нарастающей пошел поток исследований гендерных различий, обнаруживающихся в межлич-

ностном познании. Это направление изучения названного феномена, начатое В.Н. Куницыной, было продолжено и обогащено полученными фактами Е.П. Ильиным, В.М. Поголына, А.А. Чекалиной и др. Полученные крайне важные и практически значимые данные о полоролевых феноменах процесса общения открывают дорогу исследованиям влияния гендера как показателя индивидуального, личностного и социального уровня развития человека на презентацию себя в общении, на перцептивные процессы общающихся, на стили и стратегии их взаимодействия, особенности влияния друг на друга и на других людей, на средства или уровни коммуникации и многое другое.

Далее, в процессе осуществления изучения всех аспектов и в статике, и в динамике многосложного процесса рассматриваемого вида познания все более отчетливо выступала зависимость его характеристик от особенностей восприятия и понимания самого себя субъектом, у которого формируется мнение о других людях в разных ситуациях взаимодействия с ними. Поэтому работы, посвященные феноменологии и закономерностям развития знания самого себя и отношения его к себе, начатый сравнительно давно исследованиями В.И. Кабрина [9], Н.А. Логиновой, З.Н. Лукьяновой, Г.Я. Розена, В.Ф. Сафина, К.Д. Шафранской и другими, был в последние годы продолжен и капитально обогащен. Разработки, носящие теоретико-экспериментальный характер, осуществили Т.А. Аржакаева, Л.В. Бороздина, Р.Э. Варданян, А.М. Колышко, С.В. Кондратьева, Т.И. Пашукова, Е.А. Петрова, И.И. Петрова, В.М. Поголыпа, З.И. Рябикина, И.Н. Семенов, А.В. Суворов, Т.С. Яценко и др.

Наконец, в связи с возникновением в России в последнее десятилетие для значительного числа ее граждан стрессогенных ситуаций, явившихся результатом трудно идущего реформирования основных сфер жизни страны, резко возрос спрос на медицинских психологов, психотерапевтов, разнопрофильных специалистов по психореабилитации, психопрофилактике, психологическому консультированию. Одним из направлений теоретических и экспериментальных исследований, помогающих практикам совершенствовать инструментарий, необходимый для избавления людей от нервно-психических расстройств, явилось многостороннее и многоуровневое изучение особенностей познавательных процессов в межличностном общении (Н,С. Бурлакова, В.Е. Василюк, Ж.М. Глозман, С.Н. Ениколопов, Н.Л. Карпова, Т.В. Клочкова, Ю.Ю. Лотоцкая, Е.Е. Пронина, Е.Т. Соколова, А.С. Спиваковская, В.А. Токарева и др.).

Итак, можно с полной уверенностью утверждать, что за сорок лет изучения феноменологии, закономерностей и механизмов межличностного познания в психологических центрах сначала СССР, а теперь России сформировались оригинальные научные направления. Они по существу выступают сейчас как относительно самостоятельные научные школы, имеющие в каждом случае свою органичную для каждой школы тематику, последовательно раскрываемую как в теоретических, так и в экспериментально-прикладных исследованиях.

Так, в Москве плодотворно развиваются школы Г.М. Андреевой и Е.А. Петровой. Руководимый Г.М. Андреевой коллектив сотрудников не центрирует свое внимание только на выявлении общего, особенного и единичного в познании людьми друг друга, а осуществляет во всех модификациях психологическое изучение социального познания.

Курируемые Е.А. Петровой работы по проблеме межличностного познания последовательно и эффективно используют семиотический подход и, действуя как первопроходцы, очень своевременно высвечивают для своих коллег из других научных центров характер вклада, который не только могут, но и должны сделать отечественные психологи в развитие имиджелогии.

Есть свое направление в освоении проблемы познания человека человеком и в научной школе, сложившейся в Санкт-Петербургском университете, развитие которого уже давно инициируется В.М. Куницыной. Она вместе со своими единомышленниками, отталкиваясь от наработок Б.Г. Ананьева и его учеников о взаимосвязях общего и специального интеллектов человека и личностного и субъектно-деятельностного развития последнего, стремится выявить взаимозависимости характеристик интеллекта, когда он работает у конкретных его владельцев на психологическую расшифровку других людей, и личностными, и субъективными особенностями этих «владельцев».

В теоретическом отношении масштабно, а в практическом высокопродуктивно освещает ранее неведомые психологической науке феномены межличностного познания и определяющие их факторы содружество ученых, выпестованное в университете Ростова-на-Дону В.А. Лабунской. Доминантная проблема, с которой в течение тридцати с лишним лет теснейшим образом сопрягаются все другие исследования, проводимые как самой В.А. Лабунской, так и ее учениками, — экспрессия человека, ее биологическая и социальная обусловленность, общее, особенное и единичное в ней у лиц, представляющих разные общности, и ее «прочтение» партнерами по взаимодействию с этими людьми.

Мысленно выделяя ведущие направления исследования межличностного познания в российских научных центрах, было бы совершенно неоправданным не назвать еще одну психологическую школу, рождение которой произошло более 30 лет тому назад в СССР, а теперь оказавшуюся в ближнем по отношению к России зарубежье – в Белоруссии. Это группирующиеся вокруг С.В. Кондратьевой психологи в Гродно, целенаправленно и очень успешно решающие задачу по ликвидации «белых пятен» в области познания людьми друг друга в ситуациях, связанных с обучением и воспитанием.

Прослеживая основные направления исследований проблемы межличностного познания и привязывая научную разработку каждого из них к конкретному центру и функционирующим в нем сотрудникам, следует подчеркнуть, что, несмотря на отмеченную дифференциацию, у всех отечественных психологов при раскрытии феноменологии, закономерностей и механизмов познания одним человеком другого человека есть и общее, объединяющее их в подходе к

названной проблеме. И это общее заключается в том, что все они исследуют особенности познания людьми друг друга в контексте деятельности, которой заняты последние и которые, осуществляя эту деятельность, вступают в общение друг с другом или напрямую, или с помощью технических устройств.

Правда, сопрягая межличностное познание с деятельностью и общением, ученые в одних случаях решают интересующие их задачи, действуя на стыке общей или социальной психологии и философии или социологии, в других – выполняют их преимущественно в ключе социальной психологии, в третьих – возрастной и педагогической, в четвертых — на пересечении социальной психологии и психологии труда, в пятых — делают акцент при решении исследовательской задачи на применении психосемантики и семиотики и т.д.

При этом необходимо особо подчеркнуть, что как и до кардинальных изменений, которые произошли в нашей стране в течение последних пятнадцати лет, включая и резкое сокращение поддержки развития науки со стороны федеральной и региональной власти, сложившиеся еще в СССР коллективы ученых, в начале нацеленные на изучение межличностного познания, а затем на влияние места и роли его в осуществляемых людьми во взаимодействии друг с другом самых разных видов деятельности, когда это познание оказывается совершенно обязательным компонентом общения участников деятельности и одним из условий регуляции, продолжали проводить новаторские по своему замыслу циклы исследований, результаты которых они обобщили в опубликованных в это тяжелое для России пятнадцатилетие трудах или проинтегрированные в защищенных в этот временной промежуток докторских диссертациях [1; 5–8; 10; 11; 15; 16; 18–21; 23–28; 29; 30].

Анализ этих работ свидетельствует о том, что их авторы, исследуя с разных сторон и на разных уровнях сложнейший психологический феномен межличностного познания, не перестают раскрывать в нем все новые характеристики и одновременно находят пути оптимизации процесса познания человеком других людей, учитывая возраст, пол, этническую принадлежность, профессию, индивидуальное своеобразие познающего субъекта. Результатом такой оптимизации оказывается возрастание объективности результатов познания, увеличение его полноты и точности в самых разных ситуациях взаимодействия при обязательном наличии гуманистического фона в этом взаимодействии.

Библиографический список

1. *Андреева Г.М.* Психология социального познания. М.: Аспект-Пресс, 2000.
2. *Бодалев А.А.* Восприятие человека человеком. Л.: ЛГУ, 1965.
3. *Бодалев А.А.* Формирование понятия о человеке как личности. Л.: ЛГУ, 1971.
4. Вопросы психологии познания людьми друг друга (в семье, школе, производственных коллективах) / Отв. ред. А.А. Бодалев, О.Г. Кукосян. Краснодар: КубГУ, 1979.
5. *Гительмахер Р.Б.* Социально-перцептивные процессы в управлении. Дис. … д-ра психол. наук. СПб., 1992.

6. *Доценко Е.Л.* Межличностное общение: семантика и механизмы. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 1998.
7. *Еремеев Б.А.* Психометрика мнений о людях. Дис. … д-ра психол. наук. СПб., 2003.
8. *Знаков В.В.* Понимание в познании и общении. М.: ИПРАН, 1994.
9. *Кабрин В.И.* Транскоммуникация и личностное развитие. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1992.
10. *Карпова Н.Л.* Основы личностно-направленной логопсихотерапии. М.: Моск. психол.-соц. ин-т; Флинта, 1997.
11. *Ковалев Г.А.* Психологическое воздействие: теория, методология, практика. Дис. … д-ра. психол. наук. М., 1991.
12. *Кондратьева С.В.* Межличностное понимание и его роль в общении. Л.: ЛГУ, 1976.
13. *Кукосян О.Г.* Профессия и познание людей / Под ред. А.А. Бодалева. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. Ун-та, 1981.
14. *Куницына В.Н.* Восприятие подростками других людей. Л.: ЛГУ, 1972.
15. *Куницына В.Н.* Трудности межличностного общения. Дис. … д-ра психол. наук / СпбГУ, СПб., 1991.
16. *Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М.* Межличностное общение. СПб.: Питер, 2001.
17. *Лабунская В.А.* Невербальное поведение. Социально-перцептивный подход. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. Ун-та, 1986.
18. *Лабунская В.А.* Экспрессия человека: общение и межличностное познание. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. Ун-та, 1999.
19. *Манеров В.Х.* Психодиагностика личности по голосу и речи. СПб.: Изд-во РГПУ, 1997.
20. *Манеров В.Х.* Экспериментально-теоретические основы социальной идентификации и интерпретации говорящего: Дис. … д-ра психол. наук. СПб., 1993.
21. *Матвеева Л.В.* Общение в сфере телевидения: Дис. … д-ра психол. наук / МГУ. М., 2000.
22. Материалы XVIII Международного психологического конгресса. М., 1966.
23. *Оконешникова А.П.* Межэтническое восприятие и понимание людьми друг друга / Якут. гос. ун-т. Пермь, 1999.
24. *Парыгин Б.Д.* Социальная психология. СПб.: СПбГУП, 2003.
25. *Пашукова Т.И.* Эгоцентризм: основные психологические характеристики, закономерности и механизмы формирования и коррекции. Дис. … д-ра психол. наук. М., 2002.
26. *Петрова Е.А.* Визуальная психосемиотика общения: Дис. … д-ра психол. наук. М., 2000.
27. *Петровская Л.А.* Компетентность в общении: социально-психологический тренинг. М.: МГУ, 1989.
28. *Романов К.М.* Психология межличностного познания. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1993.
29. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М.: ИПРАН, 1999.
30. *Сухов А.Н.* Психология криминогенного общения в среде осужденных. Дис. … д-ра психол. наук. СПб., 1991.
31. Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга / Отв. ред. А.А. Бодалев. Краснодар: КубГУ, 1975.

Парадоксальность как конституирующее качество профессионального бытия психолога

Г.Ю.Фоменко*

Начнем статью со слов Лидии Гинзбург-Каган, которые в преломлении к дальнейшему тексту представляются нам программными: «Психология начинается не с внимания к душевной жизни, а с ощущения её парадоксальности» [7, с. 116].

С этой парадоксальностью мы сталкиваемся как в самых общих аспектах, когда задумываемся о методологическом статусе собственной науки, так и в более частных проявлениях, касающихся любых исследовательских проблем.

Отправной точкой размышлений, отражённых в данной статье, является практическая деятельность самого автора. Однако структурирование и организация материала определяются содержанием дискуссионных обсуждений в ходе двух общероссийских конференций «Личность и бытие» (2002, 2003 гг.), проведённых в Краснодаре на базе КубГУ. В рамках, заданных тематикой данных конференций, остановимся на нескольких аспектах этой парадоксальности. Причём конструктивный аспект и пафос наших изысканий связан с попытками осмысления и разрешения акцентируемых проблемных ситуаций как в прикладном аспекте (многопрофильная работа психолога в силовых структурах), так и в рамках подготовки студентов к непростым исследовательским и практическим ситуациям в рамках спецкурса «Интегративное исследование личности».

В начале обсуждения заявленной темы для стимуляции работы профессионального самосознания в качестве *примера психологического парадокса* приведем мнение о психологах одного из наиболее влиятельных психоаналитиков XX в., основателя Британского психоаналитического общества Э. Гловера.

* Галина Юрьевна Фоменко — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии личности Кубанского госуниверситета. Электронная почта: mclinica@mail.ru

По его словам, из многих мифов, выросших вокруг психологов, которых широкая публика воспринимает как современных шаманов и знахарей, два особенно живучи. Принято думать, будто психолог может читать мысли даже тех людей, с кем он вступает в кратковременный контакт; кроме того, психологов принято считать проницательными судьями человеческих характеров. Трудно представить себе предположения более далёкие от истины, утверждает Э. Гловер. Стоит лишить профессионального психолога тех инструментов, которые помогают ему проводить свои исследования, и он сможет строить лишь смутные догадки о том, что происходит в головах других людей, а в том, что касается их характеров, любой коммивояжер окажется проницательнее. Если понимать под словом «характер» прежде всего сумму поведенческих и эмоциональных установок и потенций, то можно с уверенностью сказать: в том, что касается оценки характера, профессиональный психолог не сильнее среднего человека и значительно слабее среднего романиста [4, с. 94–95].

Данным умозаключением Э. Гловер затрагивает одновременно множество проблем. Это и развенчание определённого профессионального эгоцентризма психологов, указание на их беспомощность при решении собственных жизненных проблем, напоминание о том, что психология является не только наукой, но и искусством, подчёркивание чрезмерной привязанности специалистов к своему техническому инструментарию в сочетании с отсутствием широты мышления и недостаточной психологической проницательностью. Здесь мы встречаемся с изящной и смелой констатацией *базового парадокса*, касающегося *самосознания специалистов и их реального уровня психологической проницательности*. Ни в одной другой науке мы не наблюдаем подобного явления, когда *практические возможности специалистов* (а сообразно содержанию профессиональной деятельности психологов от них ожидают личного примера мудрого жизнеполагания) *не являются производной глубины их теоретической подготовки и качества инструментальной оснащённости*.

Приступим последовательно к рассмотрению этой парадоксальности.

Начнём с того, что *парадоксальным является само предметное поле психологической науки*. В нашей статье ограничимся только констатацией данного факта, поскольку это тема отдельного, очень серьёзного разговора

Здесь отметим только, что природа душевной жизни человека до сих пор остается неуяснимой и явно относится к числу «вечных» загадок. Тем не менее психологам ежедневно приходится решать проблемы, которые по большому счёту относятся, если вдуматься, к категории «запредельных». Уяснение масштаба проблем в соотнесении с собственными возможностями и необходимости их практического решения требует от думающего специалиста отчаянной смелости и значительной доли авантюризма. При отсутствии полноценного осознания данного момента решительность специалиста может объясняться только его дремучим невежеством.

Любой профессиональный контакт с человеком начинается с явной или скрытой диагностики. Поэтому вначале остановимся на *парадоксах психодиагностического обследования*.

Сложность и опять же парадоксальность ситуации практического психолога в любой профессиональной сфере состоит в том, что как бы ни были буквально «затвержены» определённые теоретические каноны о том, что в психологии нет однозначного набора методов и применение последних необходимо именно в качестве технического инструментария и невозможно без предварительного проникновения в историю жизни человека и его актуальную ситуацию, на практике всё происходит наоборот. В диагностическом плане наблюдается большая сосредоточенность на диагностическом иструментарии, а не на человеке. Пытаясь быть оперативными и технологичными, психологи стараются найти универсальную методику (или пакет методик, желательно электронные версии с интерпретацией), способную ответить на поставленную перед специалистом прикладную задачу, явно забывая о высказывании Адлера: «Индивидуум как целостное существо не может быть изъят из своих связей с жизнью… По этой причине экспериментальные тесты, которые имеют дело в лучшем случае с частичными аспектами жизни индивидуума, ничего не могут нам сказать о его характере» [16, с.100].

Парадоксально, но факт, не имея в запасе десятков методик на все случаи жизни, психолог чувствует себя «безоружным», упуская из виду, что краеугольным камнем любого исследования следует всё же считать *беседу*.

Если взглянуть на проблему несколько ироничнее, то уместно привести меткие слова известного литературного героя, гениального «человековеда» Эркюля Пуаро, сказанные именно по этому поводу:

– У Вас, наверное, имеются весьма хитроумные способы выяснения истины?

– Один единственный и ничуть не хитроумный.

– А именно?

– Предоставить людям возможность самим всё рассказать.

– Но если они не захотят?

– Все любят говорить о себе [9, с. 138].

В связи со сказанным, напомним читателю следующую *закономерность системного подхода, воспринимаемую как психологический парадокс*: чем выше уровень психических способностей, которые мы измеряем, тем больше результат измерения подвержен влиянию фактора отношения между испытуемым и экспериментатором [5, с. 97–98].

Вообще психологическое обследование (в том числе эксперимент) возможно только тогда, когда испытуемый согласен вступить во взаимодействие с другим лицом – экспериментатором (исследователем, экспертом). Причём испытуемый может *навязать* психологу своё понимание задачи, вынудить экспериментатора выйти за пределы заданного сценария и т.д. Отсюда вытекает

важнейший методологический вывод: для психологии базовой (первичной) исследовательской ситуацией (или точнее – исследовательским методом) является ситуация взаимодействия двух *субъектов*: испытуемого и экспериментатора.

Психологическое исследование происходит не в социальном вакууме, оно встраивается в контекст жизни человека (группы людей), и *зачастую именно жизненный контекст* (даже не экспериментальная ситуация) *определяет результат исследования*.

В.Н. Дружинин показал, что *субъектное влияние* на исход психологического эксперимента является *решающим*; оно довлеет и над материалом предполагаемого задания, и над типом нормативных отношений «испытуемый–экспериментатор». Можно сформулировать следующий, несколько тривиальный вывод: субъектные качества испытуемого в той мере влияют на результат исследования (т.е. на поведение испытуемого в эксперименте), в какой сам эксперимент воздействует на субъектные качества испытуемого. В конечном счёте возможность влияния субъектных качеств испытуемого на измерение показывает, в какой мере измерение касается этих качеств и, естественно, определяет «меру» бессилия естественнонаучной измерительной процедуры по фиксированию этих качеств [6, с. 104].

Очевидна аналогия этих выводов со взглядами первых экспериментаторов — В. Вундта, Г. Эббингауза и других, считавших, что эксперимент можно применять только для исследования «низших», «экспериментальных» психических функций, а для «высших» применимы только интроспекция, понимание (в смысле В. Дильтея), интерпретация. Похоже, что справедливость этой точки зрения, «частичная правда» подтверждается сегодня. Речь идёт о дополнительности естественнонаучного и понимающего методов, а именно: чем выше уровень психических систем, изучаемых в эксперименте, тем ниже мощность системы, которой мы можем пользоваться при интерпретации данных, норм воспроизводимости и объективности результатов [6, с. 104]. Любопытна и следующая закономерность: чем выше сложность психологической функциональной системы, тем ниже сложность измерительного инструмента. Например, специалисты по психологии личности проводят интервью, используют опросники, рисунки, картинки, простые материалы (карандаш, бумага, пластилин и т.д.), специалисты в области познавательных процессов вооружены более сложными приборами (компьюретные тесты, адаптомеры и т.д.), и наиболее сложна аппаратура психофизиологов. Может причина в том, что на более простом материале испытуемый может легче проявить свои субъективные качества?

Следовательно, на уровне индивидуальности вступает в полную силу метод герменевтики – метод постижения уникального, как об этом пишет Х.Р. Гадамер [5, с. 129–131].

В рамках сказанного необходимо подчеркнуть, что весь обсуждаемый материал связан с непростой проблемой соотношения естественнонаучной и гума-

нитарной парадигм, а следовательно, количественного и качественного, причинного и целевого подходов к исследованию личности.

Напомним, что Г. Мюнстерберг полагал, что эти два подхода (причинный и целевой) могут объединяться лишь в тех случаях, когда психологу надо применить знания о психической жизни для конкретных целей, т.е. в прикладной психологии.

Корректно проведённое исследование, по мнению ряда авторов [6, с. 83], обязательно снимает дихотомию количественного и качественного подходов как разных познавательных стратегий психолога.

Подобно тому как логика и интуиция, сливаясь, порождают познание, так и согласованные причинные и целевые проекции поведения обеспечивают целостное видение изучаемого явления.

Всё это ещё раз подчёркивает важность фундаментального теоретического образования для практических психологов и, более того, важность их «подкованности» в методологических вопросах. Если теория – душа метода, то методология — душа теории.

Следующий парадокс заключается в требовании к специалисту выстраивать свое восприятие клиента, «когда воспринимаемый индивид или объект отличается сложной, тонкой и неоднозначной структурой. В этом случае воспринимающий должен проявлять особое уважение к природе объекта» [11, с. 67].

На практике чаще всего так и бывает, когда в субъект-субъектном взаимодействии именно так называемый *объект исследования* оказывается *более сложным* по своей структурной организации и *более зрелым*. В частности, в нашей практической деятельности в силовых структурах молодому специалисту приходится иметь дело с людьми, старшими по возрасту, с большим жизненным опытом, имеющими высокие воинские звания.

Обратимся по этому поводу к авторитетным суждениям. По мнению А.Маслоу, «восприятие здесь должно быть осторожным, деликатным, незаданным, неагрессивным, способным пассивно подстроиться под природу вещей, подобно тому, как вода исподволь проникает в любые трещинки. Наиболее эффективный способ проникновения в суть природы вещей – это скорее восприятие, чем активность, готовность, насколько это возможно, в большей мере подчинять своё восприятие внутренней структуре воспринимаемого объекта, и меньше – своей собственной природе [11, с. 67–68].

По Маслоу, *умение пассивно*[1] *воспринимать* — это критерий, по которому хорошего психолога отличают от плохого, к какой бы школе он ни принадле-

[1] Может быть, уместно указать, что составители первых русских грамматик, использовавшие западноевропейские образцы, перевели «vox *passiva*» сочетанием «*страдательный* залог»; тонкость заключается в том, что «страдательность» предполагает отсутствие только внешнего действия, а не действия вообще. «Страдательность» содержит идею внутренней активности – (со)переживания, а активное вос-приятие предполагает интеллектуальную и эмоциональную активность (*прим. ред.*).

жал [11, с. 120]. А. Маслоу указывает, что хороший психолог способен воспринимать индивида самого по себе, не стремясь причислить его к определённой группе и занести в определённую графу. Маслоу очень образно пишет о том, что плохой специалист, проработай он хоть ещё сто лет, всегда будет находить только подтверждение теорий, которые он узнал в начале своей карьеры. Он может повторять одни и те же ошибки в течение сорока лет, а потом назвать их «богатым клиническим опытом».

Лучший, но чрезвычайно сложный способ понять другого человека – это проникнуть в его мировоззрение и суметь увидеть мир его глазами. Однако здесь возникает *сложное диалектическое соотношение между процессами понимания и познания*.

Этой проблеме всегда большое внимание уделял К. Юнг, считая, что она встаёт всякий раз, когда речь заходит о понимании и познании сложных индивидуальных ситуаций. Более того, он считал, что «именно в этом заключается специфическая задача психологов» [1, с. 137].

«Когда я хочу понять отдельного человека, то я должен отложить в сторону научные познания о среднем человеке, отказаться от всякой теории, чтобы смотреть всякий раз по-новому и без предубеждений. К задаче понимания я могу приступать лишь *vacua et libera* (*лат.* — пустым и свободным умом), тогда как научное познание требует всевозможных знаний во всеобщей форме» [1, с.116–117].

«Чем больше в поле исследования, – подчёркивал Юнг, – доминирует индивидуальный объект, тем жизненнее, практичнее и шире по своему охвату вытекающее из него познание. Однако тем самым предмет исследования делается чрезвычайно сложным, возрастает неопределённость единичных факторов, а потому и возможность ошибки» [1, с. 136].

Следующей опасностью на этом пути является возможность чрезмерной субъективизации познания, которая возникает всякий раз вместе с перевесом понимания над познанием. То, что первоначально казалось преимуществом, теперь грозит опасным недостатком. По мнению К. Юнга «в терминах «или-или» этот конфликт не решается, тут требуется *«двуколейное» мышление*: мыслить одно, не забывая при этом и другого» [1, с. 117]. Аналогично – *терапевтическая «раздвоенность»*, по Маслоу (она же лежит в основе терапии по Дойчу и Мэрфи).

Таким образом, всё изложенное подводит нас к мысли о том, что совершенствование технического методического инструментария безусловно необходимо. Однако само по себе мощное техническое «вооружение» специалиста не решает конечной задачи успешной работы с самим человеком: «Методы всего лишь инструмент и не решают проблему понимания структуры личности» [10, с. 38]. Утверждение о том, что главным в любом психотерапевтическом приёме, методе или технологии есть и остаётся личность самого психотерапевта, в полной мере относится и к диагностической процедуре. То есть в личностно-

центрированном психодиагностическом подходе при безусловно центральной фигуре субъекта исследования, в вопросах совершенствования психодиагностики акцент перемещается как на личность самого специалиста, так и на взаимодействие и состояние единения клиента и психолога.

В психодиагностике всегда старались снизить «субъективное влияние» самого исследователя и «шумы» процедуры обследования. По нашему мнению, путь повышения эффективности психодиагностических процедур лежит в принципиально ином, указанном выше, направлении.

В идеальном случае познание и понимание человека во время психодиагностической процедуры равнозначно познанию в пиковом переживании и бытийному познанию самоактуализирующейся личностью (по А.Маслоу).

То есть адекватность познания и понимания другого человека напрямую зависит от уровня личной зрелости и степени интегрированности самого специалиста. А это, в свою очередь, связано с проблемами индивидуации (К. Юнг), приходящейся, как правило, на вторую половину жизни, и самоактуализации (А. Маслоу), что также связано со зрелым возрастом.

Однако все в конечном счёте оказывается не столь безнадёжным для молодых специалистов. Их успешность на профессиональном пути во многом зависит от *принципов* организации взаимодействия с другим человеком и от своей *позиции* в нём.

Здесь на первый план выходит эмпатия, сопереживание, обеспечивающие возможность бескорыстного и неэгоцентричного восприятия другого человека. В более широком смысле слова «конкретное и целостное восприятие объекта подразумевает, что он воспринимается с *любовью* (*курсив наш.* – Г.Ф.). С другой стороны, любовь к объекту подразумевает сосредоточенность внимания, постоянное изучение, которое так необходимо для восприятия всех аспектов объекта… От такого поглощённого, завороженного, всецело задействующего наше внимание познания мы вправе ожидать богатства деталей и всестороннего понимания объекта» [11, с. 107].

Однако здесь встаёт проблема сознательности усилий, которые могут препятствовать эффективности процесса. Как отмечал К. Рождерс, «если же мы слишком заняты тем, что пытаемся «понять» наших клиентов или стремимся быть полезными им, или изо всех сил стараемся делать «что нужно», то у нас непременно возникает трудность при проникновении в мир клиента» [3, с. 32]. Об этом же говорит и А. Маслоу, указывая, что хороший психолог должен уметь слушать по правилу «*получать, а не брать*», чтобы суметь услышать то, что на самом деле говорит пациент, а не то, что хочется услышать специалисту: «Он не должен заставлять себя слушать, скорее он должен позволять словам проникать в него. Только тогда он сможет усвоить их форму и содержание. В противном случае он услышит только свои собственные теории и рассуждения» [11,с. 120].

Следующим «камнем преткновения» является необходимость видеть перед собой человека, а не себя (самолюбование) в процессе взаимодействия. По словам К. Роджерса, «если потребности нашего эго (в принятии, обожании, любви) чрезмерно вовлечены в процесс, то мы можем испытать сложность при отказе от своего «Я» (I-ness) и утрате границ между собой и своими клиентами» [4, с. 32].

Правильно организованная работа практического психолога, в частности психодиагностическая процедура, является важным *обучающим фактором* для самого специалиста. Более того, она обладает *мощным психотерапевтическим воздействием*, позволяющим в более сжатые сроки пройти путь личностного созревания.

Теперь от парадоксов собственно диагностического процесса перейдём к *следующей группе парадоксов практической деятельности* психологов, но *в более широком социальном контексте.*

Начнём с обсуждения *парадоксов сотрудничества психологов с представителями других специальностей*.

Необходимо помнить о том, что «развитие связано с определением личности, а также типом и способом разрешения противоречий, в которые вступает при этом личность с социальной действительностью, собственной жизнью, окружающими людьми» [14, с. 35–36].

Работа психолога, в частности, по отбору кадров, приводит к разного рода проблемным ситуациям во взаимодействии с другими заинтересованными структурами. Рассмотрим конспективно возможные «точки напряжения» и источники противоречий.

На административном этапе полученная из различных источников информация вводится, с одной стороны, в узкий контекст предполагаемых профессиональных обязанностей, с другой стороны, рассматривается в рамках широкой социальной перспективы. Поэтому иногда выводы сотрудников кадрового аппарата могут внешне, казалось бы, противоречить данным психолога, полученными непосредственно в ходе психодиагностического или психофизиологического обследования относительно перспективности использования специалиста в предполагаемой профессиональной сфере. Однако это только видимость противоречия. Речь идёт о качественно ином виде деятельности (административном, в отличие от предшествующего – экспертно-исследовательского по своей сути).

Для кадровика значимыми при анализе и принятии решений являются следующие понятийные структуры:

1) внешне благополучный срез социального развития;

2) непосредственное личное впечатление;

3) мнение ближайшего окружения и значимых лиц руководящего состава.

В то же время особенности высшей нервной деятельности, завуалированная внутриличностная проблематика, ведущие мотивы деятельности остаются скрытыми от обычного житейского наблюдения.

Как говорят, чтобы понять человека, необходимо с ним пуд соли съесть. Квалифицированная психологическая диагностика позволяет сократить период узнавания.

Далее, бывает и так, когда в качестве претензий выдвигается следующий аргумент: «Вот видите, служит – и ничего из указанных вами моментов не проявляется».

Здесь надо иметь в виду, что даваемый психологами прогноз имеет долговременный характер. При этом психолог обязан предвидеть не только то, что *может* случиться, но и то, что только *«возможно»* случится. Кроме того, условия службы могут значительно отличаться по степени требовательности, благоприятности моральнопсихологического климата в коллективе, режима труда. Совокупность этих факторов способна создать для человека щадящий режим, и в результате указанные в психологическом заключении особенности могут проявиться либо в стёртой форме (в виде мелких недоразумений или разногласий), либо не проявиться вообще. Также возможна их локализация в соматической сфере – в ухудшении физического здоровья, в основе которого будут лежать психологические факторы.

Таким образом, расхождения в оценке перспективности использования того или иного кандидата в предлагаемой профессиональной деятельности обусловлены разным уровнем анализа материала и специфичностью видов деятельности указанных структурных звеньев кадрового отбора.

Уяснение этих моментов лежит в основе продуктивного сотрудничества всех звеньев данного процесса профессионального отбора и эффективности решения насущных проблем при условии функционирования каждой структуры на собственном уровне (психологи – на исследовательско-экспертном, кадровый аппарат – на административном).

Специфика социальных запросов часто приводит к следующей *парадоксальной ситуации профессионального бытия* практического психолога: то, над чем «бьются» серьёзные исследователи десятилетиями, если не веками, от него требуют решить «здесь и сейчас» в течение ограниченного периода рабочего времени, невзирая на неизученность вопросов в научных исследованиях – и это насущная практическая необходимость.

Более того, практический психолог должен давать вполне определённые ответы на вопросы, которые имеют только вероятностное звучание. От психолога ждут чётких прогнозов, и это вполне оправдано потребностями практики. В этом *парадокс определённости ответов на базе вероятностного предсказания*.

Необходимость именно вероятностного подхода к решению психологических проблем связана с особым духовным признаком человека – свободой его воли. Ещё Г.В. Лейбниц в «Теодицее» рассуждал о том, что, зная Адама до его грехопадения, мы бы не могли предсказать с достоверностью, совершит ли он его или нет. Даже сам Адам, зная себя, не смог бы это предсказать! Суть в

том, что никакое знание никакого процесса не может низвести эту свободу до иллюзии. Такое знание в отношении конкретного субъекта в принципе недостижимо. Продолжая эти рассуждения, И. Пригожин отмечает: «Сколько бы информации мы не накопили об Адаме до грехопадения… мы можем только предсказать поведение «неопределённого» и «расплывчатого» Адама, которого можно уподобить бесконечному ансамблю Адамов с различными судьбами: одни Адамы совершают грехопадение, тогда как другие противятся искусителю. На более современном языке можно было сказать, что адекватным описанием Адама было бы вероятностное описание» [13, с. 49].

Сошлемся на В. Франкла, критиковавшего пандетерминизм и последовательно отстаивавшего способность человека занять позицию по отношению к любым условиям и быть «самоопределяющимся существом». В. Франкл указывает, что человек не просто существует, но решает, каким будет его существование, каким он станет в следующий момент. Следовательно, каждый человек имеет свободу измениться в любой момент. Поэтому мы можем предсказать будущее только в широких рамках статистического обследования относительно целой группы; *индивидуальная личность, однако, остаётся в сущности непредсказуемой*.

Для подтверждения данного тезиса В. Франкл приводит пример доктора J. Как пишет Франкл, это был единственный человек, встреченный им за всю его жизнь, которого он отважился бы назвать Мефистофелем, дьявольским существом. В то время он был известен как «массовый убийца Штайнхофа», по названию большой психиатрической больницы в Вене. Когда нацисты начали свою программу эвтаназии, он держал все нити в своих руках и был столь фанатично предан службе, что старался не допустить, чтобы хотя бы один психически больной избежал газовой камеры. После войны Франклу рассказали, что доктор J. был захвачен в плен русскими. Каково же было его удивление, когда бывший австрийский дипломат, который больше десяти лет находился в заключении по ту сторону «железного занавеса», сначала в Сибири, затем на знаменитой Лубянке в Москве, неожиданно упомянул доктора J. в позитивном контексте. Дипломат утверждал, что доктор J. проявил себя в тех условиях наилучшим товарищем, какого только можно вообразить. Он давал утешение каждому. Он жил по высшим моральным стандартам. Он был лучшим другом, какого только мог встретить человек за многие годы заключения.

Такова история доктора J. – «массового убийцы Штайнхофа». После этого возникает вполне резонный вопрос: как можно отваживаться предсказывать поведение человека? В. Франкл на него отвечает следующим образом: «Вы можете предсказать движения машины, автомата. Более того, вы можете предсказать даже механизм, или "динамику" человеческой *психики*, но человек больше, чем *психика*» [17, с. 275–276].

В свете сказанного, безусловно, важны два момента: как сама проблема, так и рефлексивное восприятие данной проблемы, которое косвенно может

служить показателем профессиональной зрелости психолога. К тому же рассмотренный материал вскрывает ещё более глубокий пласт психологических проблем.

Отдельная тема для обсуждения – вопрос о *парадоксах особенностей профессионального самосознания психологов*.

Любопытно, но из уст студентов-психологов пятого курса приходилось слышать утверждения, что все учебные курсы уже пройдены и многие из них были об одном и том же. То есть образование уже завершено и продолжить его возможно на различных тренингах, где и научат конкретной работе с людьми. Настораживает подспудное мнение об определённой конечности образования и отсутствие дискомфортного, но столь продуктивного состояния незнания.

В данном случае мы касаемся первого парадокса нового заявленного уровня – *хронического состояния незнания*, которое преследует думающего специалиста на всём протяжении его жизненного пути, умения выносить это состояние и в ряде случаев доводить его до апогея или абсурда (что может рассматриваться как один из источников творческих прорывов).

Напомним, что Фридрих Ницше, обсуждая дискомфорт состояния незнания, подобного замешательству, а также желание выйти из него с помощью собственных представлений о картине мира, написал: «Сталкиваясь с неизвестным, мы оказываемся перед опасностью, дискомфортом и тревогой; и наше первое инстинктивное побуждение – уничтожить эти болезненные состояния. Первый побудительный мотив: всякое объяснение лучше, чем ничего. Поскольку в его основе лежит единственное желание избавиться от тягостных утверждений, о средствах особенно не заботятся: первое же объяснение с помощью уже известных нам доводов кажется настолько хорошим, что его считают верным. Таким образом, удовольствие является критерием истины» [8, с.134].

Должна существовать боязнь поспешных ответов. Тем более что сами специалисты-психологи, владеющие фундаментальными знаниями своей науки, помнят рассуждения родоначальника аналитической психологии К. Юнга: «Реальное решение конфликтной ситуации приходит только изнутри и только потому, что человек пришёл к другой установке» [18, с. 35]. Конфликт разрешим только путём поддерживания напряжения между противоположностями, пока не проявится нечто третье, логически не предопределённое, совершенно неожиданное. Это «третье» (названное Юнгом «трансцендентной функцией») представляет собой творческое вмешательство и руководство со стороны самости, архетипа целостности, который функционирует в психическом как саморегулирующийся центр.

Данная стратегия применима, безусловно, и при решении проблемных жизненных вопросов.

Вообще говоря, конфликт возникает тогда, когда существует возможность и искушение выбора способа действия. Теоретически существует много вариан-

тов выбора. Однако на практике оказывается, что конфликт обычно возникает между двумя вариантами, причём каждый из них содержит свою собственную цепь следствий: жена и любовница, две различные работы, два направления, два решения и т.д. Самые болезненные конфликты, вероятно, возникают в связи с выбором между «безопасностью и свободой» [18, с. 26].

При наличии возможности выбора между двумя несовместимыми вариантами, обладающими равной привлекательностью, психологическая реальность такова, что можно говорить о наличии двух отдельных личностей, которые рассматриваются как персонификация комплексов. При этом каждая требует удовлетворения и не согласна поступиться своим суверенитетом. При таких обстоятельствах задача индивида заключается в сохранении напряжения между противоположностями (со всеми вытекающими отсюда тяготами) с целью установления, кем он (или она) в действительности является. Принятие поспешного решения в пользу той или другой стороны лишь укрепит позиции противоположной.

Для разрешения конфликта существуют две предварительные возможности. В первом случае можно взвесить все «за» и «против» каждой стороной, а затем принять логически удовлетворительное решение, во втором случае необходимо решать, чего вы действительно хотите, и затем приступить к реализации решения.

По поводу первого говорить особенно нечего. Решение всех вопросов, которые можно решить с помощью разума без пагубных последствий, следует предоставить разуму. Вопрос лишь в том, что разум сам по себе может скорее продлить, нежели разрешить конфликт.

Серьёзные конфликты не разрешаются столь легко. Они требуют очной ставки с бессознательным, так сказать, диалога с «другой стороной» [18, с. 26]. Поэтому при встрече с анализируемым, внутреннее состояние которого характеризуется наличием конфликта, психолог может задать такой вопрос: «Чего *вы* хотите?» или, сместив акцент, «Чего *хотите* вы?». Эти вопросы неизменно ставят человека в затруднительное положение, поскольку, если бы он знал, чего он хочет, у него не было бы конфликта. В сущности, сознательно он стремится и к тому, и к другому.

С психологической точки зрения полезны оба вопроса, ибо в первом случае, с акцентом на «вы», активизируется позиция индивидуального (противоположность устремлениям других индивидов); в другом вопросе, с акцентом на «хотите», сосредотачивается чувственная функция (рассудительность, оценочная способность). Таким образом, можно разрешить некоторые конфликты без дальнейших хлопот.

В своих комментариях к психологии конфликтных ситуаций К. Юнг любил упоминать о буридановом осле, который умер от голода, находясь между двумя стогами сена, потому что не смог сделать свой выбор. В «Двух эссе» Юнг пишет: «Важно не то, какой из стогов сена лучше, справа или слева, и не то, какой

из них следует начать есть первым, а то, что в глубине души он хотел узнать, какой из стогов подтолкнёт его к себе? Осёл хотел, чтобы объект сам принял решение» [18, с. 34–35].

Телеологическое объяснение, почему тот или иной человек не выходит из тупика, можно найти у Юнга в одном из первых упоминаний о буридановом осле: «В чём же заключается действительная причина столь странного поведения осла?.. В том, что он не хотел ни того, ни другого, для него существовало нечто более важное – смерть» [18, с. 36].

Как писал Гёте, «природа требует смерти», разумеется, не к физической смерти, а смерти эго-установки, ибо смерть (несоответствующая эго-установка) – это необходимое условие обновления, изменения.

«Реальное решение [конфликтной ситуации], – указывает Юнг, – приходит только изнутри, и только потому, что пациент пришёл к другой установке. Конфликты должны разрешаться на уровне характера при достаточном учёте «противоположностей», а это в свою очередь возможно только путём изменения характера… В таких случаях внешнее решение хуже, чем отсутствие решений» [18, с. 39].

Жизнь всегда связана со столкновением конфликтующих обязательств. Понимание и признание конфликта как неизбежной жизненной материи является, как ни парадоксально, единственным спасением.

«*Только то, что действительно является самим собой*, – пишет Юнг, – *может исцелить* (*курсив наш*. – Г.Ф.) [18, с. 40].

С этим выводом Юнга связано и рассмотрение ряда психологических парадоксов К. Роджерсом.

В своём эссе «Несколько важных открытий» Карл Роджерс, обсуждая содержание второго открытия, пишет: «Я понял, что у меня получается лучше, когда я могу с принятием прислушиваться к себе и быть самим собой… Можно сказать, что я становлюсь более адекватным, когда позволяю себе, *быть тем*, что я *есть*. Тогда мне легче принимать себя как явно несовершенного человека, который, тем не менее, идёт по пути, по которому хотел бы идти». При этом Роджерс подчёркивает: «Этот путь может показаться странным, но он имеет ценность для меня из-за *любопытного парадокса: когда я принимаю себя, я изменяюсь*» [15, с. 7–8].

Значимость этого вывода столь велика для Роджерса, что по сути обсуждение данного парадокса, правда с существенным дополнением, связанным с распространением его на сферу межличностных отношений, является аргументацией и для другого его открытия. Последнее заключается в следующем: чем больше я открыт тому, что происходит во мне и в другом человеке, тем меньше во мне стремление к «фиксированным точкам». Пропадает желание воздействовать на людей, манипулировать ими и толкать их на путь, по которому, нам кажется, они должны идти. *Это парадоксально: когда каждый из нас*

хочет быть самим собой, он замечает, что не только он сам изменяется, но и люди, с которыми он входит в контакт, тоже изменяются.

Теперь на новом витке вернемся к незнанию, к озарениям и к уникальности собственного пути как в жизни, так и в науке. По мнению К. Роджерса, если *переживание* воспринимается как нечто ценное, оно достойно того, чтобы существовать. Иначе говоря, подчёркивает Роджерс, целостное организмическое чувство ситуации более достойно доверия, чем интеллект.

Рассмотрение парадоксальности профессионального бытия психологов хотелось бы закончить притчей «Приходите позже». Почему? Пусть каждый из читателей ответит для себя сам.

«Однажды к Ганди пришла женщина и попросила, чтобы он убедил её не в меру полного сына перестать есть сахар.

– Мадам, – ответил он, – приходите ко мне через три недели.

Удивлённая таким поворотом событий женщина тем не менее пришла со своим сыном три недели спустя.

Ганди посмотрел на мальчика и сказал:

– Прекрати есть сахар.

Когда мальчик вышел из комнаты, мать повернулась к Ганди и спросила, почему он не произнёс это слова три недели назад.

– Три недели назад я тоже ел сахар, – ответил Ганди» [12, с. 59].

В заключение подчеркнем, что гуманизация психологии без этого ощущения парадоксальности, неожиданности была бы попросту невозможной. Если представить некий предельный случай, когда все законы психики уже ясны, а компьютерная техника всемогуща, то и тогда мы не сможем воссоздать человеческую психологию. Она – та сфера предсказуемой непредсказуемости и непредсказуемой недоказуемости, которая постижима в живых диалогических отношениях Я – Ты, но остаётся закрытой в отношениях Я – Оно (М. Бубер) – идёт ли речь об отдельном человеке или об отношениях людей, групп, систем. В человеческой психологии парадоксальность так же закономерна, как закономерность парадоксальна. В ней равно реальны и «молекулярная решётка» психики, и «виртуальные частицы» переживаний» [7, с. 116–117].

Библиографический список

1. Аналитическая психология: Прошлое и настоящее / К.Г. Юнг, Э. Сэмюэлс, В.Одайник, Дж. Хаббэк; Сост. В.В. Зеленский, А.М. Руткевич. М.: Мартис, 1995.
2. *Богданов В.А.* Причинный и целевой подходы в развитии теории личности // Вопросы психологии. 1991. № 3.
3. *Боуэн М.В.* Духовность и личностно-центрированный подход // Вопросы психологии.1992. № 3–4.
4. *Гловер Э.* Фрейд или Юнг. СПб.: Академический проект, 1999.
5. *Дружинин В.Н.* Варианты жизни: Очерки экзистенциальной психологии. М.; СПб.: ПЕР СЭ; ИМАТОН-М, 2000.

6. *Дружинин В.Н.* Структура и логика психологического исследования. М.: Ин-т психологии РАН, 1994.
7. *Каган В.Е.* Психология и психотерапия: гуманизация и интеграция // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М.: Смысл, 1997.
8. Контроль сознания и методы подавления личности: Хрестоматия / Сост. К.В.Сельченок. Минск; М.: Харвест; АСТ, 2001.
9. *Кристи А.* Смерть в облаках: Собр. соч. в 20 т. М.: Артикул, 1995. Т. 6. С. 138.
10. *Личко А.Е.* Психопатии и акцентуации характера у подростков. Л.: Медицина, 1983.
11. *Маслоу А.Г.* Психология бытия. М.; Киев: Рефлбук; Ваклер, 1997.
12. *Оуэн Н.* Магические метафоры. 77 историй для учителей, терапевтов и думающих людей М.: Эксмо, 2002.
13. *Пригожин И., Стенгерс И.* Время, хаос, квант. М.: Прогресс, 1994.
14. Психология формирования и развития личности. М.: Наука, 1981.
15. *Роджерс К.* Несколько важных открытий // Гуманистическая и трансперсональная психология: Хрестоматия / Сост. К.В. Сельченок, Минск; М.: Харвест; АСТ, 2000.
16. *Фейдимен Дж., Фрейгер Р.* Теория и практика личностно-ориентированной психологии. М.: «Три Л», 1996. Т. 1.
17. *Франкл В.* Доктор и душа. СПб.: Ювента, 1997.
18. *Шарп Д.* Незримый ворон: Конфликт и трансформация в жизни Франца Кафки. Воронеж: МОДЭК, 1994.

«Продвинутые» и «нормальные» стратегии глокальной жизни

Х.А. Пилкингтон[*], Е. Старкова[**]

«Глобализацию… можно увидеть в малом и конкретном, пространственно обособленном, в собственной жизни, в культурных символах – все это несет на себе печать «глокального»…» [1, с. 49].

Продвинутые: достичь и двигаться дальше

Удаление неформалов со сцены произошел потому, что молодежные идентичности в России конца 1990-х больше не формировались в противопоставлении единому «другому» (официальным государственным структурам), а в противопоставлении многим «другим». Культурное пространство неформалов стали заселять молодые люди с широким спектром стилевых предпочтений, объединенных «продвинутой» культурной практикой, основанной на базовых ценностях и практиках тусовки. Постсоветские тусовщики не ставили во главу угла ни сопротивление государству, ни даже уклонение от его контроля; как заметил А. Юрчак, они «с помощью рыночных и нерыночных методов [начали] творческое освоение культурных символов из подконтрольных государству культурных сфер, из сферы официального постсоветского рынка, [а также] из не контролируемых официальными центрами различных субкультур и черных рынков» [25, p. 78]. Если советские *неформалы* целиком определялись через отношение к государству, то у постсоветских тусовок было множество точек для самоотнесения и мест для взаимодействия: Запад, потребительство, творческая деятельность, коммерция, медиа, и, что очень важно, другие молодежные

[*] Пилкингтон Хилари (Hilary A. Pilkington) – профессор, директор Центра российских и восточно-европейских исследований Бирмингемского университета (Великобритания). Электронная почта: H.A.Pilkington@bham.ac.uk

[**] Старкова Елена – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью Ульяновского госуниверситета. Электронная почта: region@ulsu.ru

идентичности. При этом конфигурации отдельных тусовок, степень их отдаленности друг от друга, независимость и готовность освободиться от ярлыка *неформалов* сильно отличались между собой в трех обследованных городах.

Ульяновский субкультурный коктейль

Вопреки логике постсубкультурализма западных обществ в Ульяновске была обнаружена не очень развитая субкультурная сцена и едва наметившееся стилевое разделение. Хотя в конце 1990-х появились отдельные стилевые тусовки в центральных кафе и на площадях, широкий диапазон стилей и движений, характерный для других городов, в Ульяновске зиял своим отсутствием. Скорее можно было говорить о единой, центральной тусовке, состоявшей из хиппи, панков, фанатов хэви-метал и рок-музыкантов, сохранявших коллективную идентичность неформалов.

Нечеткость субкультурных границ в Ульяновске усиливалась еще и тем, что основными местами встреч здесь традиционно были площадь Ленина (называемая просто «площадь») и теннисные корты. «Площадь» собирала широкий спектр стилевых и музыкальных тусовок: фанатов *Депеш Мод*, скейтбордистов, рэперов, *панков* и *хиппи* (254, Ульяновск). Фанаты рока и любители музыки в целом (*рокеры*, *металлисты* и *меломаны*) собирались [там же… Только] после перемещения тусовочной сцены с улиц в центральные бары и кафе в результате развития коммерческого сектора появились новые места встреч… (33, Ульяновск).

На обочине неформальной сцены Ульяновска располагались те, кто приписывал практике своих групп идеологические мотивы: скинхеды, панки и анархисты; количественно эти группы в Ульяновске были настолько малы, что среди респондентов не было согласия относительно наличия в городе, например, скинхедов. Частично с неформалами пересекались *романтики*: термин взят не из лексикона респондентов, а придуман авторами[1] для обозначения различных групп молодых людей, интересующихся историей, духовными и религиозными аспектами жизни, народными традициями, фольклором и природой. По своим жизненным стратегиям *романтики* походили на неформалов, однако их деятельность была часто институционально организована. Движение ролевых игр, или *игровая тусовка*, включало группы индеанистов, *Подземелья и Драконы*, *Клуб рыцарского движения* и *толкинистов*[2]. Хотя движение ролевых игр явно пересекалось с другими тусовками, а по игровой практике (сборы в лесу, выпивание, разведение костра, совместное пение) и составу оно было

[1] Категорию «романтико-эскапистских субкультур» использует Т. Исламшина с коллегами [3, с. 70].

[2] Один респондент, участвовавший в движение в течение нескольких лет, выделил три основные направления в игровом движении: игры на открытом воздухе, когда команды разыгрывают исторические (например, Столетнюю войну) или придуманные (Толкином или самими) события; игры в закрытом помещении типа Подземелья и Драконы; исторические реконструкции повседневной жизни или сражений, прежде всего, в рыцарских клубах.

близко к *туристам*, его отличали жесткая организация и даже ритуализация[3]. В Ульяновске это движение возникло в 1991 г., после того как переведенные на русский язык *Хоббит* и трилогия *Властелин Колец* стали продаваться повсеместно. Если движения, связанные с фантастикой и ассоциирующиеся на Западе с научной фантастикой, высокими технологиями и киберпространством, с трудом могли укладываться в русло ориентированных на духовность романтиков, то российские *толкинисты* явили собой явный пример «индигенизации» глобального культурного движения. Они «не просто копировали западные субкультурные образцы, но перерабатывали их и селекционно усваивали, воспроизводили в соответствии с отечественной культурной традицией» [3, с. 98], а потому существенно отличались от западных *толкинистов* [3, с.100].

Толкинисты, с которыми мы разговаривали в Ульяновске, называли эти игры «чисто российским феноменом» (1 Ульяновск), берущим свое начало не только в среде поклонников Дж. Толкина, но и в идеях клуба Владислава Крапивина 1970-х гг., бардовских движений и *туристов*. Локальная специфичность движения в Ульяновске усиливалась тесными взаимоотношениями с членами клуба *Рысь*, от которых многие толкинисты выучились искусству русской средневековой борьбы (славяно-греческая борьба и кулачный бой), являвшейся центральным элементом игр толкинистов.

Размытость субкультурных границ —проявившаяся в отнесении всех к типов «других» культурных сообществ к неформалам — была главной характеристикой молодежных культурных сцен провинциального Ульяновска. Однако эта размытость была не результатом осознанного выбора в пользу культурного разнообразия; так разные тусовки центра города защищались против своего традиционного культурного врага — гопников[4]. Это можно объяснить тем, что тусовки стали центром «неформальной» коммуникации только в Москве и Санкт-Петербурге и никогда не доминировали в таких городах, как Ульяновск, воспринявших скорее поволжскую модель территориальных группировок, из которых наиболее известен «казанский феномен» [4; 16; 17, p. 141–160]. В слабости стилевых различий, обусловленной общим культурным контекстом, сами неформалы видели незрелость сцены, ее досубкультурное, а не постсубкультурное состояние, что отразилось в описании смешения стилей панков и хиппи в Ульяновске:

[3] Последователи Дж. Толкина имеют долгую историю в России. Изначально их группы входили в общероссийскую организацию. Первые *Хоббитские игры* были официально проведены Всесоюзным Советом Клубов любителей фантастики, и, начиная с 1990 г., проводились ежегодно [18, p. 402].

[4] Слово *гопники* никем не используется для самоидентификации, а применяется (в основном, «альтернативной молодежью») для обозначения провинциальных молодых людей (или людей с окраин в столичных городах), собирающихся во дворах своих домов или недалеко от школ. Гопники антагонистически располагались по отношению к «альтернативной» (*тусовочной*) молодежи, что часто приводило к физическим столкновениям между этими двумя группами.

«Да мешанина совершенная, т.е. полный коктейль… вот идет панк, и у него на лице написано, там совершенно бешеные глаза, там фенек[5] по локоть, ну, в общем, коктейль полный» (253, Ульяновск).

Этот коктейль, однако, вызывал не радость постмодерного смешения стилей, а сожаление. В худшем случае открытость и размытость сцены воспринимались как угроза конкретной *тусовке*; игровики, например, страдали от раздражающего их интереса *сатанистов* (или *оккультистов*), *туристов* и *новых русских* («заказывавших» игры для потехи). В лучшем случае, это интерпретировалось как свидетельство «неаутентичности» локальной тусовки <…>.

Таким образом, не в силу свободного выбора, а в силу необходимости ульяновские неформалы характеризовали свою общность не через приверженность особому субкультурному стилю, а через особое отношение к жизни:

«Это [неформалы] – те люди, которые, например, можно сказать, с надеждой, с надеждой смотрим на будущее, на грядущее будущее, то, что у нас в Ульяновске, наш Ульяновск изменится каким-то образом по поводу молодежи. То есть мы подходим, стараемся подходить не так как другие, нестандартно» (33, Ульяновск)

Другие определения неформалов как «независимых» (29 Ульяновск), как «отличающихся от обычной молодежи» (3 Ульяновск) подтверждали преобладание *отношения*, а не стиля в «альтернативных» идентичностях [15, p. 125]. Однако в данном случае стирание различий между разными стилевыми предпочтениями объяснялось не слабостью групповых идентичностей, а необходимостью отличить и защитить себя от враждебного большинства «другой», «нормальной» молодежи с замашками гопников.

Защищая право на рок: неформалы в Самаре

В Самаре, крупном, но не менее провинциальном поволжском городе, тусовки отличались друг от друга, но идентифицировали себя, в основном, по музыкальным вкусам и предпочтениям, а не по субкультурным стилям:

«Разделение идет по музыкальным жанрам… Основная масса самарской молодежи четко делится по музыкальным направлениям. Я в основном общаюсь с хард-рок, металлистами…» (207, Самара)

Содержание «неформальной» идентичности в Самаре выражалось, в основном, в предпочтении рока электронной данс-музыке, поскольку последняя переживала столь бурное развитие, что начала представлять реальную угрозу для рока. В отличие от ульяновской сцены, которая делилась на «альтернативных» и «мейнстримное» большинство, в Самаре сложилось три полюса: *неформалы*, танцевальная, или клубная сцена и *антинеформалы*.

Роль локальной специфики в развитии сцены была очевидна в Самаре — в центре бардовской музыки. Если организующим центром ульяновских *ро-*

[5] *Феньки* – плетеные полоски (тесьма), которые носили на запястье и традиционно связывали с хиппи или движением *Система* в России; сейчас этим словом называют самые разные молодежные аксессуары.

мантиков был клуб *Рысь*, то в Самаре – *Грушинский клуб*. Самара — родина *Грушинского фестиваля* и считается родиной всего КСП-шного движения. *Грушинский фестиваль* — самый крупный в России фестиваль на открытом воздухе, собирающий около 100 000 любителей бардовской песни и рок-музыки. <…>

В 1998 г. альтернативные идентичности на самарской сцене подверглись значительной реконфигурации. Снижение угрозы гопников позволило неформалам отказаться от ярлыка коллективной защиты и привести свою групповую принадлежность в соответствие с музыкальными вкусами. Однако в это же время возникла угроза «изнутри», в лице новой городской данс-сцены, которая вступила в соревнование с прежними неформалами за «альтернативную» молодежную идентичность. Передел пространства и переопределение внутри «альтернативных» идентичностей стали причиной того, что самарские респонденты демонстрировали большую чувствительность к различиям между «субкультурами», чем молодежь в Ульяновске, хотя межгрупповое напряжение, характерное для московской сцены, в Самаре отсутствовало.

Тусовка вырастает и уходит из дома: московские неформалы

В Москве были устоявшиеся тусовки, независимые от широкой семьи неформалов. <…> Суммируем особенности московской сцены, отличающие ее от провинциальных молодежных культурных сцен.

Первая особенность заключалась в большей развитости сцены скинхедов. Она состояла из футбольных фанатов (которые часто копировали английских фанатов), политизированных молодых «националистов» и собственно скинхедовской тусовки. <…> Зарубежные исследователи полагают, что скинхеды проделали в своем развитии долгий путь от локальных протестных субкультур рабочего класса 1970-х гг. и теперь активно взаимодействуют с национальными и глобальными молодежными культурными сценами и виртуальными пространствами, порожденными новыми информационными технологиями [23; 24]. В начале 1990-х движение скинхедов в Москве было небольшим, в нем преобладали футбольные фанаты и тусовочные *скины*. В конце десятилетия журналистские репортажи подтверждали, что основное место сборов *скинов* – музыкальный рынок на Горбушке, являвшийся традиционным местом неформалов, особенно, в середине 1980-х – где они продавали свой «неонацистский прикид» [9]. Однако А. Тарасов предположил, что в 1990-е гг. названная им «новая фашистская молодежная субкультура» [7, с. 39] быстро развивалась и значительно расширила свою социальную базу; к лету 1998 г., по его подсчетам, в Москве было от 700 до 2000 скинхедов [6, с. 47][6]. По мнению А. Тарасова, поощряемые <…> политикой замалчивания деятельности скинхедов молодые люди из периферийных и неблагополучных частей многих городов России, срывали свою депривированность и зависть к «новым русским» на этнических

[6] В Самаре количество скинхедов им оценивалось в несколько сотен.

меньшинствах и иностранцах [6, с. 50; 7, с. 49][7]. Однако у скинхедов не только локальные корни, но и транслокальные связи: известны использование цветов флага конфедератов (т.е. «южан» гражданской войны в США), международные контакты с неофашистскими группами, поддержка собственных веб-сайтов.

Вторую особенность Москвы представляло движение *зАиБИ* (*За анонимное и бесплатное искусство*). Его деятельность была посвящена развитию «изначального творческого импульса», и потому акцент делался на практике художественного творчества, а не на его «результате», который, как утверждалось, не может быть объектом ни авторства, ни собственности. Эта *тусовка* была довольно необычна, поскольку, обладая значительными ресурсами – собственными печатными изданиями, доступом к помещениям в центре Москвы, оборудованным большим количеством записывающей аппаратуры, – она намеренно избегала институциализации своей деятельности. <…>

Осознанную постмодернистскую идентичность *заибистов* хорошо иллюстрирует эпизод, описанный одним из респондентов, когда он рассказывает о посещении сейшена группы *Distempter* (29 января 1998, *Петроклуб*). Несмотря на то, что по его описанию, сейшен был антифашистским, среди слушателей было около 20 скинов, которые продемонстрировали свою идентичность агрессивными выходками после концерта.

Наконец, третья особенность заключалась в появлении новой тусовки альтернативщиков, чьи музыкальные интересы не признавали границ между данс-музыкой и альтернативным роком (который на момент исследования представляли *Мумий Тролль* и играющие брит-поп группы типа *Оазиса*). Если в провинциальных городах эти группы были популярны как среди *неформалов*, так и на данс-сцене, московские любители этой музыки, по нашим данным, выделились в отдельную группу.

Сложность сцены в Москве неизбежно порождала внутреннюю дифференциацию, наиболее очевидный пример которой – выделение фанатов отдельных групп (*Алисы*, *Кино*, *Арии*) из широкой группы *металлистов*. Внутри большой тусовки дифференциация могла возникать на основе иерархии возраста (*старики* и *пионеры*) и «крутизны» (отличия от других по знаниям, стилю и интеллекту). Однако московская сцена конца 1990-х разительно отличалась от неформалов 1980-х упадком иерархии по возрасту и «крутизне». Ниже мы покажем, что это произошло под влиянием новой данс-сцены и расширения доступа к информации в России <…>.

Клубная и танцевальная сцены: «продвинутые»

«Продвинутую» идентичность провозгласили на клубной и танцевальной сценах; любители последней говорили о себе как о «продвинутых» в целом (237 Самара) и как о слушателях «продвинутой музыки» (54, 60 Москва). Понятие «продвинутости» широко употреблялось ведущими молодежными журнала-

[7] К февралю 2001 г. А. Тарасов насчитывал в Москве уже от 3500 до 3800 скинхедов.

ми, а затем прижилось на клубной и танцевальной сценах. Хотя изначально оно четко отделяло молодежь данс-сцены от «массы» «мейнстримовской» молодежи, позднее его значение распространилось на весь спектр «альтернативной» молодежи в противовес практике обособления, характерной, как считалось, для «старой тусовки». Об этом говорил клабер из Самары:

> «Прогрессивы, они все одинаковые, даже неформалы, кстати, – это те же прогрессивы, это все одно и то же» (215, Москва).

Повсеместно клубная сцена Запада переживала апофеоз разнообразия и беспорядочного нарушения традиционных границ, основанных на классе, этничности, гендере, статусе [12; 14; 21]. В России это отразилось в отрицании «сектантского» деления по музыкальным пристрастиям, преобладавшего, как считалось, среди неформалов, и в его замещении более размытой общностью (237 Самара), основанием для которой, согласно одному 15-тилетнему клаберу из Самары, служила не одежда, и даже не танцы, а просто способность быть «общительным, добрым и мягким» (214 Самара). Однако если на Западе делали упор на телесность и тактильность общности [12], то российские клаберы соотносили движения тела с более широким социокультурным движением – с «продвинутостью»:

> «...общий интерес – это то, что в принципе мы хотим двигаться куда-то дальше, мы не хотим оставаться на одном месте, мы хотим все время развиваться, никакой регрессии, в принципе не должно существовать, поэтому нас объединяет только движение» (253, Ульяновск).

Несмотря на декларируемую открытость и отсутствие иерархии на данс-сцене, внутренняя дифференциация была очевидна, особенно в Москве, где клубы, как и на Западе, отвечали самым разнообразным музыкальным вкусам и сценам. Были клубы, где играли дорогой, но «мейнстримовски-продвинутый» *хаус*, смешанный с *попом* (*Утопия*, *Метелица*), были дизайнерские и трендовые клубы (*Титаник*, *Мастер*) и менее известные, ориентированные на молодежь (*Плазма*, *Луч* (бывший *Птюч*), *Лес*), где *джангл*, *драм-энд-бас*, *габба*, *хард-кор* и *транс* были тяжелее и новее, чем в других клубах. Молодежь ходила в клубы, особенно ранним вечером (до 23 ч), для того чтобы встретить «своих», испытать себя, сделать себе «имя» в качестве ди-джея или промоутера, или собрать свою тусовку. Московские клубы включали в себя и яркие, необычные, альтернативные «сцены»[8], а также геев и «бывших» (российских/советских граждан, уехавших на Запад).

Видео начинало играть все более заметную роль в московских клубах; например, в новом клубе *Вирус* видео-джеи работали наряду с клубными ди-джеями. Были установлены системы флаеров и фейс-контроля, и многие клубы либо совсем не взимали плату за вход, либо делали входные билеты недоро-

[8] Базировалась в клубах *Кризис жанра*, *Вермель*, *4 комнаты*, *Не бей копытом* и *Пропаганда*, которые славились живой музыкой и спокойной, неагрессивной, даже полуинтеллигентной атмосферой.

гими, за исключением особых событий. С провинциальной точки зрения это означало взросление московской сцены. Однако финансовый кризис августа 1998 г. оказал значительное влияние на клубную сцену столицы, замедлил ее развитие и заставил новые клубы обратиться к выгодному игорному бизнесу и развлекательным комплексам. Первые признаки заката клубной московской культуры появились летом 1999 г., когда стало заметно, что ди-джеи все чаще ездят за границу, а данс-сцена разделилась на клубы некритических «потребителей» и клубы избранного членства ди-джеев и музыкантов. Стратификация московской клубной сцены с тех пор институциализировалась через ограничение доступа посредством систем клубного членства. <…>

В Самаре клубная и танцевальная сцены развивались очень быстро, начиная с открытия первых клубов весной 1996 г. В апреле 1998 г. там было уже два специальных молодежных клуба – *Алладин* и *Торнадо*, – стоимость входных билетов в которые варьировалась от 1$ до примерно 5$ на выступления ди-джеев из Москвы или Санкт-Петербурга. В четырех дорогих клубах для «новых русских» с деньгами (*Манхеттен*, *Джунгнли*, *Экватор*, позже к ним добавился *Айсберг*) входной билет в выходные дни стоил 10–15 $. Молодежь ходила туда на «живые» концерты, а по будням собиралась в дешевом клубе *Джунгли*. Было также несколько периферийных клубов, привлекавших специфическую публику, как, например, хип-хоп клуб *Сандра* и находящийся в спальном районе клуб *Пантера*. Локальные дома культуры по всему городу проводили дискотеки по выходным, и некоторые из них называли себя клубами.

Клаберы в Самаре были не так дифференцированы, как в Москве, и по большей части называли себя *прогрессивными* или *продвинутыми*. Для некоторых клаберов клуб стал вторым домом и образом жизни.

Применительно к Ульяновску трудно говорить о «клубной» сцене, хотя осенью 1997 г. там было около 20 ди-джеев, попеременно выступавших в шести клубах и дискотеках (*Сенсация*, *ДК Чкалова*, *Пионер*, *У Иваноффа*, *Пилот* и *Sev-клуб*) и разрабатывавших собственные «альтернативные» проекты (часто называемые *вечеринками*). Осенью 1997 г. ведущий ди-джей города подсчитал, что от 40 до 60 молодых людей регулярно посещают подобные *вечеринки*, в то же время продажи кассет и дисков показывали, что не посещающих клубы слушателей данс-музыки гораздо больше [2].

Неразвитость клубной культуры в Ульяновске, несмотря на широкую популярность рейв-музыки, можно объяснить тремя локальными факторами: материальными условиями данс-сцены; политико-экономическим климатом города; превалирующей социально-культурной атмосферой. Данс-сцены в Ульяновске располагались в помещениях старых домов культуры и дворцов молодежи, построенных по советским проектам и больше подходящих для использования в дневное время (как, например, детские балетные классы), чем для вечерних дискотек. Потому в них не было места для комнат отдыха, мест для баров было мало, и они были неудобны. Огромность залов сводила к

минимуму общение с ди-джеем. Не хватало эмоционального заряда, который возникал от совместного пребывания в ограниченном пространстве и который везде являлся центральным элементом клубной жизни [12, p. 273]. Осознание себя во время танцев усиливалось огромными зеркалами на стенах, поскольку танцующие, глядясь в них, контролировали и выверяли свои движения. Самарским некоммерческим клубам некоторые из этих проблем были тоже знакомы; *Торнадо* располагался в переоборудованном кинотеатре, а *Алладин* – в помещении огромного дома культуры «Звезда»; здания были перестроены и использовались исключительно как клубы.

Сопротивление местной администрации Ульяновска частному предпринимательству затрудняло получение разрешения на открытие клубов. Вдобавок ко всему, местные административные нормы требовали, чтобы дискотеки закрывались в 11 вечера, а подростки до 16 лет не появлялись на улице после 9 часов вечера без сопровождения взрослых. Крайний консерватизм в экономической реформе и патерналистская социальная политика минимизировала дифференциацию в доходах и социальную стратификацию населения города. Это породило всеобщее представление о том, что в клубах и дискотеках только бандиты спускают грязно заработанные деньги, а «молодые люди как мы» туда не ходят. Несмотря на это, участники ульяновской данс-сцены, так же как в Москве и Самаре, считали себя «продвинутыми». <…>

Поскольку многие постсубкультурные теории на Западе строились на эмпирическом изучении клубной жизни, стоит кратко рассмотреть вопрос о том, дошли ли до России вместе с клубной музыкой смыслы клубной жизни.

Из вышеизложенного очевидно, что для российской клубной сцены характерны инклюзивность, «бесклассовость», текучесть и разнообразие, свойственные танцевальным сценам (или, по крайней мере, их восприятию участниками) Запада. Как и там, «субкультурные» идентичности российских клаберов не создавались каким-то эксклюзивным стилем, и главное, что привлекало их в клубной жизни, было чисто физическое удовольствие от танца. Правда, российские клаберы ничего не говорили об удовольствии танцевать в «толпе» и от «слияния с толпой», которое Б. Малбон столь аргументированно считает центральным элементом общности клаберов на лондонской сцене. Ощущение (временного) телесного «слияния» с толпой, музыке и атмосфере, а точнее, пограничного состояния между принадлежностью толпе и «дифференцированием» от нее [12, p. 185–187], действительно, трудно испытать в провинциальном российском клубе. Вместо «интенсивного чувственного контакта» между лондонскими клаберами [12, p. 271] российские клаберы говорили о комфорте и домашнем уюте; клуб для них был «вторым домом». Значение совместных клубных переживаний явно снижалось и приходом в Россию новых стилей городской танцевальной музыки в ее пострейвовской форме. Участники сцены не знали общности и радости, свойственных ранней рейв-сцене. Танцевальное движение развивалось в России после бума экстази, как основного элемента рейв-культуры, и поскольку цены на «танцевальные» наркотики оставались за-

предельными для большинства, особенно, провинциальной молодежи, то эти практики так и не получили аналогичного западному распространения.

На Западе клубная жизнь открывала пространство, где можно укрыться от живущего скоростью постмодерного города, испытывающего дефицит осмысленного социального взаимодействия. «Деиндивидуализирующие» тенденции эпохи постмодерна, подчинение индивида громадному целому, репрезентировались в «оценивании пространства посредством образа, тела и территории» [11, p. 138]. Клуб – просто место для постмодерных «племенных» собраний; в клубе место значит все, а индивид – ничего; в клубе «эгоцентричные» культуры, хотя и временно, замещаются «локоцентричными» [11, p. 138[9]; 13, p. 183]. Пространство современного российского города переживалось совершенно иначе, а потому ценности западной «клубной жизни» в России не могли прижиться.

Городской жизни провинциальной России свойственны не столько скорость, интенсивность, организованность и пунктуальность, сколько неразбериха, дисфункциональность и грязь. Хотя многие россияне, как и обитатели западных городов, разделяли желание большего социального взаимодействия, оно не получило выражения в удовольствии от массовых ритуалов (спортивных зрелищ, шопинг-центров, фестивалей, политических событий), поскольку массовые действа продолжали ассоциироваться с показным на публику единством, лишенным глубокого, внутреннего смысла. «Толпа» в условиях российского города – это не временное собрание ради радости, а постоянное и враждебное присутствие – вталкивание или выталкивание тебя из трамвая или автобуса, стояние в очередях, выкрикивание лозунгов на митинге. Ее осязаемость удручает своей непрошенностью, а перспектива растворить в ней свою личностную идентичность ассоциируется с тоталитарной тиранией, а не с коллективным освобождением.

Поэтому российские клаберы прибежище от города искали не в деиндивидуализации и «племенных» собраниях, а в посттусовочных группах, где люди и места сливаются в живой и непосредственной коммуникации, способствующей личностному «прогрессу», развитию. На макроуровне российская специфика взаимоотношений между клаберами и толпой обусловлена особыми (то есть, не такими как на Западе) отношениями между индивидуализацией и модернизацией. В России индивидуализация происходила в публичных практиках искупления (а не в частных практиках исповедания, характерных для западных христианских обществ) и в условиях взаимного соглядатайства друг за другом [10]. Позднесовременное общество в России тоже не слишком пропитано индивидуализмом, а пространственно-временная близость территориально укорененных и выросших из молодежных группировок культурных

[9] М. Мафессоли, опираясь на лингвистические изыскания Берка, различает локоцентричные культуры, в которых важнейшую роль играет непосредственное окружение или контекст, и эгоцентричные – где на первый план выходят идентичность личности и ее действия [11, p. 138].

практик постоянно напоминает клаберам о сдерживающей культурной силе «масс». На микроуровне российская специфика отношений между клабером и толпой проявлялась в том, что, хотя клаберы танцевали под «глобальную» музыку, сама клубная культура воплощалась в наборе локальных тусовочных практик. Такая форма «эмоциональной общности» [11, p. 9–30] может на самом деле трансцендировать индивидуализм, поскольку она конституируется в непосредственном общении конкретных людей в конкретном месте. Однако ценность, которую приписывали этой коммуникации сами клаберы, коренилась в исконно модерном понимании личностного роста, которое предполагает удаление и отличение от «массы», а не идентификацию с «массой» и растворение в ней.

«Нормальные»: быть обычными

Может показаться, что называние себя «продвинутыми» означало доминирование в молодежных культурных пространствах <…>. На самом деле во всех трех городах, где проводилось исследование, «продвинутые» составляли меньшинство на молодежных сценах. Большинство молодежи <…> тусовалось около своих домов, школ, колледжей, слушали музыку и участвовали в организованных спортивных, музыкальных и других мероприятиях. Это большинство обычно называло себя «нормальной» или «обычной» молодежью, что вовсе не говорило об отсутствии у них культурной активности. Они могли любить поп-музыку, участвовать в спортивных и других мероприятиях, иметь постоянных друзей и проводить с ними время вблизи от дома или учебного заведения. Не узость активности или идентичности отличала «нормальную» молодежь от «продвинутой», а скорее невнятность музыкальной или стилевой идентичности[10]. На самом деле, отчетливая идентификация осознанно отвергалась «нормальной» молодежью:

> «Я считаю, глупо оценивать человека по тому, что он слушает… и если я сейчас услышу, что человек слушает сейчас это, и я навсегда поставлю на нем крест, то это совершенно не верно» (187, Самара).

Большинство обычной молодежи осознавало свое отличие от тех, кого они называли «субкультурщиками», но, как правило, были к ним индифферентны. Однако если *дворовая* компания артикулировала враждебность к субкультурным группам, то последние могли счесть их гопниками (233 Самара). Этим понятием, значение которого не предполагало какой бы то ни было индивидуальности, неформалы и прогрессивные обозначали «жрущую водку, полууголовную серую массу людей» (215 Самара, 11 Ульяновск), которые затевали драки по самым ничтожным поводам: обычно из-за внешнего вида (прически или одежды) (208, 164 Самара; 32, 34, 35, 36 Ульяновск) или из-за того, что кто-то

[10] В меньшей степени это было характерно для Москвы, где идентичности рейверов и рэперов стали настолько массовыми, что превратились в основное разделение внутри московской периферийной молодежи (см. далее).

«выступает» (37 Ульяновск). Поскольку *гопники* определялись как «коллективные» существа, к ним часто применяли собирательные имена (*гопа*, *гопота*) или формы множественного числа (*уличные*, *быки*). Синонимичными понятиями иногда подчеркивали их некультурность или «деревенскость»: *сельчане*, или *сельские* (237 Самара), *крестьяне* (251 Самара) и *урла* (52 Москва). Носители «деревенской» культуры характеризовались как люди, ходящие на дискотеки в дешевых спортивных костюмах и употребляющие там героин (237 Самара), как «глупая посредственность» (251, 252 Самара), как единообразно одетые и невоспитанные (11 Ульяновск).

При структурировании аморфной сцены молодежной культуры очень важно было не наклеить всем, кто не относил себя к «продвинутым» и тусовщикам, ярлык *гопников*. Внутри «нормальных» обнаруживались, по крайней мере, две разные группы молодежи: *обыкновенная* молодежь, то есть, те, кто проводил время в своей *дворовой* компании и участвовал в более или менее организованной досуговой деятельности, и антинеформалы. Обе эти многочисленные группы сознательно противопоставляли себя на молодежной сцене неформалам. *Обыкновенные* представляли неформалов очень обобщенно, как непонятное явления сомнительного морального свойства (18 Ульяновск, 236 Самара), а не как угрозу личностному культурному пространству. Антинеформалы, в отличие от обыкновенных, формулировали не только солидарное неприятие «норм» неформалов, но и позитивные качества «нормальных парней»:

> «Мы – спортсмены… мы – парни, которые… нормальные, которые нас понимают… Около 70 процентов молодежи понимают… мы все тут близкие друзья» (3, Ульяновск).

Отличие обнаруживалось и в том, как эти две группы описывали свою «нормальность». Если дворовые компании говорили о себе как об обычных парнях, то антинеформалы использовали оценочное слово «нормальные», которым выражали уверенность в том, что они представляют «моральное большинство» и что их агрессия по отношению к неформалам отвечает его интересам.

Хотя в конце 1990-х гг. антинеформалы продолжали высказывать враждебность по отношению к неформалам и «продвинутым», степень и природа действительного конфликта между «продвинутыми» и «нормальными» сильно варьировали в разных городах, но в целом накал был намного ниже, чем в 1980-е гг. На момент проведения исследования гопники знали два вида культурной практики: они «били друг друга» и «наезжали на неформалов».

В конце 1990-х практика «наездов» на неформалов отмечалась преимущественно в Ульяновске (13, 12 Ульяновск). «Наезды» обычно производились в форме физических провокаций или оскорблений тех, кого идентифицировали как «других» из-за внешнего вида или манер. В Москве и, отчасти, в Самаре присутствие гопников не ощущалось столь сильно по сравнению с концом 1980-х и началом 1990-х гг. (52, 56, 57 Москва). Некоторые гопники включались в наиболее доступные формы популярной молодежной культуры (таких, как

рейв[11]), а их постепенный уход оттуда обычно объяснялся эффективностью полицейских мер и новым экономическим климатом, который переориентировал (группировки) гопников с традиционных драк *двор на двор* на организованную преступность [5; 16, p. 222–226]. Маркетизация освободила пространство, которое некогда занимали представители «черного рынка», и в этом полулегальном экономическом пространстве гопники выросли в новые фигуры на молодежной культурной сцене: в бандитов и из бригад[12]. В разговорах эту страту часто называли крутыми:

> «Крутые – это те люди, которые имеют власть, имеют какую-то возможность изменить [что-то] силой… силой, деньгами» (33, Ульяновск).

Как не странно, продвижение гопников в более серьезную преступность («охранительный» рэкет, торговля наркотиками) сделало улицы городов более безопасными: межгрупповые столкновения упоминались редко, а драки двор на двор, похоже, происходили только между подростками до 16. Более того, говорили о том, что широкое распространение наркотиков и их употребление вместо водки в обычных местах конфликтов (например, на дискотеках) снизило уровень межгрупповой агрессии (222 Самара).

Участники «продвинутой» сцены ощущали культурную, если не физическую, угрозу со стороны еще одной группы «нормальных» – *новых русских*. Они вызывали антипатию не только потому, что были богаты, но и потому, что «хвастались деньгами и тратили их, обращая на себя внимание» (210 Самара). Новые русские, как правило, ассоциировались с количеством, а не с качеством потребления, в частности, с крутыми автомобилями и золотыми украшениями и вошедшими в анекдоты – красно-бордовыми пиджаками. Их не уважали и им не доверяли, а их материальное благополучие противополагалось «чистой совести»:

> «…есть русская пословица “Сытый голодного не разумеет”… Вот, все мои друзья — голодные… Я буду себя просто некомфортно чувствовать, если рядом со мной будет человек, который будет считать меня неудачником, а все люди, с которыми я общаюсь, знают мою систему ценностей. То есть, что я ценю превыше всего, я знаю, что они ценят превыше всего: нормальные человеческие отношения и наличие мозгов, наличие культуры в мозгу. В то время как у большинства детей новых русских вся культура заканчивается словом “тамагочи”» (231, Самара).

Несмотря на взаимное презрение, между «продвинутыми» и новыми русскими реальных конфликтов не было, поскольку обитаемые ими культурные пространства почти не пересекались.

---

[11] *Быков*, посещавших дорогие ночные клубы, не считали участниками клубной и танцевальной сцены, поскольку их хождение в клубы не было связано с интересом к музыке.

[12] Бандитами называли мелких рэкетиров и других «бизнесменов» в процессе их продвижения от обычных гопников к быкам. В Самаре редкое выражение из бригад было синонимом лысых и обозначало коротко стриженных молодых людей, противопоставлявших себя неформалам и по возрасту старших, чем гопники.

Важно отметить, что оппозиция субкультурного конвенциональному, характерная для субкультурной идентичности, актуализировалась не только у «продвинутых». Большинство «нормальных» молодых людей, равнодушно настроенных к «продвинутым», тоже ее осознавали и осознанно занимали «конвенциональную» позицию. Будь они «новые богатые» или «дворовая голь», они, прежде всего, были «обычными».

Защита территорий и нарушение границ: еще раз о рэпе и рейве

Во всех трех городах, где проводилось исследование, молодежная культурная сцена изображалась в нарративах поделенной на «продвинутых» и «нормальных». Однако это не значило, что территории по обе стороны этой символической границы занимали сплоченные субкультурные армии. Как было показано выше, в секторе «нормальных» выделялись, как минимум, две различные группы, но на самом деле эту территорию населяли индивиды, выражавшие свою «обычность» самыми разными способами. То же самое наблюдалось и в стане «продвинутых». Несмотря на великодушное включение клаберами неформалов в число «продвинутых», клубная сцена демонстрировала к ним снисходительное отношение[13], поскольку выход из такой тусовки упоминался как переломный момент в личностном развитии (250, 253 Ульяновск). Однако «защитная» функция у неформальной идентичности в провинции говорила о том, что (силовые) разборки между разными тусовками или внутри одной тусовки были характерны, в основном, для московской молодежной культурной практики[14], а прямые столкновения между клаберами и неформалами были следствием не институционального межгруппового конфликта, а индивидуальных актов агрессии (241 Самара). Граница между «продвинутыми» и «нормальными» походила на дырявый забор: чем чаще сквозь него проникали, тем реже его защищали. Возникавший в нарративах дискурс границ позволяет понять напряжения, существовавшие между «продвинутыми» и «нормальными стратегиями.

Защита территории была ключевым элементом «нормальной» идентичности в противоположность «продвинутой». Из «продвинутых» только рэперы обозначали и физически защищали свою территорию. Рэперы направляли свою агрессию на два объекта. Во-первых, скинхеды, наиболее обособленная группа из числа «продвинутых»; их движение напрямую ассоциировалось с фашизмом, считалось неприемлемым с моральной точки зрения (227 Самара) и по сути антиславянским (63 Москва). Для рэперов ощущение близости с афроамериканской культурой хип-хопа[15] придавало конфликту личностный смысл:

[13] Фанатов хэви-метал карикатурно изображали пьяными и танцующими «сумасшедшие танцы» (215, 230 Самара).

[14] Правда, один 17-тилетний рэпер из Самары сказал, что принимал участие в разборке между рэперами, панками и металлистами, когда панки оскорбили рэперов (242 Самара).

[15] Признание себя «черным» является общей, хотя и не единственной формой включения в хип-хоп культуру для многих белых европейцев [8, p. 150–165].

«Если поставить рядом скинхеда и меня, это просто будет Север и Юг, плюс и минус, совершенно разные понятия о жизни. Они вот ненавидят негров, а мне нравятся негры. Я их уважаю, потому что … вся музыка пошла от черных, любая музыка: джаз, блюз, регги, хип-хоп, соул, самые лучшие направления в музыке делали черные» (227, Самара).

Конфликты, спровоцированные скинхедами в провинциальных городах, возникали нерегулярно, поскольку их инициировали не местные скины, а приезжие на «гастроли» (34, 35, 36 Ульяновск). Один респондент утверждал, что *Ку Клус Клан* открыл свой филиал в Самаре, и его члены забивают рэперов до смерти (241 Самара); этот рассказ подтверждения не нашел. В Москве много говорили о взаимной агрессии рэперов и скинов, которых описывали как «две великие армии московской молодежи» [9].

Скинхеды были идеологическим врагом; более профанный конфликт за территорию был начат рэперами против рейверов, которыми называли широкую общность «обычных» молодых людей, которые слушали и танцевали под электронную музыку и не входили в «продвинутую» клубную сцену. Рейверами их называла именно тусовочная молодежь. Поскольку придумывание ярлыков являлось тусовочной практикой, этот ярлык отрицался теми, на кого его навешивали:

«…рейверы, нет рейверов, нормальные парни, гопники из бригад, они слушают рейв… (3, Ульяновск).

Слово рейвер не употреблялось для самоидентификации, и его значение было размытым. В Самаре и Ульяновске им иногда обозначали *клаберов* и *кислотников*[16], а также «нормальных» слушателей рейва[17]. В Москве периферийная молодежь почти поровну делилась на *рейверов* и *рэперов*, и территориальный конфликт между ними выливался в войну граффити в любом, мало-мальски культурно насыщенном районе города. Однако ближе к центру война слов переросла в более серьезные действия. Летом 1997 г., например, базировавшаяся в центре группа рэперов начала конфликтовать с *театральными*. Вот как проинтерпретировал этот конфликт один из членов театральной тусовки:

«Рэперы годами собирались на Пушкинской площади, но вдруг решили сказать рейверам, чтоб те очистили их место на Театральной… И рэперы пришли на Театральную и избили трех мальчишек, отобрали у них вещи, т.е. «обули» как мы говорим…» (54 Москва).

[16] К *кислотникам* относили по стилю одежды (яркие цвета), а не по использованию наркотиков.

[17] Возникновение мейнстрима рейверов наряду с настоящими клаберами повторяло структуру английской клубной сцены конца 1980-х гг., когда, по словам Сары Торнтон, возникла «вторая волна вдохновленных медиа, охваченных стадным чувством фанатов *кислотного хауса*» [22, p.205]. Размытость понятия *рейверы* в России весьма примечательна: за два года оно из обозначения наимоднейшей молодежи Москвы и Санкт-Петербурга [25, p. 77] перекочевало на гопнический полюс данс-сцены.

<…> Агрессивное «мужское» позиционирование рэперов на улице, нехарактерное для большинства «продвинутой» молодежи, но типичное для гопников, свидетельствовало о прозрачности границ между молодежными стратегиями. Среди наиболее «продвинутых» культурных форм рэп располагался в ряду музыкальных и танцевальных движений, укорененных в хип-хоп культуру, и имел многие перформативные характеристики нью-йоркской сцены 1970-х гг.[18] так называемых *уличных танцев*. На этом конце спектра рэп интегрировался в общую клубную и танцевальную сцену, и переходы из рэпа в джангл и транс и обратно в рэп происходили очень часто (54 Москва):

> «В основном обычно одна [тусовка], …нет такого жесткого разделения, чтоб там ты — рэп, я — брейк-бит. В основном там все вместе, даже те, кто рэп слушает, они начинают хаус слушать. Ну, как, нужно же на дискотеках под что-то танцевать. А так, жесткое разделение, кто там слушает электронную музыку и рок, там металл, такое есть разделение, а так вот между рэперами…» (228, Самара).

В то же время, истоки хип-хоп культуры как культуры *улицы*, а на самом деле, *над* улицей (то есть, *над* соперничеством группировок) привлекали многих молодых россиян, выросших в городских окраинах, все еще пропитанных территориальными, гопническими стратегиями. Локальный опыт, приверженность территориальной группе и определенный статус в ней являлись центральными в хип-хоп культуре, что находило подтверждение в важности соседских компаний [19, p. 34–35]. Молодых россиян, таким образом, рэп наделял локалистской стратегией, близостью улице и «крутой» маскулинностью вместе с «альтернативным» интересом к музыке и стилю.

Рэперы и рейверы располагались на границе между «нормальной» и «продвинутой» стратегиями. То, что обоим этим течениям свойственны как «продвинутые», так и «нормальные» проявления, является доказательством проницаемости границы между культурными стратегиями. Более того, это означает, что молодежь могла присваивать культурные формы – тот же рэп и рейв – как средство для перехода границы между «нормальными» и «продвинутыми» идентичностями.

Заключение

Российская молодежная культурная сцена конца 1990-х гг. характеризовалась большим разнообразием и текучестью; в то же время молодые люди признавали существенное различие между «альтернативной» («продвинутой») и «конвенциональной» («нормальной») молодежью. В ходе исследования молодежных микрогрупп авторы старались показать, что их обособление происходило не на основе субкультурных стилей, отражающих принадлежность

[18] Например, если для клаберов не столь значимым было умение правильно танцевать, включаться в общий ритм и выглядеть частью целого танцевального действия, то рэперы, любители брейк-бита и хип хопа участвовали в перетанцовках, которые занимали центральное место в ранней хип-хоп культуре Нью-Йорка [20, p. 220].

к социально-экономическим классам, и не по сходству изменчивых образцов потребления. Рискуя приписать чрезмерную сознательность культурной аффилиации молодежи, самоотнесение к «продвинутым» и «нормальным» мы рассматривали как «стратегии», которые строились не только на стиле и музыкальном вкусе, а на широком спектре жизненных позиций. Их принятие было в равной мере обусловлено как социальными разломами прошлого (социально-экономическими, пространственными, гендерными, этническими и сексуальными особенностями), так и способами совладания с настоящим и субъективными картинами будущего. <…>

«Продвинутые»	«Нормальные»
Горизонты	
Обращенность на внешний мир Транслокальная ориентация Нацеленность на «центр» Претензии на центр города	Обращенность на мир непосредственного окружения Локальная укорененность и разметка территории Беспорядочное использование городского пространства
Общение	
Много кругов друзей и знакомых Поощрение разнообразия социальных кругов *Тусовка* – важнейшее место общения	Единственная, стабильная компания друзей Друзья заводятся по месту учебы или проживания
Индивид и общество	
Фокусирование на индивиде Индивидуальный выбор жизненного стиля Рассмотрение употребления алкоголя и наркотиков как личного выбора Отвержение жестких трактовок гендера и гендерных ролей	Фокусирование на группе Соотнесение употребления алкоголя и наркотиков с групповыми нормами Традиционные понятия гендерной идентичности и враждебность к их размыванию
Музыкальная и стилевая практика	
Приверженность определенному музыкальному направлению Культурный капитал видится в знаниях о музыке и музыкальных предпочтениях В одежде и аксессуарах создается индивидуальный стиль	Музыка не составляет культурный капитал Музыка служит фоном для других видов активности в кампании сверстников Враждебность к внешнему выражению стиля Ориентация на актуальную моду

Молодые люди, придерживавшиеся «продвинутой» стратегии, имели корни в старой российской тусовке субкультурных групп. Это проявлялось в их стремлении к созданию индивидуального стиля, а не «следованию моде», а в их увлечении музыкой главными были поиск новой информации и обращенность к внешнему миру. Таким образом, «продвинутые» чаще имели контакты и доступ к опыту и продуктам западной культуры, и сами себя характеризовали через ориентированность на внешний мир (на Запад) и стремление к личностному росту. В частности, они говорили, что «спокойно», «по-западному» относятся к проблемам гендера и гендерных ролей (но на практике придержи-

вались консервативных взглядов на сексуальность. Широта горизонтов «продвинутых» молодых людей, их готовность выйти за локальные, социокультурные рамки, отчетливо проявлялась в их стремлении к «центру». Они отвергали «провинциализм» и претендовали на центр города как на место своей культурной практики (тусовки), которое все больше перемещалось в клубы, кафе и бары с улиц, парков и станций метро, где собирались тусовщики позднесоветского периода. Их активность происходила, в основном, в тусовках. При этом у «продвинутых» было много кругов друзей и знакомых, и они гордились разнообразием людей, с которыми общались. Кроме того, в тусовочных компаниях «продвинутые» видели, прежде всего, *индивидов*; они подчеркивали свободу выбора жизненного стиля и перед групповыми нормами отдавали приоритет личной ответственности за принятие решений, например, об употреблении алкоголя и наркотиков.

«Продвинутые» стратегии отчетливо артикулировались теми, кто их придерживался, большинство же молодых людей никак не отличали ни себя, ни других, а описывали себя как «нормальных». Хотя под этим понятием скрывались сразу две стратегии – обычных ребят и антинеформалов, – оно, по крайней мере, соответствовало терминологии самой молодежи и было лучше, чем простое негативное определение «нетусовочная молодежь». Отчасти, по крайней мере, «нормальная» стратегия строилась на отвержении тусовочной практики, что особенно очевидно показывает непринятие и даже враждебное отношение к *выделению* по внешнему виду и стиранию традиционных гендерных границ. В следовании актуальной моде и недовольстве одеждой унисекс и длинными волосами отражались не только позитивные стилевые предпочтения, но и отвращение к нарушению традиционных гендерных норм, что, как им казалось, было характерно для альтернативной молодежи. Хотя «нормальные» выражали свои музыкальные вкусы, они использовали музыку не как культурный капитал или как нечто, имеющее самостоятельную ценность, а как фон для других видов активности, в частности для встреч с лицами противоположного пола или распития спиртного со сверстниками того же пола. Таким образом, «нормальные» отвергали различение молодежи по субкультурным стилям и социализировались внутри единственной, стабильной компании из тех, с кем вместе учились или проживали в одном доме или дворе. Хотя структура группировок, распространенная в 1980-е и начале 1990-х гг., почти везде исчезла, все же группа существовала над и поверх своих членов. «Нормальные», например, ориентировались на групповые нормы, а не на личностный выбор, в употреблении наркотиков и алкоголя. Наиболее сильный контраст с «продвинутыми» проявился в том, что «нормальная» молодежь локально привязывала свою культурную практику к дому (двору) или месту учебы, а не к «центру». Городское пространство они использовали диффузно, когда «шли гулять», и много времени проводили во дворе или в подъезде, как бы контролируя «свою» локальную территорию. В этой практике отражались узость горизонтов и локальная стратегия ориентации на мир непосредственного окружения в совладании с настоящим.

Библиографический список

1. *Бек У.* Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
2. *Блумфельд Р.* Технопрорыв! // Венец. Ульяновск, 1997. 1, 6, 8 авг.
3. *Исламшина Т.Г. и др.* Молодежные субкультуры. Казань: КГТУ, 1997.
4. *Салагаев А.Л.* Подростковая компания и предкриминальная группировка как условия социализации // Актуальные проблемы социального развития региона: Тезисы междунар. конф. Барнаул: Б.и., 1989.
5. *Салагаев А.Л.* Общественные структуры и неформальные движения // Психопедагогические проблемы работы с учащейся молодежью. Казань: КГТУ, 1995.
6. *Тарасов А.* Порождение реформ: Бритоголовые, они же скинхеды // Свободная мысль. 2000. № 4.
7. *Тарасов А.* Порождение реформ: Бритоголовые, они же скинхеды // Свободная мысль. 2000. № 5.
8. *Bennett A.* Popular Music and Youth Culture. Basingstoke: Macmillan, 2000.
9. *Caryl C.* Rapping in Red Square // U.S. News and World Report // 1998. May 18.
10. *Kharkhordin O.* The Collective and the Individual in Russia: A Study of Practices. Berkeley: University of California Press, 1999.
11. *Maffesoli M.* The Time of the Tribes: The Decline of Individualism in Mass Society. L.: Sage, 1996.
12. *Malbon B.* Clubbing: Consumption, Identity and the Spatial Practices of Every-Night Life // Cool Places: Geographies of Youth Cultures / Ed. T. Skelton, G. Valentine. L.; N.Y.: Rutledge, 1998.
13. *Malbon B.* Clubbing; Dancing, Ecstasy and Vitality. L.: Rutledge, 1999.
14. *McRobbie A.* Postmodernism and Popular Culture. L.; N.Y.: Rutledge, 1994.
15. *Muggleton D.* Inside Subculture: The Postmodern Meaning of Style. Oxford: Berg, 2000.
16. *Omel'chenko E.L.* Young women in provincial gang culture // Gender, Generation and Identity in Contemporary Russia / Ed. by H. Pilkington. L.; N.Y.: Routledge, 1996.
17. *Pilkington H.* Farewell to the tusovka: Masculinities and Femininities on the Moscow Youth Scene // Gender, Generation and Identity in Contemporary Russia / Ed. by H. Pilkington. L.; N.Y.: Rutledge, 1996.
18. *Rayport Rabodzeenko J.* Creating Elsewhere, Being Other: The Imagined Spaces and Selves of St. Petersburg Young People, 1990–95: Dissertation submitted in candidacy for the degree of Doctor of Philosophy / Department of Anthropology, University of Chicago. Chicago, 1998.
19. *Rose T.* Black Noise: Rap Music and Black Culture in Contemporary America. Hanover: Wesleyan University Press, 1994.
20. *Stapleton K.* From the Margins to Mainstream: the Political Power of Hip-Hop // Media Culture and Society. 1998. Vol. 20. April.
21. *Thornton S.* Club Cultures: Music, Media and Subcultural Capital. Cambridge: Polity Press, 1995.
22. *Thornton S.* The Social Logic of Subcultural Capital // Gelder K., Thornton S. (eds.) The Subcultures Reader. L.; N.Y.: Rutledge, 1997.
23. *Ware V., Back L.* Dark Thoughts on Whiteness. Chicago: University of Chicago Press, 2001.

24. *Willems H.* Right-Wing Extremism, Racism or Youth Violence? Explaining Violence Against Foreigners in Germany // New Community. 1995. Vol. 21. № 4.
25. *Yurchak A.* Gagarin and the Rave Kids: Transforming Power, Identity and Aesthetics in Post-Soviet Nightlife // Barker A.M. (ed.) Consuming Russia: Popular Culture, Sex and Society Since Gorbachev. Durham; L.: Duke University Press, 1999.

Пер. с англ. О.А. Оберемко, Ульяна Блюдина

Против кого дружим? Этнический дискурс в кубанской прессе

Я.В. Ракачёва*

Общая характеристика периодической печати Кубани

Общероссийские процессы трансформации СМИ, их роли и места в жизни общества оказали существенное влияние на кубанскую прессу, в частности, на рост числа изданий и их дифференциацию по тематике, идеологии и другим параметрам.

В 2000 г. на каждую тысячу жителей Краснодарского края приходилось 311 экз. газет и журналов. Это достаточно высокий показатель, если учесть, что в среднем в РФ он составлял 202 экз. При этом средняя цена на подписку — в 2,5 раза ниже среднероссийской [1, с. 64–65]. Такая ситуация складывается прежде всего благодаря существенной финансовой поддержке большинства кубанских изданий из краевого бюджета. Некоторые авторы усматривают в этом стремление удерживать местные СМИ в экономической зависимости [17, с. 14].

По форме собственности основные газеты Краснодарского края диверсифицированы: очень незначительно число изданий, непосредственным собственником которых выступают органы власти. Так, учредителями официальной газеты «Кубанские новости» является администрация края и государственное унитарное предприятие Газетно-информационный комплекс «Кубанские новости», газеты «Кубань сегодня» — одноименное закрытое акционерное общество, газеты «Краснодарские известия» — ООО Издательство «Краснодарские известия», газеты «Вольная Кубань» — ЗАО «Вольная Кубань». Государственная поддержка оказывается властью редакциям СМИ, внесенных в краевой реестр средств массовой информации [14].

Издаются и независимые от краевого бюджета газеты: «Кубанский край», «Наша Кубань», «Провинция–Юг», «Жизнь», «Кубанский край», журнал «Люди года» и некоторые другие. Не отражают точку зрения краевых орга-

* Ракачева Ярослава Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории и социологии Кубанского госуниверситета. Электронная почта: jaroslava.r@mail.ru

нов власти региональные выпуски общероссийских СМИ — «Комсомольская правда – Кубань», «Московский комсомолец на Кубани», «Аргументы и факты – Кубань». Эти издания не были включены властями в созданный ими реестр государственной поддержки региональных СМИ, и тиражи этих газет из-за недостаточного финансирования не превышают 10 тыс. экз. Лояльные власти газеты, финансируемые из краевого бюджета, по тиражности значительно превосходят независимые издания. Например, «Кубанские новости» выходят тиражом 32 тыс. экз., «Кубань сегодня» — 22,3 тыс. экз., «Краснодарские известия» — 25,9 тыс. экз., «Вольная Кубань» — 21 тыс. экз.

В отдельную группу можно выделить издания, осуществляемые неправительственными организациями, как общественно-политическими, так и национально-культурными, однако тиражи этих изданий, как правило, не превышают 1000 экз. и распространяются в основном среди очень узкого и специфического круга читателей, т.е. в широкую продажу не поступают. Это такие издания, как «Школа мира» (учредитель — Новороссийский комитет по правам человека), «Открытый міръ» (Краснодарский клуб гражданского образования ККОО «ТС “Южная волна”»), «Новая реальность» и «Сила сетей» (Южный региональный ресурсный центр), а также «Маштоц» (газета Краснодарского общества армянской культуры им. М. Маштоца), «Дружба» (газета Краснодарской краевой корейской национально-культурной автономии) и др. Кроме того, финансовые и организационные проблемы, с которыми обычно сталкиваются издатели, нарушают периодичность их выхода в свет.

Таким образом, при определенном разнообразии рынка кубанских СМИ, все-таки доминирующие позиции занимают патриотические краевые власти издания. По мнению М.В. Саввы и Е.В. Саввы, именно общее соотношение бюджетных расходов на СМИ ко всем расходам отражает тенденцию взаимодействия власти и средств массовой информации региона. Для кубанского рынка печатных СМИ характерен высокий уровень их бюджетной поддержки, что обусловливает содержание публикуемой информации, в целом лояльной властям [16, с. 14].

Бюджетная поддержка СМИ в Краснодарском крае имеет под собой законодательную основу. В ст. 2 Закона «О государственной поддержке средств массовой информации Краснодарского края» № 66–КЗ, принятом Законодательным Собранием края 25 февраля 1997 г., отмечается, что краевые власти берут на себя обязательство поддерживать краевые, районные (городские) газеты, организации теле- и радиовещания путем предоставления налоговых и иных льгот, выделения средств из краевого бюджета на развитие их материально-технической базы и частичную оплату расходов, связанных с их производством и распространением (расходы на приобретение бумаги, оплату услуг полиграфических предприятий, федеральной почтовой связи, передающих центров). Такая поддержка, объясняемая необходимостью обеспечения конституционного права граждан на получение своевременной и объективной информации, информационного обеспечения реформы местного самоуправления и актив-

ного участия граждан в местном самоуправлении, осуществляется с учетом средств, поступающих из федерального бюджета в соответствии с действующим законодательством [14, с. 39].

Нужно отметить, что зависимость от бюджетного финансирования СМИ в крае нельзя рассматривать как абсолютно позитивное или негативное явление, ведь большая часть краевых, районных и городских газет издается именно благодаря поддержке органов власти. Политика субсидирования печати существует во многих странах, однако в каждой из них она реализуется по-разному. В Швеции, например, субсидируются «вторые» газеты на региональных рынках. По словам Е.Л. Вартановой, если бы в Финляндии отменили субсидии, страна недосчиталась бы половины изданий [2, с. 71].

Однако в краевых условиях бюджетное финансирование газет, позволяющее им сохранять приемлемую для читателей цену и соответственно привлекательные для рекламодателей тиражи, используется как основной инструмент влияния власти на прессу.

Другим механизмом является ограничение или вовсе закрытие доступа к властной информации для журналистов тех изданий, которые властью не поддерживаются. Так, представители правозащитных организаций в крае встревожены тем обстоятельством, что администрация губернатора закрыла доступ журналистов некоторых газет на свои совещания, и склонны расценивать такие действия как нарушение прав граждан на свободное получение информации о деятельности избранной власти, как ее стремление уйти из-под контроля общества. Государственные органы Краснодарского края также нередко нарушают права журналистов и граждан на получение открытой информации по общественно значимым вопросам путем замалчивания или дачи ответов не по существу поставленных вопросов.

По мнению М.В. Саввы и Е.В. Савва, в крае в качестве доминирующей (но не единственной) сложилась авторитарная модель печатных СМИ, которая предполагает поддержку и проведение прессой политики действующей власти и высокую степень влияния власти на содержание публикаций и, следовательно, высокую степень ответственности власти за социальный эффект редакционной политики [17, с. 19].

Модели репрезентации межэтнических отношений

Высокий уровень влияния власти на прессу в Краснодарском крае определил такой феномен, как значительный эффект их совместного воздействия на общественное мнение, в том числе и в сфере межэтнических отношений.

Распространенной формой влияния властных элит является их идеологическое воздействие на массовое этническое сознание населения. Речь идет о конструировании с помощью местных средств массовой информации особых, выгодных для определенных групп людей, новых общественных представлений и установок. Представители элиты — высшие административные чиновники и

их окружение, научная и художественная интеллигенция, представители разных политических и других общественных объединений и журналисты — выступают сегодня основными авторами, формулирующими и распространяющими в массовом сознании современные этнические идеи [11][1].

Политические и другие интеллектуальные лидеры создают в соответствии со своими целями и интересами новые этнополитические и этнокультурные системы ценностей, что способствует направленному формированию массовых этнических ориентаций и установок у населения [10].

Широко используется прием, когда образ опасности, исходящей от определенной категории лиц, может быть создан различными средствами, с помощью которых устанавливается связь между их присутствием на определенной территории и реальными/потенциальными проблемами.

Используя классификацию О. Карпенко [5], которая выделяет три типа дискурсивных стратегий, присутствующих в российской прессе в отношении иноэтничных групп населения («гостей с юга», «чужих») «охранную», или «хозяйскую»; «этническую», или «самобытную»; «правозащитную», или «законную», попытаемся проанализировать кубанские СМИ на предмет преобладающей стратегии. Прежде всего отметим, что разные дискурсивные стратегии четко разделены между различными по идеологической направленности печатными изданиями.

Использование «охранной» стратегии в условиях кубанских СМИ в большей степени свойственно официальной краевой прессе (а также большей части тех изданий, которые финансируются из краевого бюджета, а соответственно ангажированы властными структурами и тиражируют точку зрения краевой администрации).

Данная стратегия предполагает выделение «хозяев», «местных» (в нашем случае казаков или всего славянского населения края) и «гостей», «пришлых» (представителей неславянских народов, мигрантов) на определенной территории (Кубани). В качестве высшего рассматривается порядок, установленный «хозяевами», «коренными» жителями территории, который предполагает некий набор условностей, следовать которым обязан любой житель. Несоблюдение этих условностей рассматривается как нарушение, попытка установить свой порядок. Такая постановка вопроса встречается в заголовках многих краевых газет: «Как ты смеешь здесь ходить, по-турецки говорить?» [13], «Турки въехали в чужой монастырь со своим уставом» [7]. Такое поведение должно быть подвергнуто общественному порицанию, исключено, стигматизировано. «Хозяевам» — казакам, коренным жителям приписывается доминирующая позиция, они владеют условностями и правом требовать их соблюдения от других.

[1] См. также серию сборников, изданных в Институте этнологии и антропологии РАН в рамках федеральной программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе» [3].

«Дом» — это прежде всего «НАШ дом», а не «ОБЩИЙ дом», и данная стратегия ориентирована на выделение «наших» — имеющих право быть «хозяевами», и «не наших» — таким правом не обладающих или необоснованно/незаконно на него претендующих. Этот аспект также находит отражение на страницах газет: «Нашествие» [13], «Кубанцы не должны страдать от неконтролируемого наплыва мигрантов» [8], «Необходимы безотлагательные и действенные меры, чтобы сохранить межэтнический баланс» [9] и т.д. Показательно, что издания, опубликовавшие материалы под такими заголовками, относятся как к финансируемым из краевого бюджета («Кубанские новости», «Кубань сегодня» и др.), так и финансово независимым от краевых властей («Московский комсомолец на Кубани»).

В данной дискурсивной стратегии условность сильнее «буквы закона», в ней происходит оправдание незаконных действий. «Законы» делятся на соответствующие интересам «хозяев» и им не соответствующие. Первые необходимо соблюдать, вторые можно безнаказанно обходить, нарушать. (Принятие нового миграционного законодательства в крае, по словам самих законодателей, вступает в противоречие с федеральными законами, вывод — нужно менять законы РФ.)

В меньшей степени в кубанской прессе присутствует «этническая» («самобытная») стратегия, с помощью которой утверждается исключительная ценность этнического разнообразия. Сохранение «самобытных этнических культур» рассматривается как препятствие унификации и обезличиванию человечества. Для этого подхода характерно отождествление «культуры» и «этнической культуры». «Культура» оказывается поделенной между различными «этносами», сохранение «культуры» ставится в прямую зависимость от сохранения «этносов». Однако здесь она приобретает опять же свою «кубанскую» специфику. Народ, культура которого нуждается в защите и сохранении, — это прежде всего казачество (или славянское/русское население края). Культурные ценности «чужих» вступают в противоречие с местной культурой, угрожают ей.

На уровне индивида владение им своей этнической культурой рассматривается как база стабильной личности. Утрата этнической идентичности ассоциируется с кризисом, утратой «корней» [5, с. 173].

Соответственно во главу угла ставится коллективное право представителей этносов на воспроизводство своей культуры. Мобилизованные под этническими лозунгами активисты этнических движений выдвигают претензии на государственные ресурсы, льготы и т.д. В основе этих претензий уверенность, что этнос должен охраняться государством в той же мере, в какой охраняются памятники культуры.

Этот дискурс делят между собой лояльные краевой власти и независимые правозащитные медиа Кубани. Первые отстаивают необходимость сохранения и развития самобытной культуры кубанского казачества (местного насе-

ления), вторые активно защищают и отстаивают идентичность «некоренных» народов, проживающих в крае, где последние «подвергаются дискриминации» («Жертвуем целым народом») [18].

Признание главенства прав человека является основой для «правозащитной» («законной») стратегии. Права человека и законы, в которых они утверждаются, представляют собой высшую ценность, все люди равны перед законом.

В российском (краевом) контексте в центре внимания «правозащитной» стратегии оказываются государственные институты, в чьи обязанности входит следование «букве закона». Реализация стратегии обеспечивает информирование общества об уклонении представителей власти от соблюдения прав, зафиксированных в действующем законодательстве, принятых международных соглашениях и т.д.

Основополагающим принципом правозащитного дискурса является индивидуальное отношение к объекту высказывания. В его рамках действует правило, в соответствии с которым стороны конфликта должны быть обозначены как конкретные индивиды. Следование этому правилу исключает возможность обобщений, характерных для всех других дискурсов. Эта невозможность, в частности, выражается в отсутствии метафор и редком использовании собирательных категорий («кавказцы», «армяне»).

Следование данной стратегии предполагает обоснование тезиса структурной подчиненности «жертвы». Она нуждается в защите, так как подчинена «нарушителю», обладающему несоизмеримо большей властью, и имеет слабые шансы повлиять на решение своего вопроса без участия в деле «правозащитника» («Паспортно-визовая служба вышла на “охоту”». «На Кубани продолжается экономическое выдавливание этнических меньшинств». «Правоохранительные органы незаконно изъяли паспорта у турок-месхетинцев на новороссийском рынке» [19]).

Нельзя не заметить, что многие публикации в правозащитной прессе отступают от некоторых основных принципов стратегии, в частности, от правила не акцентировать этническую принадлежность жертвы.

Однако, по мнению О. Карпенко, в некоторых случаях действующие в правозащитном дискурсе о «гостях с юга» агенты могут иметь этничность, но при этом сам дискурс этническим не является [5, с. 174].

В случае правозащитного дискурса этничность жертв выступает как одна из их социальных идентичностей. Главенствующая в этом наборе — категория юридического статуса лиц (граждан или неграждан России), которые имеют право и должны быть защищены российским и/или международным законодательством от произвола представителей власти, которые от выполнения этих законов по каким-либо причинам уклоняются.

Этот дискурс представляет собой развертывание концепции прав человека в область их нарушения по этническому/расовому признаку. Дискурс является

антигосударственным, так как функция, которую берут на себя акторы, говорящие в нем, состоит в критике выполнения государственными структурами формальных (писаных) законов.

В то же время анализ независимой правозащитной прессы (бюллетень «Открытый міръ» Краснодарского клуба гражданского образования ККМОО «Южная волна») дает возможность говорить об использовании тех же лексем и механизмов в презентации материалов по межнациональной тематике.

По мнению В. Острожного, концептуальные базы, используемые краевыми СМИ патриотической и демократической направленности, фактически идентичны. Концепты «нашествие», «выдворение», «вторжение», «выдавливание» и прочие могут быть квалифицированы как экстремистская семантика. Подобные квалификаторы способны психологически вызывать тревогу. Журналисты достаточно часто пишут с позиции силы и давления. Власти через СМИ пытаются надавить на лидеров меньшинств, правозащитники, апеллируя к международному праву, пытаются надавить на власти и т.д. [15].

Не уступают своим оппонентам — краевым изданиям, финансируемым властью, правозащитные независимые СМИ и в приувеличенном внимании к самой теме. Из 27 номеров бюллетеня «Открытый миръ» за 2000–2003 г. этническая проблематика присутствует на страницах 9 (1/3), общее количество публикаций — 11. Не нужно говорить, что не только способ подачи материала, но и частота обращения к той или иной проблеме способны ее чрезмерно актуализировать и драматизировать.

Интенсивность и направленность этнических дискурсов по данным контент-анализа

Исходя из позиции, что СМИ непосредственным образом несут аудитории информацию, рассчитанную на формирование определенных мировоззренческих установок, выработку определенной картины мира, определенных норм, ценностей, моделей поведения, идей, убеждений, стремлений, мы предприняли контент-анализ краевой прессы[2]. Цель исследования — выяснить, в каком объеме этническая информация присутствует в газетах, какова общая эмоциональная направленность публикаций на этническую тематику. В ходе исследования анализу были подвергнуты 3 краевые ежедневные газеты: «Кубанские новости» (далее КН), «Кубань сегодня» (КС), «Вольная Кубань» (ВК) за 2001–2003 гг. Выбор данных изданий был определен прежде всего тиражом. Все указанные газеты имеют самый большой тираж среди издаваемых в крае, а следовательно, и самую большую читательскую аудиторию, которую чаще всего представляют как устойчивую совокупность людей, возникающую на основе общности их информационных потребностей и интересов, а также способов, каналов удовлетворения этих потребностей [6, с. 190].

[2] Активное участие в проведении контент-анализа принимали студенты отделения социологии ФИСМО КубГУ Александр Карабут, Виктор Слободенюк, Евгений Шиянов.

Анализу подлежали все номера данных изданий за указанный период, т.е. использовалась методика сплошного отбора. В качестве *категорий анализа* были выделены этнические маркеры, в частности этнонимы и производные от них, используемые строго в этническом смысле (русские, немцы, армянский, корейские и т.п.). За *единицу анализа* был принят материал (статья, сообщение и т.д.), содержащий этническую направленность. Также учитывались содержательные характеристики материалов: тематика, эмоциональная окрашенность, направленность (позитивная, негативная, нейтральная) и пр.

За период с января 2001 г. по сентябрь 2003 г. было выявлено 388 публикаций, содержащих этническую информацию и «национальные» лексемы.

По изданиям число публикаций распределилось следующим образом: «Кубанские новости» — 231 статья, «Кубань сегодня» — 97, «Вольная Кубань» — 60. Будучи официальной газетой краевой власти, «Кубанские новости» активнее других изданий разрабатывают этническую тематику.

Неравномерно распределялись материалы и в самих изданиях. Самым «урожайным» на этнические публикации стал 2002 г. — 187 статей, это почти на четверть больше, чем в предыдущем 2001 г. — 140, в 2003 г. было опубликовано на этническую тему на начало сентября во всех трех газетах 63 материала. Таким образом, наблюдается снижение количества материалов, содержащих этническую информацию.

Число публикаций, в которых получила отражение этническая тематика, варьировалось от 0 до 19 статей в месяц. В среднем на один месяц приходится 12 публикаций. Цифровой ряд публикаций, распределенных по месяцам, дает возможность также увидеть определенную закономерность: увеличение публикаций с этнической информацией приходится, как правило, на весну (март, апрель) и осень (октябрь, ноябрь).

За весь рассматриваемый период с (1 января 2001 г. – 1 сентября 2003 г.) в публикациях было упомянуто 53 народа, проживающих как на территории края, так и за его пределами. Наибольший интерес краснодарские журналисты проявили к казакам. В исследуемых изданиях они упоминаются в 148 публикациях. Это 38% всех материалов, содержащих этническую информацию. Причем из них 75 статей посвящены только казачьей тематике: истории, бытовым, культурным и религиозным традициям, персоналиям, современным процессам и событиям в кубанском казачестве. Лидером в освещении казачества выступают «Кубанские новости», в номерах которых опубликовано 118 статей.

Следующим (в порядке снижения количества публикаций) этносом являются русские: о них идет речь в 75 публикациях кубанских газет. Далее следуют турки-месхетинцы (71), армяне (51), адыгейцы (36), курды (30), цыгане (27), белорусы (24), чеченцы (24), украинцы (19), греки (18), грузины (16), крымские татары (12), ассирийцы (10), татары и азербайджанцы (по 9), абхазы (8), немцы и корейцы (по 7), турки, ингуши, карачаевцы, балкарцы и калмыки (по 6), дагестанцы (5), таджики, болгары, сербы, осетины (по 4), молдаване, югославы и

евреи (по 3), поляки, вьетнамцы, горцы, узбеки, китайцы (по 2), чехи, французы, албанцы, афганцы, казахи, шапсуги, кубинцы, черкесогаи, ногайцы, тюрки, черкесы, индусы, пакистанцы, итальянцы, арабы, кумыки, румыны (по 1 публикации).

88% всех этнических публикаций в кубанской прессе посвящены казакам, русским, армянам и туркам-месхетинцам и только 12% материалов оставшимся 49 народам.

Нельзя не отметить, что на долю отдельных этнических групп, таких, как турки-месхетинцы, курды, цыгане, не относящихся к многочисленным группам среди населения края, приходится значительное количество публикаций. Так, доля статей, затрагивающих турецко-месхетинскую проблему, в общем количестве этнических публикаций составляет 19%, тогда как доля самой группы в составе населения края исчисляется 0,3%.

Можно предположить, что степень внимания в прессе к тому или иному народу характеризует глубину проблемы либо желание эту проблему актуализировать.

Много или мало печатают кубанские СМИ статей на этническую тему? Здесь нельзя дать однозначного ответа. К примеру, исследование, проведенное в Иркутской области по материалам 9 областных газет за 13 лет (1987–2000 гг.), обнаружило в них 347 публикаций, содержащих национальные лексемы, это в среднем 27 материалов в год [4].

Этничность в сообщениях СМИ пронизывает все сферы жизни — от политики до мелких бытовых событий.

Нами в процессе анализа было выделено несколько основных тематических групп, по которым распределялись публикации, содержащие этническую информацию:

– отношения между этносами и этническими группами, их взаимодействие с обществом, его институтами на основе оппозиции конфликтность–толерантность;

– действия представителей различных этносов и этнических групп в континууме законопослушность–противоправность;

– общественно-политическая и культурная активность народов;

– степень открытости или замкнутости этнических общностей, их взаимодействия или изоляции от окружающего общества;

– общекультурный уровень, степень образования и проблемы, связанные с образовательной сферой;

– демографические проблемы;

– миграционная активность представителей различных этнических общностей.

На первом месте среди публикаций на этническую тему находятся материалы, освещающие проблемы *общественно-политической и культурной активности народов* (61 %). В рамках этой темы рассматриваются проблемы эт-

нокультурного развития этносов, этнического возрождения, развития национальных традиций, обычаев, языков, интерес к этнической истории. Подобная информация, активно распространяемая в прессе, направлена на формирование этнической идентичности (порой гипертрофированной) представителей определенной группы, на их сплочение на основе единой истории, единых ценностей, традиций, обычаев, а порой и единой территории. Но далеко не всегда подобные материалы содержат в себе только позитивный подтекст. В некоторых случаях они создают почву для психологического противопоставления одной части населения другой — иноэтничной, якобы нездешней. Через подобную информацию довольно часто проводятся идеи желаемого доминирования одной национальности над другой, ведется разговор о необходимых льготах и привилегиях для представителей так называемых коренных, титульных народов. И в этом отношении подобные материалы могут формировать интолерантные установки у аудитории. Здесь журналистам необходимо соблюдать этноинформационный баланс, человеческую и этническую деликатность и профессионализм в отношении подобных сюжетов.

Соотношение позитивной и негативной информации в статьях с подобной тематикой выглядит следующим образом: 94% статей отмечают культурную и общественную активность этносов со знаком «+» и только 6% несут негативную информацию. Высокая активность в сфере культурной и общественной жизни в крае свойственна казачеству. Это отмечено в 122 публикациях. В основном это статьи, посвященные казачьей истории, традициям, общественным инициативам народов, проживающих на Кубани («По стопам Захария Чепиги», «Любо, “Казачок”!», «Казаки против наркотиков», «Центру национальных культур 10 лет» и др. (КН).

Вторую позицию занимают русские (33 статьи), затем турки-месхетинцы (28), адыгейцы (24), армяне (16), белорусы (15) и греки (9).

Характерно, что количество публикаций о традициях, обычаях, культуре других народов, проживающих на территории Кубани, о добрососедских отношениях, сотрудничестве между ними незначительно.

Вторую по численности группу составляют публикации, связанные с *законной или противоправной деятельностью* представителей отдельных народов. Здесь проявляется обратная зависимость: число публикаций, посвященных противоправным действиям представителей различных этносов и этнических групп (78 %), значительно превышает информацию о законных действиях. Причем наиболее активно рассматривается проблема «этнического криминала», когда в отдельных материалах представители разных этносов представляются как преступники, а сами преступления связываются авторами публикаций с определенными национальностями.

Вот типичные заголовки краевых газет в этой группе: «Милиция уходит в табор» (КН, 01.03.02); «Табор уходит под статью» (ВК, 06.06.01); «Турок осудили» (ВК, 05.09.01); «Сказ об Иване-паразите и торговке Жанне» (КН, 26.03.02);

«Про корейских мужиков, лес срубивших до пеньков» (КН, 07.05.02); «По Кубани гуляет наркотабор» (ВК, 19.03.02.); «Задержана цыганка-наркокурьер» (КС, 15.01.03.).

Чаще всего в связи с противоправными действиями упоминаются в кубанских СМИ турки-месхетинцы (58 статей), второе место занимают армяне и цыгане (по 24 публикации), затем курды (22) и чеченцы (21). С некоторым отрывом от них идут азербайджанцы (7), грузины (7) и корейцы (6). Законопослушность же в большей степени свойственна казачеству, которое кроме всего выступает «гарантом» законности и правопорядка (28 статей): «Казаки за спорт и против наркотиков» (ВК, 24.04.02), «За рынками, кроме казаков, следить некому» (КН,09.11.01), «Казаки — барьер наркотикам» (КН, 01.06.02), «Казаки — первые милиционеры на Кубани» (КН, 29.07.03).

Эта тема весьма конфликтогенна, поскольку нередко на основании одного-двух примеров в СМИ делаются обобщения о поголовной преступности среди представителей какой-либо национальности (грузины, чеченцы, азербайджанцы, цыгане и др.), что может не только обидеть невиновных, но и способствовать распространению в массовом сознании негативных этнических стереотипов. Соответственно, публикации должны содержать весьма взвешенные оценки и суждения.

Материалы, освещающие межнациональные отношения через категории *толерантности, сотрудничества или конфликтности* занимают третью позицию в кубанской прессе. Это одна из наиболее актуальных и острых тем не только для Кубани, но и для российских СМИ в целом. Контакты между этносами, согласно данным многочисленных исследований, не всегда описываются СМИ позитивно. В нашем случае из всех статей, затрагивающих эту тему, 2/3 рассматривают ситуацию конфликта и только 1/3 — ситуацию сотрудничества, добрососедства. Чаще всего в этой связи освещаются в прессе проблемы этнических меньшинств, издавна или недавно проживающих в городе, районе, крае, проблемы взаимоотношений и приоритетов этнических культур, языков и пр.

Наиболее конфликтными этносами на страницах кубанских газет выступают турки-месхетинцы, на это указывают авторы 46 публикаций. Вслед за ними идут с большим отрывом армяне (19), чеченцы (16), курды (15). Стремление к сотрудничеству, толерантные установки в межэтнических отношениях демонстрируют казаки (16), русские (14), адыгейцы (9). Необходимость компромиссов и межнационального согласия осознается представителями армян в крае (8). Справедливости ради нужно отметить, что и «самым толерантным» народам иногда свойственно проявление нетерпимости и агрессии (казаки — 9, русские — 4).

На четвертой позиции стоят публикации, посвященные *этническим аспектам миграций* в Краснодарский край.

Кубанское общество, всегда принимавшее большое количество мигрантов, привычно к этнокультурному многообразию, но граница между местными жи-

телями, кубанцами и пришлыми все-таки ощущается. Поэтому естественно и неизбежно настороженное, а иногда и недоброжелательное отношение к новым мигрантским группам. Оно тем сильнее и прочнее, чем больше культурная дистанция. Это постепенно изживается при условии успешной адаптации мигрантов, их укоренения, принятия ими местных обычаев, норм поведения и ценностей.

Тема миграций — одна из самых популярных в современном кубанском обществе и обсуждается буквально на всех уровнях. Находит она свое отражение и на страницах кубанской прессы. Но как показывает анализ, количество публикаций в прессе по проблеме прежде всего этнических миграций не так уж велико — примерно четверть (24 %) всех материалов, содержащих этническую информацию. Проблемы этнических мигрантов и принимающих этносов в прессе часто представляются как отношения «своих» и «чужих», с ними связывают большую часть проблем, существующих в современном кубанском обществе: рост криминала, цен, болезней, ухудшение санитарной ситуации и пр. В соответствии с этим выстраивается и общий негативный тон публикаций.

Высокую миграционную активность в крае, согласно газетным публикациям, проявляют турки-месхетинцы (60 статей), армяне (33), курды (29), грузины (13). Помимо этих национальностей в материалах на миграционную тему упоминаются русские, греки (по 8 публикаций), азербайджанцы (7), чеченцы (7). Большая часть материалов, затрагивающих тему миграций несет в себе отрицательный эмоциональный заряд. Полиэтничные миграционные потоки, направляющиеся в край, оцениваются как негативное явление, которое угрожает стабильности и благополучию местного населения. Это естественным образом формирует общественное мнение местных жителей в отношении мигрантов, которое не всегда является положительным.

Выводы о том, что влияние прессы на адаптацию беженцев и вынужденных переселенцев может носить деструктивный характер, были получены в результате изучения общественного мнения в Ставропольском крае граждан, выехавших в последние 10 лет из Чеченской Республики, Абхазии, Армении, Казахстана.

Не имея государственных гарантий в достаточном жизнеобеспечении, люди на новом месте жительства оказываются в большой зависимости от социального окружения, местных органов власти. На вопрос: «Как к вам относится местное население?» только 20% ответили «доброжелательно», 70% — «неприязненно», 10% уклонились от ответа. На вопрос: «Кто влияет на ваши взаимоотношения с населением более всего — местные власти, местные газеты, соседи?» опрашиваемые ответили так: местные власти — 20%, газеты — 70, соседи — 20% [12, с. 177].

Перед СМИ в этой связи возникает вопрос: как должна освещаться массовая миграция разноэтничного населения в край и в целом в РФ, чтобы сформировать и у принимающего общества, и у переселенцев толерантные установки.

Проблема *открытости или замкнутости* этнических общностей, их взаимодействия или изоляции от окружающего общества рассматривается прежде всего по отношению к таким этническим группам, как турки-месхетинцы (33), курды (10), которым свойственна изоляция от местного иноэтничного окружения, процесс «капсулирования», характеризующийся высокой консолидированностью членов группы, которая замыкается в себе. Как следствие, процессы интеграции чрезвычайно затруднены. Разрушение «капсулы» всегда отвечает интересам и мигрантов, и местного населения, повышая безопасность тех и других [16, с. 7]. Эффективной структурой в такой ситуации как раз и могут быть СМИ, тиражирующие положительный образ национальной группы и формируя толерантные настроения в принимающем обществе.

В таких тематических группах, как общекультурный уровень народов, развитие системы национального *образования и демографические* проблемы, количество публикаций оказалось незначительным, хотя и здесь материалы со знаком «+» касаются прежде всего казачества и русского населения, а со знаком «–» — турок-месхетинцев и курдов.

Степень присутствия в прессе этнической тематики, набор преобладающих проблем и сюжетов, частотность соответствующих материалов могут служить важным индикатором внимания общества к проблеме межнациональных отношений. В то же время количество, тон, стиль, направленность публикаций являются мощным инструментом воздействия на общественное мнение. Причем воздействие это может быть как осознанным, даже заранее спланированным, так и спонтанным, саморазвивающимся.

Все перечисленные этнические проблемы, освещаемые современной прессой, свидетельствуют о взрывоопасности подобной информации для полиэтничного населения края (региона). Каждая из тем содержит в себе огромный потенциал толерантности и конфликтности. От журналиста и его спонсоров зависит, какие идеи, стереотипы и нормы он будет распространять в обществе: тревожность и отчужденность, неуверенность, страх, противостояние этнических групп или наоборот, уважение к чужим обычаям, традициям и т.д., что способствует мирному взаимодействию народов.

* * *

О высокой степени социальной ответственности СМИ на рубеже двух тысячелетий говорят во всем мире. СМИ, играя огромную роль в жизни общества, являются одним из мощных факторов при разжигании или разрешении межнациональных конфликтов, т.е. содержат в себе как конфликтогенный, так и миротворческий потенциал. Неполное знание проблемы, скоротечность выводов, сильное заострение внимания на межнациональных отношениях порой приводят к искажению информации. Недооценивать силу воздействия СМИ на формирование общественного мнения в современных условиях нельзя. Объем

информации откладывается в подсознании и формирует различные образы и представления.

И хотя, судя по наблюдениям, доверие современных россиян к СМИ в последние годы несколько понизилось, они все же остаются на сегодняшний день серьезным инструментом идеологического воздействия на массовое сознание, в том числе и в межнациональных отношениях.

Нормализация межнациональных отношений предполагает комплексное решение множества взаимосвязанных проблем социального, политического, правового, территориального, психологического характера. Но прежде всего должно быть нейтрализовано конфликтное воздействие СМИ на сферу межэтнических отношений. СМИ способны посредством целеустремленной стратегии обучения толерантности и согласию формировать гуманную систему межнациональных диалогов.

Библиографический список

1. *Вартанова Е.Л.* Медиа в постсоветской России, их структура и влияние // Pro et contra. 2000. Т. 5. № 4.
2. *Вартанова Е.Л.* Северная модель в конце столетия. Печать, ТВ и радио стран Северной Европы между государственным и рыночным регулированием. М.: Изд-во МГУ, 1998.
3. Диагностика толерантности в средствах массовой информации: Сб. статей / Под ред. В.К. Мальковой. М.: ИЭА РАН, 2002.
4. *Дорохов Д.А., Дятлов В.И.* Мигранты в современной иркутской прессе // Миграции в СНГ и Балтии: через различия проблем к общему информационному пространству: Материалы конф. (8–9 сент. 2001 г., Санкт-Петербург) / Под ред. Г. Витковской, Ж. Зайончковской. М.: Издательское товарищество «АдамантЪ», 2001.
5. *Карпенко О.* Языковые игры с «гостями с юга»: «кавказцы» в российской демократической прессе 1997–1999 гг. // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М.: ИЭА РАН, 2002.
6. *Коробейников В.С.* Редакция и аудитория: Социологический анализ. М.: Мысль, 1983.
7. Краснодарские известия. 2001. 3 марта.
8. Кубанские новости. 2001. 18 апр.
9. Кубань сегодня. 2000. 18 авг.
10. *Малькова В.К.* Республиканская пресса России: новая этнонациональная идеология // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 1997. № 103.
11. *Малькова В.К., Тишков В.А.* Этничность и толерантность в средствах массовой информации. М.: ИЭА РАН, 2002.
12. *Манаенко Г.Н., Шевченко А.В.* Конфликты в информационной сфере (социально-психологический аспект) // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. М.; Ставрополь: Изд-во СГУ, 2000. Вып. 16.
13. Московский комсомолец на Кубани. 2002. № 36.

14. О государственной поддержке средств массовой информации Краснодарского края: Закон Краснодарского края // Информационный бюллетень Законодательного Собрания Краснодарского края. 1997. № 16.
15. Открытый міръ. 2002–2003. № 22.
16. *Савва М.В.* Интеграция беженцев и вынужденных переселенцев на Юге России: первые итоги. Краснодар: ЮРРЦ, 2001.
17. *Савва М.В., Савва Е.В.* Пресса, власть и этнический конфликт (взаимосвязь на примере Краснодарского края). Краснодар: Изд-во КубГУ, 2002.
18. Школа мира. 2001. № 4.
19. Школа мира. 2002. № 9.

Типичные ошибки в грантовых заявках

В.Н. Коваленко*

Относительно низкая эффективность проектной деятельности в академической среде отличает многие вузы Российской Федерации. Анализ содержания проектных заявок, подаваемых в грантодающие организации, свидетельствует об отсутствии у работников вузов навыков в области разработки проектов и общении с донорами. То же можно сказать и о большинстве авторов заявок, подаваемых от организаций других отраслей. Проектная деятельность, инновационная сама по себе, требует освоения новых форматов коммуникации.

Проект и заявка на грант – это не одно и то же. Грантовая заявка представляет собой финальную часть разработки проекта, словесное описание того, что вы собираетесь осуществить. Проекты же обычно делят на реактивные и проактивные. К первым относят проекты, которые готовятся под объявленные программы и/или конкурсы. Проактивная, т.е. предупредительная, грантовая деятельность означает разработку инициативного проекта с последующим поиском для его реализации средств, т.е. проектным фандрайзингом, и опыт стран с высокой донорской активностью показывает, что такая проектная деятельность весьма продуктивна.

В настоящей статье в основном будут рассматриваться ошибки, допускаемые разработчиками институциональных (т.е. не индивидуальных) проектов при подготовке грантовых заявок в реактивном режиме. Эти ошибки, хотя и в меньшей степени, свойственны и проектам, написанным в проактивном режиме.

Среди недостатков можно выделить два основных типа, связанных с описанием общих характеристик организаций и личностных характеристик исполнителей предлагаемых проектов.

* Коваленко Владимир Николаевич – заместитель директора департамента по международным связям Кубанского госуниверситета. Электронная почта: vladko@kubsu.ru

1. Общие характеристики организации:
а) объектные:
– неопределенность или неправильная формулировка миссии организации;
– недостатки в стратегическом планировании деятельности организации;
– неясность способов взаимодействия организации с внешней средой, в том числе и меж- и внутриотраслевого взаимодействия и взаимодействия с местным сообществом;
б) субъектные:
– устойчивость и развитость организации;
– стиль менеджмента организации.
2. Личностные характеристики авторов проектов:
а) объектные:
– неумение писать проекты;
– недостаточные навыки вычленения и формулирования социальных проблем;
– неумение анализировать необходимую на предпроектном этапе информацию;
– отсутствие навыков целеполагания;
– склонность путать цели с задачами, а задачи с мероприятиями;
– неумение вырабатывать критерии оценки хода проекта;
– отсутствие навыков бюджетирования проектной деятельности.
б) субъектные:
– отсутствие точности и ясности текста;

Не вдаваясь в описание каждой из перечисленных проблем, попытаемся разобраться в том, как их решить.

Проблемы организации

Не будем рассуждать о несформулированности миссии большинством российских вузов и о том, насколько она необходима; укажем, что ее отсутствие затрудняет планомерное институциональное развитие, позиционирование вузов во внешней среде и взаимодействие с ней, определение задач менеджмента, выделение целевых групп и т.п.

Выход? Будем считать, что вместо миссии в данном случае необходимо руководствоваться уставными документами вуза и в ходе внимательного анализа сформулировать миссию.

Правило: Вы не можете разрабатывать проект, цели, задачи и мероприятия которого не соответствуют тому, что записано в миссии, уставных и других необходимых для деятельности организации документах. Например, классический университет вряд ли может подавать заявку с проектом, направленным на улучшение состояния здоровья жителей дома № 135 по ул. N.

Очень много недостатков эксперты (оценщики проектов) отмечают в описаниях личностных характеристик.

Личные ошибки авторов проекта

Неточность и неаккуратность в оформлении заявок.

1. Арифметическая неточность.

Правило. Трижды проверьте все цифры в заявке. Ошибка в расчетах или простая опечатка дают повод думать, что вы будете так же неаккуратны при расходовании грантовых средств.

2. Языковая неточность.

Правило. Будьте точны в употреблении терминологии и понятий.

3. Неточность и неаккуратность в оформлении. Неприятно и трудно читать «слепой» текст на непронумерованных страницах, разбирать нечеткую печать организации, связываться по несуществующему или неверно указанному телефону.

Правило. Пожалейте экспертов и клерков грантодающей организации: они тоже люди.

К числу плохих характеристик относится и неясность стиля изложения заявки. Эксперт или другой специалист, анализирующий ваш проект, должен ясно понимать:

– проблему вашего проекта;

– способ, которым вы собираетесь эту проблему решать.

Правило. Четко и кратко сформулируйте проблему, основываясь на статистических данных и накопленном вами и другими специалистами опыте. Простым языком предложите способ решения поставленной проблемы.

К проблеме, а точнее, к ее формулировке мы еще вернемся.

Правило. Описание проекта должно быть простым и недвусмысленным.

Избегайте:

– чересчур сложных грамматических конструкций;
– сослагательного наклонения;
– длинных сложноподчиненных предложений, при беглом чтении которых ускользает смысл написанного (например: «построение информационной модели национальных культур, воссоздание целостной картины развития национальных культур в многообразии связей и вариантов, единстве прошлого и будущего посредством формирования документальных и электронных массивов…»);
– употребления ни о чем не говорящих для неспециалистов терминов типа «матримониальность взаимоотношений»;
– перегруженности терминологией;
– «красивых» фраз, не содержащих конкретной информации, например: «студенческий паратеатр», «сохранение фондов как средства передачи интеллектуального наследия прошлого и настоящего будущим поколениям», «поддержка формирования информационной культуры через созданный в проекте Web-сайт»;

– повторяющихся рассуждений типа: «Проблема состоит в том, что в нашей организации нет 17-дюймовых мониторов. Покупка таких мониторов решит проблему». Лучше покажите, какова связь между тем, что вы купите 17-дюймовые мониторы, и деятельностью по проекту.

Не употребляйте:

– жаргонные слова и малоизвестные сокращения, даже если это профессиональный язык;
– возвратные глаголы («проект осуществляется», «намечаются мероприятия» и т.п.); замените их активными глаголами или краткими причастиями («проект будет осуществлен», «запланированы следующие мероприятия»);

Замените статические глаголы и глагольные сочетания на динамические. Это психологически убедит эксперта в том, что проект писали преданные делу и энергичные люди.

Используйте позитивный и конструктивный стиль («уверены» вместо «кажется», «решение проблемы» вместо «борьба с проблемой»).

Исключите негативные предложения с частицей «не».

Не пишите проект от первого лица, это вызывает мысль о вашей самонадеянности.

Привлеките внимание грантодающей организации к тому, что вы рассматриваете грант не как дар, а как социальные инвестиции в будущее.

Не заостряйте внимания на проблемах. Лучше опишите возможности, которые появятся в результате выполнения проекта.

Описание проекта должно легко резюмироваться в краткую аннотацию.

Выделяйте наиболее важные, на ваш взгляд, места в тексте.

Вместо длинных описаний используйте таблицы и диаграммы.

Объективные ошибки авторов грантовых заявок

Если перечисленные ошибки характеризуют авторов грантовой заявки как людей, неаккуратно относящимся к собственным текстам, то ошибки, о которых речь пойдет сейчас, свидетельствуют о том, что у этих авторов отсутствует опыт разработки проектов.

Неумение анализировать предпроектную информацию

Многие проблемы при написании грантовых заявок возникают оттого, что грантосоискатели не умеют внимательно анализировать информацию, необходимую для разработки проекта: невнимательно читают миссию грантодающей организации, условия конкретного конкурса/программы, итоги прошлых конкурсов. Помимо того они, как правило, мало знакомы с ситуацией на рынке проектных идей, где, возможно, подобный проект уже когда-то был реализован.

Систематизировать эти проблемы достаточно сложно, потому приведем лишь несколько правил.

Правило 1. Изучите донора, которому вы отправляете заявку.

Лучший способ стать профессионалом в написании проектов – внимательно анализировать миссию донора, условия предоставления финансирования и его цели.

Правило 2. Следуйте формальным требованиям грантодателя по написанию заявки.

Если вы по собственному усмотрению решили изменить порядок следования пунктов в заявке или, например, не соблюли срок подачи заявки, незачем над ней вообще было трудиться!

Правило 3. Дружите с «конкурентами».

Тогда вы будете знать ситуацию на рынке проектных идей и не станете изобретать велосипед!

Неумение формулировать проблему проекта

Ошибки в неверной постановке проблемы являются системными и исправлению не подлежат.

Проблема есть противоречие между идеальной ситуацией и реальностью: между желаемым и сущим. Проект – инструмент разрешения указанного (сформулированного) противоречия. Чтобы подобрать адекватный социальной проблеме инструмент решения, необходимо ее понять, т.е. вычленить проблему из социальной ситуации.

Например, в университете N студенты курса Y факультета L систематически из года в год получают неудовлетворительные оценки на экзамене по дисциплине X. Замена преподавателя и изменение содержания курса в сторону его «облегчения», а также другие меры не привели к улучшению ситуации. Анализ учебного плана показал, что изучению этой дисциплины не предшествовало изучение предметов, содержащих необходимые для успешного усвоения дисциплины X базовые сведения, и последующий перенос дисциплины X на более поздние сроки учебного плана решил проблему.

Пример показывает, что неэффективность попыток решить проблему – замена преподавателя и упрощение содержания – коренится в ее неверной постановке. Для правильного понимания проблемы в данной ситуации попробуйте использовать следующую схему (рис. 1).

К постановке проблемы относится и определение так называемых бенефициаров проекта, т.е. целевой группы, ресурсополучателей. Очень важно, чтобы заявка четко определяла, что подразумевается под бенефициарами проекта.

Например, бенефициарами проекта, который призван убедить правительство ужесточить меры по контролю за загрязнением окружающей среды промышленными предприятиями, будут миллионы людей, заинтересованные в снижении промышленных выбросов в воздух, которым мы все дышим. Образовательный проект, нацеленный на внедрение демократически ориентированной гражданской учебной программы в 15 школах в определенном райо-

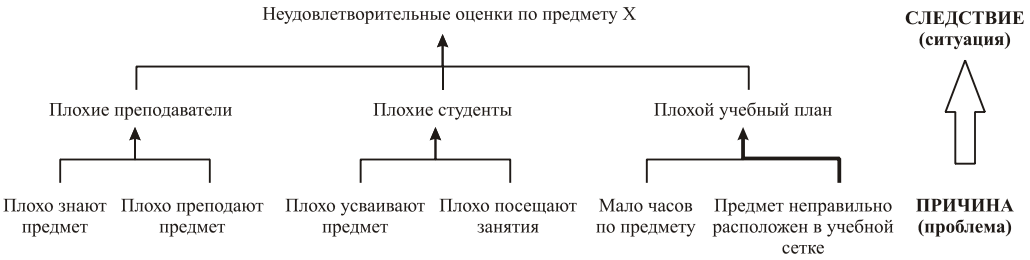


Рис 1. Связь между ситуацией и проблемой

не, будет иметь более скромную группу бенефициаров, численность которой поддается более точному измерению. Администрация школ, преподаватели, местная администрация и родители – все они могут получить благо или выгоду от проекта. Такие лица иногда называются косвенными бенефициарами, и, число лиц из этой категории может быть очень большим. В каждой заявке должно быть четко определено, что подразумевается под понятием «бенефициар», а также указаны возможные способы измерения того, как проект повлияет на бенефициаров. Если нельзя четко определить категорию бенефициаров и измерить результаты проекта, то невозможно будет определить его успешность.

В последнее время наблюдается новая тенденция к «глобализации» проблем, стоящих перед грантозаявителями. Постарайтесь быть реалистами: от годового проекта с очень конкретным бюджетом и небольшим количеством исполнителей нельзя ожидать решения «глобальных» проблем.

Другой пример. Университет S подал заявку на грант, в рамках которого предполагалось ввести в учебный план изучение дисциплины F. При этом заявлялось, что изучение именно этой дисциплины повысит шансы выпускников университета на рынке труда. Целевой группой проекта были определены студенты, изучающие эту дисциплину. Однако эксперты отклонили заявку, потому что, по их мнению, изучение дисциплины F не приведет к улучшению доступа выпускников университета к рабочим местам. Произошло это потому, что конечными потребителями ресурсов проекта должны были бы стать потенциальные работодатели, а не студенты. В заявке отсутствовали сведения о том, считают ли сами работодатели, что их потенциальным работникам нужны знания по дисциплине F.

Правила:

– при постановке проблемы используйте количественные и качественные показатели;
– продемонстрируйте, как и почему возникает проблема (или потребность) целевой аудитории и почему именно ваша организация сможет ее решить;
– при постановке проблемы нужно соотнести интересы целевой группы с интересами организации, реализующей проект;
– изложение проблемы должно выходить за рамки простого описания, как,

например, «уровень тяжких преступлений возрастает на 10% с 1991 г.»; следует представить сжатый анализ различных факторов, которые явились причиной проблемы;

– недостаток финансов не воспринимается в качестве основной проектной проблемы.

Кстати, проблематизация, т.е. постановка социальной проблемы, тоже может быть предметом отдельного проекта.

Отсутствие навыков целеполагания, формулировки задач и разработки деятельности

Можно выделить несколько основных трудностей, связанных с целеполаганием.

1. Несоответствие цели проекта поставленной проблеме. Об этом уже говорилось. Сюда же можно отнести и «глобализацию» цели.

Цель – достаточно общее утверждение, демонстрирующее тип проблемы и заявляющее о необходимости ее решения, предмет стремления. Сформулировать цель – значит представить желаемую ситуацию в будущем. Ясность цели позволяет четко определить конечную задачу всей деятельности в рамках программы, а также провести оценку осуществления проекта.

Например, проблема и цель могут соответствовать друг другу следующим образом:

Проблема	Цель
Неясность и неадекватность законодательства по социальной безопасности и социальной справедливости	Усовершенствовать законодательство по социальной безопасности и социальной справедливости
Непредоставление в системе высшего образования квалификации по профилю, требующемуся на рынке труда	Способствовать реформированию системы высшего образования в целях приведения ее в соответствие с требованиями рынка труда
Отсутствие в системе высшего образования обучения социальной деятельности	Создать в рамках высшего образования систему обучения социальной деятельности

2. Смешение цели и задач.

Цель и задачи – не одно и то же. Задачи – конкретные, поддающиеся измерению шаги по достижению цели. Они определяют деятельность. Таким образом, цель – стратегия, а задачи – тактика проекта.

Соотношение целей и задач может быть следующим:

Цель	Задача
Базовое положение, которое должно быть реализовано	Обозначить, что необходимо для достижения цели в целом
Идеальная форма результата многосоставной деятельности, комплексно решающей проблему	Решить частную проблему, часть генеральной проблемы
Видение общего направления деятельности в рамках проекта	Дать детализированную картину ограниченных временными рамками результатов
Фиксирует те изменения, к которым должна привести реализация проекта в целом.	Не описывать процесс, а фиксировать промежуточные результаты
Субъективна	Конкретна, измерима
Ясна любому человеку, не являющемуся участником проекта.	Ясна любому человеку, не являющемуся участником проекта
Отвечает на вопрос: «что мы хотим получить» в конце реализации проекта	Может быть достигнута на промежуточном этапе реализации проекта или в конце этого процесса

Цель должна представлять собой наивысшую точку достижений, до которой потенциальный грантополучатель стремится добраться. Например, целью может быть «повышение восприятия определенными группами населения норм права в качестве основного принципа социального порядка и организации общества». Тогда проектные задачи должны быть более определенными, например: «в течение месяца прочитать 10 лекций подросткам микрорайона Х о нормах поведения на улице», «обеспечить приезжающих в г. Х брошюрами об их правах при общении с московской милицией». Не может в данном случае быть задачей, к примеру, такой тезис: «обучить приезжающих в г. Х их правам при общении с московской милицией».

Раздел задач в заявке является первым этапом, на котором эксперт ожидает увидеть определенную степень точности, ясности и измеримости. Если формулировка задач нечеткая, выражена общими словами, построена недостаточно логично и вообще выполнение задачи не может быть никоим образом оценено, эксперт вправе вернуть заявку без дальнейшего анализа.

Соотношение проблемы, цели и задач можно изобразить следующим образом (рис. 2).

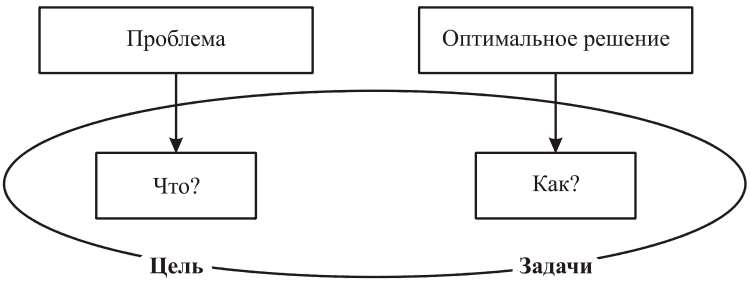


Рис. 2. Соотношение проблемы, цели и задач проекта

3. Следующей типичной ошибкой является путаница между задачами и деятельностью по проекту.

Если задачи – конкретные шаги по достижению цели, то деятельность по проекту есть способ решения этих задач, т.е. для решения, условно говоря, задачи 1 вы должны с 15 по 25 мая 2004 г. провести какое-то мероприятие, а с 20 по 25 июня – другое. Для решения задачи 2 нужны другие мероприятия в другие сроки.

В данном разделе описывается то, что потенциальный грантополучатель планирует сделать для выполнения поставленных им задач. Самый важный вопрос: имеют ли предложенные виды деятельности четкую причинную связь с поставленными задачами. Эксперт, читающий вашу заявку, должен суметь найти подтверждение следующему: если проводится деятельность А, то задача Б будет выполнена.

Правила:

1. Что и как? Детальное опишите, что будет делаться в проекте с самого начала до самого конца. Вся деятельность должна полностью соответствовать задачам, которые вы поставили.
2. Когда? Укажите порядок и время исполнения ваших мероприятий. Иногда имеет смысл представить календарный план мероприятий.
3. Почему? Возможно, придется обосновать методы, тем более новые или малоизвестные. Почему запланированная деятельность приведет к ожидаемым результатам? Вы можете отвечать на эти вопросы разными способами, в том числе и пользуясь экспертными оценками и/или примерами из других успешно закончившихся проектов.
4. Зачем? Кому нужны результаты проекта? Кто будет целевой группой, т.е. конечными потребителями его результатов? Как проект отразится на жизни сообщества?

Неумение вырабатывать критерии оценки хода проекта

Вам не просто нужно спланировать проект, но и понять, как он будет работать, как его можно корректировать. В заявке должны содержаться достоверные и проверяемые способы управления проектом.

Раздел заявки по управлению проектом должен содержать подробный план осуществления проекта. Для компактного представления временных периодов для различных запланированных видов деятельности нужно составить план-график. Необходимо продемонстрировать реалистичность, выполнимость плана. Зачастую авторы проектов недооценивают время, требуемое на подготовку и осуществление предлагаемой деятельности и на составление отчета по ней. Иногда заявляется, что для решения задачи А необходимо провести мероприятие Б, а при внимательной экспертизе проекта выясняется, что запланированное мероприятие не решает поставленных задач.

Таблица 1
Схема планирования проекта

Стратегическое планирование		Оперативное планирование	Стратегический анализ	
Цели и задачи	Контекст (Действующие лица и их интересы)	Деятельность	Прямые результаты	Долгосрочные результаты в отношении
Цель Задачи 1. 2. 3. 4. …	1. Политические институты и их интересы 2. Политическая ситуация 3. Социальная ситуация 4. Экономиечский контекст …	Действия по решению задачи 1 Действия по решению задачи 2 Действия по решению задачи 3 Действия по решению задачи 4 Действия по решению задачи …	Количественные Качественные Количественные Качественные Количественные Качественные Количественные Качественные Количественные Качественные	1. Политических институтов 2. Законодательства 3. Социальных групп 4. Экономики 5. Отдельных людей …

Не следует заявлять, что вы будете действовать так-то и так-то, если у вас нет убедительных аргументов в пользу того, что ваши действия приведут к конкретному результату. Этот результат и будет служить в данном случае критерием успешности проекта.

Таким образом, общая схема планирования и оценки проекта будет выглядеть как показанов табл. 1.

Если в предыдущей схеме никак не учитывались затратные характеристики проекта, т.е. его стоимость, то в следующую схему они включены (табл. 2).

Как видете, в табл. 2 есть слово «бюджет», и теперь мы переходим к следующей типичной ошибке грантозаявителей.

Неумение бюджетировать проект

Удивительно, как даже самые талантливые и опытные авторы проектов невнимательно относятся к этой части грантовых заявок. Практика оценки проектов грантодающими организациями свидетельствует о том, что колоссальная масса очень хороших, правильно и логично написанных, структурированных заявок отклоняется только потому, что у оценщиков проекта возникает впечатление, что либо бюджет на самом деле относится к другой заявке, либо при ее написании авторы действуют, как нерадивые школьники, «подгоняя» проект под заявляемый бюджет.

Таблица 2

Логика проекта

Описание	Показатель достижения	Измерение
Цели	Измерения достижения общих целей	Источники и методы для подтверждения достижений
Задачи	Измерения достижения конкретных целей	Источники и методы для подтверждения достижений
Результаты	Измерения достижения результатов	Источники и методы для подтверждения достижений
Действия	Требующиеся человеческие и физические ресурсы	Стоимость человеческих и физических ресурсов (бюджет)

Есть общепринятый алгоритм разработки бюджета, который предполагает ответы на следующие вопросы:

1. Насколько точно в заявке определяются минимальные и ожидаемые затраты на осуществление деятельности?
2. Точно ли просчитаны время и затраты, необходимые для проекта, и соответствуют ли они графику мероприятий? Оценщик проекта обязательно проверит заявленный бюджет на предмет соответствия всех его позиций известным затратам.
3. Иногда добросовестный составитель заявки перегружает бюджет деталями, завышая свою способность прогнозировать расходы. Такой бюджет рассматривается как нереалистичный и чрезмерно детализированный. Таким же считается и «раздутый» бюджет.
4. Грантодатели, как правило, испытывают нелюбовь к накладным расходам и требуют, чтобы организация, осуществляющая проект, платила за накладные расходы из других источников.

Бюджет проекта – это смета предполагаемых целевых расходов, необходимых для осуществления проекта, логическое продолжение проекта, его финансовое обоснование.

Бюджет проекта – один из самых важных документов, который позволяет оценить возможности финансирования проекта.

Правила:

1. Приступая к подготовке бюджета проекта, определите все возможные траты и расходы, выделите первоочередные и самые необходимые.
2. Очень многие организации закладывают в свой бюджет покупку, например, лишнего компьютера или оплату труда ассистента. Если это не соответствует целям, задачам и мероприятиям вашего проекта, то грантодатель будет

рассматривать это как ненужное раздувание бюджета.

3. Не включайте в бюджет непредвиденные расходы, это свидетельствует о плохой подготовке проекта.

Мифы мира авторов грантовых заявок

1. Фонд только и ждет, чтобы озолотить меня.

Соискание требует активности. Само это слово указывает на необходимость поиска, выслеживания, а не пассивного ожидания того, что кто-то придет и даст вам денег. Короче говоря, не сидите сложа руки. Если вы не найдете подходящий фонд первыми, это сделают другие.

Активно ищите возможности, если не хотите проиграть.

2. Чем больше денег я попрошу, тем больше мне дадут.

Обычно, чем больше бюджет проекта, тем сложнее получить деньги. На большие гранты могут рассчитывать лишь известные и проверенные временем организации с послужным списком успешно реализованных проектов. Начните с малого. Однако если идея проекта не оправдывает запрошенных денег, может случиться и так, что фонду даже очень скромный запрос покажется завышенным.

Любой спонсор желает получить отдачу от своих денег.

3. Получив грант от фонда, я гарантирую себе получение новых грантов от того же фонда в будущем.

Ни один грант не может быть гарантией автоматического получения нового финансирования от того же (или другого) фонда. В ваших интересах показать очередному грантодателю, что у вас имеется уже целая сеть финансовых источников, с помощью которой вы сможете сколь угодно долго осуществлять свой проект. Приоритетные направления фондов меняются очень часто.

Не возлагайте ни на один фонд надежд на пожизненное финансирование. Фонд не усыновляет ни вас, ни вашу организацию!

5. Деньги в кармане – я им хозяин и ни перед кем не должен отчитываться.

Грантодающие организации заключают договор с организацией, которая берется осуществить проект, находящийся в соответствии с потребностями (интересами, приоритетом) самого грантодателя. Ваш проект становится, таким образом, тем документом, который юридически связывает вас и грантодателя. По этому контракту вы обязаны вовремя предоставлять ему всю документацию: отчеты, сообщения об изменениях в программе и т.д.

Грант накладывает на вас прежде всего обязательства.

6. Солгав, представив свою организацию в более выгодном свете, чем есть на самом деле, я добьюсь большего, чем в том случае, если напишу только правду.

У вас может возникнуть соблазн приукрасить правду. Вряд ли это может помочь. Плодотворность ваших отношений с грантодателем зависит в основном от того, насколько вы доверяете друг другу. Если обнаружится ложь, вы не только рискуете своей репутацией, но и скорее всего должны будете вернуть вложенные деньги.

Честность – лучшая тактика.

7. Свои цели и задачи я должен полностью подчинить интересам грантодателя.

Некоторые соискатели убеждены, что их шансы увеличатся, если ориентиром для них будут в первую очередь интересы и цели организации, которой они подали заявку на грант, и только потом свои собственные. Возьмите курс на равноправное сотрудничество. Определите собственные цели и потребности и попытайтесь сблизить их с интересами грантодателя.

Вы не можете управлять ветром, но вы можете управлять парусами.

8. Отказ – это настоящая катастрофа.

В этой игре у вас очень много соперников. Обычно только 10% всех грантосоискателей получают грант. Поэтому, если на ваше предложение поступил отрицательный ответ, отнеситесь к этому как к хорошему уроку и попробуйте снова! Выясните у грантодателя, почему он отказался финансировать вашу идею, и никогда не отказывайтесь от следующих попыток.

Если вас постигла неудача, учитесь на своих ошибках и пробуйте снова и снова!

9. Для решения о финансировании лучше сразу обращаться в головное представительство независимо от его местонахождения – хоть в Нью-Йорк, хоть в Москву, хоть в Сидней. Туда же можно жаловаться на непонимание и невнимание к своей организации. Все вопросы по финансированию проекта следует решать сразу с главным – главой представительства. Он, батюшка, рассудит.

Фонды, как правило, имеют своих представителей, которые расположены к вам гораздо ближе и наделены массой полномочий.

Экономьте время и ресурсы при общении с донором!

10. Фонд финансирует всех понемногу. Если просить мало или долго и навязчиво продвигать даже пустяшный проект, то обязательно дадут. Сотрудников фонда можно также заворожить грандиозностью замысла (установить мир во всем мире) и попросить профинансировать проект на 1 500 000 дол.

У грантодателя есть своя миссия и свой мандат, в соответствии с которыми он вырабатывает собственные приоритеты.

Накормить тремя хлебами всех можно было только в Библии. У грантодателя есть деньги, но все равно их количество не бесконечно.

Внимательно читайте мандат грантодателя и условия программы/конкурса.

11. Замечательных проектов много, а денег мало. Поэтому технология получения гранта напоминает технологию выигрыша в лотерею. Для получения финансирования можно не читать методических материалов, главное – обосновать, убедить, что проект хорош, даже если он не вписывается в мандат фонда.

Бывает и так, что на конкурс действительно приходит очень много хороших проектов. Но они не все одинакового качества. Проекты оценивают квалифицированные эксперты, которые во всем разберутся.

Пишите хорошие проекты и не посылайте их на деревню дедушке, а только тому грантодателю, сфере интересов которого заявленная вами в проекте идея близка.

12. Свои идеи никому показывать нельзя, особенно, если они несравненно лучшие. Конкуренты могут украсть, сделать по ней проект и получить грант.

Конкуренция в проектной деятельности действительно существует, но она, как правило, не является недобросовестной.

Пишите инновационный и качественный проект. Не изобретайте велосипед.

13. Для получения финансирования важно установить неформальные или очень неформальные отношения с сотрудниками фонда.

Состав экспертов, оценивающих проекты, как правило, никогда не известен.

Дружба – дружбой, а служба – службой.

14. В проекте можно писать все что угодно – главное, красиво, основательно и убедительно. В проблематике можно совсем не разбираться, нужно только научиться писать проекты под соответствующий фонд.

Проекты оценивают две категории экспертов: в области проектной деятельности и узкие специалисты.

Не пишите выхолощенных проектов: они не нужны ни вам, ни грантодателю, ни обществу.

15. Бюджет проекта следует составлять под завязку. Жадные сотрудники фонда его все равно урежут. Но чем больше попросишь, тем больше останется.

Совершенно необязательно пытаться обосновать необходимость тех или иных компонентов проекта или статей бюджета. Надо с готовностью соглашаться вносить все изменения, которые предлагаются сотрудниками фонда.

Бюджет дает возможность определить реалистичность поставленных в проекте методов и задач. Он же может многое рассказать о стиле управления персоналом, принятом в вашей организации.

Не поступайте, как нерадивые ученики: не «подгоняйте» проект под бюджет, а составляйте бюджет для проекта.

16. Клерки грантодающей организации используют идеи чужих проектов и передают их «своим» людям.

Грантодающие организации, финансирующие вашу деятельность, имеют право претендовать на часть авторских прав, если таковые содержатся в заявке. Однако они завалены массой проектов, и на «вытаскивание» идей из них у клерков просто нет времени. Более того, общее, хотя и негласное правило, существующее в среде грантодателей, – не претендовать на право обладания и распоряжения вашими идеями.

Будьте дружелюбнее к людям, в том числе и к клеркам грантообразующей организации. Относитесь к ним с доверием, тем более что в ваших интересах не подозревать грантодающую организацию в нарушении ваших прав.

17. Проблематику можно не изучать, если вы владеете хорошим методом делания чего-нибудь. Фонду можно продать и метод.

Проект – это не рутинная, не повторяющаяся, а уникальная деятельность по эффективной реализации задуманной идеи с определенным сроком, бюджетом, механизмом реализации.

Метод в данном случае не значит ничего, если он не подкреплен инновационным подходом к решению конкретной проблемы.

18. Для написания «хорошего» проекта достаточно узнать у сотрудников фонда, какие проекты являются «проходными».

Только сочетание новой идеи с методом дает симбиоз формы и содержания.

Не надо узнавать об этом у сотрудников грантодателя. Это и так написано в объявлении о конкурсе.

19. Чтобы написать хороший проект, достаточно заполучить какой-нибудь уже профинансированный.

Этот миф имеет под собой некоторые основания: получив финансирование на один проект, вы точно знаете, какой проект вам уже не надо писать. В противном случае ваш проект лишится одной из самых важных характеристик: инновационности.

Не списывайте!

20. Для успеха взаимоотношений с фондом можно попросить сотрудников самих «заинтересованно» написать проект.

Клерки грантодателя завалены проектами. Писать проект для вас у них просто нет времени, да они и не могут быть специалистами в вашей области. Помимо этого, им платят хорошую зарплату.

При разработке проектов весьма полезными могут быть следующие источники:

Зарубежный опыт коммерциализации интеллектуальной собственности

В.Г. Павленко*

Разработанная Министерством промышленности, науки и технологий РФ концепция развития системы венчурного инвестирования [7] предусматривает создание на базе государственных научных центров РФ (вузов, академических и отраслевых институтов) специализированных центров трансфера технологий (ЦТТ).

В разных странах разработаны уникальные механизмы передачи технологий, успешное функционирование которых во многом определяется их соответствием местной культуре и традициям. Этот аспект очень важен и он должен быть принят во внимание при создании отечественных ЦТТ. Мы рассмотрим ряд аспектов деятельности зарубежных ЦТТ, опираясь на круг доступных источников.

Цели и тактики

Не для всех инновационных компаний трансфер технологий и коммерциализация интеллектуальной собственности являются основными направлениями деятельности. Некоторые инновационные центры сознательно не ставят для себя коммерческих целей, фокусируясь только на социально значимых проектах, другие, наоборот, делают акцент исключительно на коммерческой стороне. Наиболее перспективным представляется сочетание социально значимых и коммерческих целей – своего рода диверсификация.

В зависимости выбранной тактики и целей деятельность инновационной компании приобретает специфические особенности. В целом выделяют три вида механизмов передачи технологий в зависимости от целей (ориентиров) деятельности инновационной компании:

1) коммерческие ориентиры,

* Павленко Вячеслав Григорьевич – руководитель отдела маркетинга и связей с общественностью НП «Южный центр трансфера технологий». Электронная почта: exo74@mail.ru

2) социальные ориентиры.

1) Ориентация на коммерческие цели придаёт инновационным компаниям ряд особенностей.

Такие компании разрабатывают системы поощрения исследователей за создание интеллектуальной собственности, стимулирующие ученых на проведении тех исследований с коммерческими перспективами. При очевидных преимуществах этот процесс может иметь и негативную сторону – потерю роли вуза как социально ориентированного института [1; 4; 6; 8; 10].

Наиболее успешной формой коммерциализации во многих странах признано создание при инновационных центрах (инкубаторах) малых технологических фирм. Центр имеет долю в малой компании (на стартовом этапе контрольный пакет) и осуществляет управление в период развития и выхода на рынок. Когда фирма проходит период становления (или оказывается очевидной ее бесперспективность), можно считать, что ЦТТ свою функцию выполнил [6; 8; 10].

Тем самым происходит поощрение предпринимательства в научной среде. Во главе малой технологической фирмы должен стоять человек, хорошо владеющий как навыками управляющего, так и знаниями в области используемой технологии. Поощрение предпринимательства в научной среде предоставляет возможность подобрать из студентов и аспирантов толкового менеджера и не отвлекать от исследовательской деятельности учёных. Зачастую сам разработчик не обладает навыками управляющего и не может взять на себя роль руководителя своей фирмы [1; 6; 10].

Коммерчески ориентированный ЦТТ активно использует рынок инвестиций. Этот аспект, являющийся вполне естественным для рыночной компании, стоит отдельно рассмотреть в русле работы инновационных структур. Использование рынка инвестиций вовсе не подразумевает того, что разработчики или их агенты ходят к инвесторам, рассказывая им о преимуществах коммерциализации интеллектуальной собственности. С этой целью рыночными инновационными центрами ведется статистика доходности инвестиций в исследования и создание технологичных фирм. В итоге возникает предложение, представленное в цифрах и графиках и хорошо понятное финансовому инвестору (хотя не обязательно привлекательное). Социальной значимостью можно заинтересовать только одного инвестора – государство [1; 2; 4; 6; 10; 11].

Ориентированные на рынок центры часто создают собственные фонды, при чем не только за счёт привлечённых средств, в них вкладывается существенная часть собственного дохода. Отмечается тенденция самоинвестирования именно в исследования. Это можно объяснить не только тем, что риск таких инвестиций отпугивает постороннего инвестора. оказывается, что доходность инвестиций в исследования весьма высока, инновационный центр, желающий получить прибыль, неизбежно предпочтёт инвестировать свои средства именно в исследования [2; 6; 10; 11].

Ориентация на запросы рынка не может обходиться без масштабных исследований потребностей в тех или иных технологиях [2; 4; 8; 9; 11].

Будучи активными участниками рынка, инновационные центры восприняли стратегии экономического (количественного) анализа (разных видов) своей деятельности [9].

Особенностью коммерческих инновационных центров является предоставление возможности всем участникам коммерциализации заниматься «своим делом». Центр выстраивает свою работу таким образом, чтобы заполнить функциональные «пустоты».

На определённой стадии развития собственных проектов центр берет на себя также функции финансового инвестора [1; 2; 4; 6; 9–12], а также координации междисциплинарных исследований [4; 8]. Для выполнения этой функции инновационные центры создают различные механизмы. Коммерческая составляющая этой функции не столь явная, но она становится очевидной, если учесть, что в результате междисциплинарных исследований создаются технологии с наибольшим коммерческим потенциалом.

По-видимому, важно, что коммерческие инновационные центры зачастую создаются за рамками исследовательских организаций и объединяют усилия нескольких исследовательских организаций по территориальному или отраслевому признаку. Это позволяет достигать большей рыночной гибкости и экономической эффективности [1; 9].

2) Постановка социально значимых целей ведёт к появлению иных особенностей.

Центры берут на себя функцию консалтинга и эксперта. Они занимаются разработкой механизмов взаимодействия вузов, промышленности, инвесторов и государственных структур, а также проводят работу просветительского характера [1; 2; 11; 12]. В этом случае вопросами коммерциализации занимается вуз, поскольку именно он заинтересован в передаче и внедрении своих технологий [1; 5; 8].

Социальная направленность не позволяет привлекать больших инвестиций из частного сектора, потому работа ведётся за счёт государственных средств. Надо заметить, что социальная направленность не обязательно ведёт к убыточности, однако часто период выхода на самоокупаемость длится существенно дольше [2; 4; 8; 11].

Отмечается, что в социально-направленных центрах недостаток активности сотрудников сочетается с атмосферой уважения и доверия [5].

Социально-ориентированные центры функционируют за счёт средств вуза или государства. На данный момент их потребности за счет ведения исследований покрывается менее чем на 5 %, а сроки выхода таких центров на самоокупаемость не менее 10 лет. Вместе с тем они создают благоприятный для коммерциализации климат, поэтому не стоит забывать о социальной стороне вопроса [1; 2; 11; 12].

Вопреки сложившемуся стереотипу государственные инновационные структуры могут быть достаточно эффективны. Это возможно при наличии государственной поддержки всего инновационного процесса (выделение средств, создание механизмов стимулирования различных участников этого процесса к взаимодействию, создание благоприятной законодательной базы и многое другое). Наиболее эффективны государственные структуры в Японии и США, где разработаны механизмы взаимодействия государственного и частного секторов в финансировании исследований и коммерциализации результатов [4].

Взаимодействие с государственными структурами

Очевидно, что в зависимости от выбранной цели формы взаимодействия с государством будут сильно различаться. Рыночно ориентированные инновационные центры в наименьшей степени взаимодействуют с государственными структурами [9]. Однако государство остаётся главным инвестором в исследовательские проекты и в создание малых технологических фирм [2; 4; 6; 10; 11] ввиду высокого риска таких инвестиций. В некоторых странах отбор исследовательских программ для государственного финансирования осуществляется именно по критерию высокого технологического риска [4].

Инновационная политика многих государств направлена на поддержку рыночно ориентированных инновационных центров, что может проявляться в стимулировании исследователей к разработке программ коммерциализации интеллектуальной собственности, полученной в результате исследований, или к самостоятельному созданию малых компаний при государственном финансировании [1; 4]. Сами инновационные центры, созданные за счёт бюджетных средств, выводятся за рамки государственных структур для повышения их рыночной активности [1]. Государство однако участвует в создании исследовательских фондов при центрах [2; 4; 6 10; 11].

В социально-ориентированных инновационных центрах взаимодействие с государством сводится к взаимному дополнению. Центры выступают экспертами и создают базу, на которой строится государственная политика в области передачи технологий. Инновационные центры оказываются трансляторами государственной политики и готовят методический материал для тех, кто заинтересован в построении партнерских взаимоотношений с государством в вопросах коммерциализации интеллектуальной собственности [4; 6; 10–12].

Отдельный вопрос, когда коммерциализацию интеллектуальной собственности осуществляет государство [4; 8]. В этом случае оно же берёт на себя координацию взаимодействия науки, бизнеса и общества, разрабатывает программы государственного стимулирования исследований и защиты науки и научных кадров. Роль координатора междисциплинарных исследований также ложится на государство. Главными особенностями такой политики является государственное управление интеллектуальной собственностью и договорное

регулирование прав на нее при выделении финансирования исследовательских программ [4].

В любом случае государственная политика направлена на доступность новых технологий для промышленности. С коммерческой точки зрения сложно оценить преимущества того или иного подхода. Если социальная ориентация вообще не подразумевает получение прибыли как основной цели деятельности инновационных центров, коммерческая эффективность двух других подходов не вызывает сомнений. Единственным минусом коммерциализации в рамках государственных структур является инертность и сложность привлечения высококвалифицированных кадров.

Взаимодействие с разработчиками

Основная разница между инновационными центрами разных типов состоит в том, что для коммерческих центров в качестве разработчика выступает вуз, а для государственных структур – отдельные исследователи. Социально ориентированные центры занимаются не столько взаимодействием с участниками инновационного процесса, сколько созданием благоприятной ситуации для их непосредственного общения с разработчиками. Здесь выделяются следующие значимые критерии.

Коммерческие инновационные центры проявляют особую заинтересованность в создании фондов финансирования НИОКР. Государство традиционно финансирует исследовательские программы, и подобные фонды являются неотъемлемой частью инновационных структур. Исследовательские фонды не только повышают эффективность работы центров, но и являются отличным стимулов для сотрудничества с ними исследователей [4; 6; 10].

Наличие разработанной программы поощрения исследователей также является значимым критерием работы инновационных центров. При этом она должна быть четко прописана и доведена до сведения исследователей [4; 5].

Отличительной особенностью коммерческих инновационных центров является наличие программ, стимулирующих заинтересованность исследователей в росте промышленного производства [2; 4; 6; 9–11]. При разработке таких программ стоит обратить внимание на то, что исключительно коммерческих подход может привести к потере вузами своей общественной направленности. В этом отношении заметно выигрывают инновационные центры, созданные за пределами вузов, берущие на себя всю рыночную составляющую.

Коммерческие центры берут на себя также функции, связанные с управлением интеллектуальной собственностью, поиском инвесторов и стратегических партнёров, разработкой и управлением проектами. Социально ориентированные центры лишь оказывают помощь вузам в этих направлениях, выступая в качестве консультантов [2; 4; 11; 12].

Важным критерием успешной работы инновационных центров является ведение баз данных по исследовательским проектам и готовым к передаче технологиям. Этот критерий присутствует в работе центров всех типов [4; 12].

Некоторые центры создают координационные органы для повышения эффективности своего взаимодействия с разработчиками. Основная цель координации – учёт интересов исследовательских организаций при разработке механизмов передачи технологий [2; 11].

Взаимодействие с промышленностью

В данном аспекте на первое место вновь выходят различия по типам инновационных центров, а культурные различия, наоборот, нивелируются. К примеру, такие различные в культурном отношении страны, как Япония и США разработали во многом схожие механизмы взаимодействия с промышленностью [4].

Отраслевой подход позволяет иметь квалифицированные кадры для взаимодействия с промышленными предприятиями, осуществлять деятельность с максимальным учётом интересов промышленности. К этому подходу склоняются коммерческие и государственные центры [2; 4; 6; 9–12].

Важным компонентом является систематическое проведение исследований спроса промышленности на определённые технологии. Это даёт возможность правильно расставить приоритеты в выборе исследовательских проектов для финансирования [4; 9].

Особая функция ЦТТ состоит в доведении интеллектуальной собственности до уровня готовой к использованию технологии, что минимизирует риски промышленных предприятий и повышает их заинтересованность в сотрудничестве [1; 2; 4; 6; 8; 10; 11].

Социально ориентированные центры берут на себя только разработку механизмов взаимодействия с промышленными предприятиями, оставляя все функции по передаче технологий вузам. В этом отношении некоторые государственные центры занимают позицию социально ориентированных, что заметно снижает эффект от коммерциализации [1; 2; 4; 6; 8–12].

Уникальные и эффективные механизмы работы с промышленностью созданы в США и Японии. Они позволяют не только эффективно передавать технологии, но и привлекать промышленные предприятия к финансированию НИОКР. Государственный подход оказывается наиболее эффективным именно в этом аспекте, поскольку позволяет настраивать не только работу центров, но и законодательную базу и инновационную политику государства в целом. Причём настройка происходит с учётом интересов промышленности [1; 4; 6; 8–10; 12].

Независимо от типа инновационного центра большое внимание уделяется просветительской работе с промышленными предприятиями (выпуск методических материалов, проведение регулярных семинаров и т.п.) [4; 6; 10; 12].

Взаимодействие с инвесторами

Как уже отмечалось, государственными инновационными центрами разрабатываются механизмы привлечения инвестиций со стороны промышленности. Промышленные предприятия, вкладывающие средства в исследовательские проекты, имеют ряд преимуществ в коммерциализации интеллектуальной собственности, полученной в ходе их реализации [2; 4; 8; 11].

Независимо от типа центра, основным инвестором в исследовательские проекты является государство. Причём отбор проектов для государственного финансирования производится по критерию высокого технологического риска [1; 2; 4; 6; 8;10–12].

Социальная ориентация инновационного центра в целом не предполагает привлечение инвестиций. В этом случае помощь центра сводится к разработке эффективных моделей взаимодействия с инвесторами [1; 4; 12].

Коммерчески ориентированные центры для привлечения финансов используют статистические данные доходности инвестиций [6; 10]. Кроме того, такие центры уже сейчас заполняют исследовательский бюджет собственными средствами не менее чем на 25 % (реинвестирование) [1; 2; 4; 8; 9; 11].

Помимо фондов НИОКР создаются также фонды «посевного» капитала. Риски таких вложений уже ниже, но и здесь львиную долю средств составляют государственные инвестиции [1; 2; 4; 6; 10; 11].

Библиографический список

1. *Галоша А.* Политика Франции в отношении трансфера технологий и интеллектуальной собственности: Углубленный курс обучения НАТО / Французское Министерство исследований и новых технологий, Университет Пантеон Асса – Париж-2. М., 2003.
2. Германская система передачи технологий: Углубленный курс обучения НАТО / П.Линдхольм, INNO TSD (Германия). М., 2003.
3. *Егоров С.* Опыт CRDF создания ТТО в Российском Университете: Углубленный курс обучения НАТО / CRDF (США). М., 2003.
4. Исследование проблем коммерциализации технологий и разработка механизмов вовлечения интеллектуальной собственности в хозяйственный оборот: Отчёт о проведении НИР / Руководитель В.А. Рубанов. М.: ООО «Финансово-промышленный консультационный центр», 1997.
5. *Кларк Г.* Трансфер технологий в университетах Великобритании: [Материалы семинара] 19.06.2001, г. Москва / Университет Бристоля. М., 2001.
6. *Колин А.* Оксфордская модель – Офис передачи технологии (ТТО), который приносит результаты: Углубленный курс обучения НАТО. М., 2003.
7. Концепция развития венчурной индустрии в России (государственной системы стимулирования венчурных инвестиций): Проект / Министерство промышленности, науки и технологий РФ // URL: http://www.mpnt.gov.ru
8. Краткий обзор политики Канады в отношении прав на интеллектуальную собственность // http://www.ipr.inage.ru/
9. *Смайлз Б.* Стратегия коммерциализации – её влияние на университет и местную экономику [Материалы семинара] / Эдинбургский университет. М., 2001.

10. Трансфер технологий в Оксфорде // http://www.ipr.inage.ru/
11. Управление интеллектуальными активами германскими государственными исследовательскими организациями: Углубленный курс обучения НАТО / Томас Геринг, Вентратек ГмбХ, Мюнхен, Ульрих Шмох, Институт системных и инновационных исследований Фраунхофера, Карлсруе. М., 2003.
12. *Graham Ph.* Association of University Research and Industry Links / Queen's University. Belfast, 2001.

SUMMARY

Social mobilization: to the history of a concept by *I.A. Klimov* overcomes a "poverty" of the concept through its in-terpretation as interactive process between behavioural characteristics of social actors and structural determinants of their actions, arguing that the social mobility theory is not an invention of a post-modernist discourse but was generated by the classical sociological tradition.

Dilettantism in art and everyday life by *S.B. Kozhevnikov* is an essay or sketch on dialectical opposition between dilettantism and professionalism in the European culture.

A science about complexity and its sociological connotations by *I.A. Shmerlina* finds that hard social constructivism and radical sociobiologism, they both lead to a solipsism, seeing their subjects as self-referenced agencies.

History of «Extension» program at University of Wisconsin by *J. Preissing* speaks about development and priorities of an educational innovation, which impacts rural local communities and crucially changed the role of the University.

A history of elaborating problems of human cognition in USSR and Russia by *A.A. Bodalyov* represents the most important stages of a Soviet-Russian school of cognitive psychology.

Paradoxicality as a constituent quality of professional existence of a psychologist by *G.Yu. Fomenko* reveals a paradoxical nature of psychology in its various aspects: in subject-matter, in situation of diagnostic search, and in cooperation with specialists from other disciplines and fields.

«Progressive» and «normal» strategies of glocal life by *H. Pilkington, E. Starkova* is a shorten variant of Chapter 5 from *Pilkington H. et al.* Looking West? Cultural Globalisation and Russian Youth Cultures. University Park: The Pennsylvania State University Press, 2002 — a very important joint study of youth cultures in Russian provincial cities by the Centre for Russian and East European Studies, The University of Birmingham, and the Research Centre "Region", Ulyanovsk State University.

Friends against whom? Ethnic discourse in Kuban newspapers by *Ya.V. Rakacheva*, using content-analysis data of years 2001–2003, describes patterns of representing relationship between ethnic groups and ethnic themes.

Typical errors in applications for grants by *V.N. Kovalenko* contains recommendations for applicants.

International experience of commercialising intellectual property by *V.G. Pavlenko* outlines some models of institutions mediating science, business and communities.